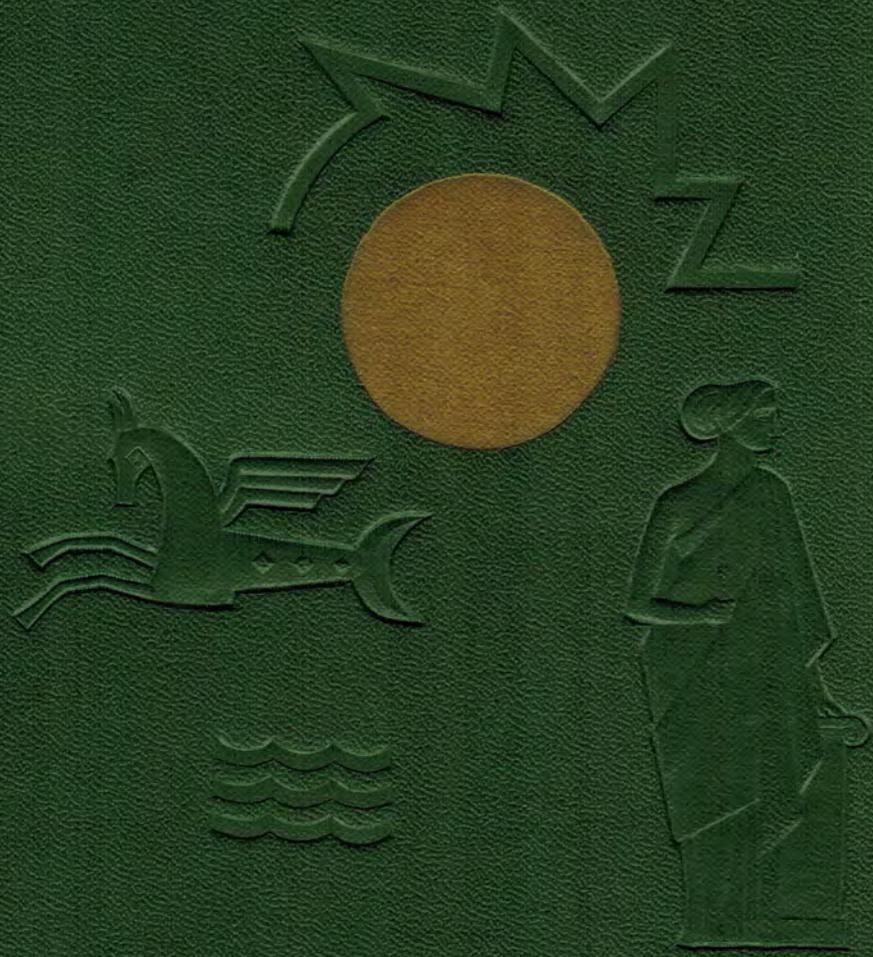

КАТУМ • ТИБУМ • ПРОГЕРЦІЙ

КАТУМ • ТИБУМ • ПРОГЕРЦІЙ

КАТУМЪЛЪ ТЪБУМЪЛЪ ПРОГТЕРЪЛЪМЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

ВАЛЕРИЙ
КАТУЛЛ
АЛЬБИЙ
ТИБУЛЛ
СЕКСТ
ПРОПЕРЦИЙ

П Е Р Е В О Д
С Л А Т И Н С К О Г О

Издание осуществляется под общей редакцией
С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского,
А. Тахо-Годи, С. Шервинского.

Предисловие
и редакция переводов
Ф. ПЕТРОВСКОГО

Комментарии
Е. БЕРКОВОЙ

Художник
А. БЕЛЮКИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Катулл, Тибулл и Проперций... Эти три поэта открывают ту область римской литературы, которая до них оставалась совсем неизвестной для самих римлян. Это — область личной лирики, того литературного жанра, какой в первоначальный период римской литературы совершенно не был в ходу. Нельзя, разумеется, утверждать, что до Катулла в Риме не было поэтов, которые изливали бы в стихах свои личные чувства; очень вероятно, что такие стихи писали (или, по крайней мере, сочиняли), но вряд ли они были настоящим литературным жанром, могущим соперничать с эпическими поэмами и драматической литературой, которые были представлены в Риме такими крупными поэтами, как Эний, Плавт и Теренций.

Творчество Катулла относится к последнему периоду римской республики, к ее закату, который так замечательно охарактеризовал Цицерон в своем «Бруте» — диалоге о знаменитых ораторах Греции и Рима. Я имею в виду те слова Цицерона в последней части этого диалога, какие вдохновили Тютчева, передавшего их в стихотворении «Цицерон»:

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»

Да, для людей, всецело отдававших себя общественной деятельности и пытавшихся отстаивать уже отжившие традиции времен расцвета римской республиканской державы, завоевавшей не только всю Италию, но и Карфаген и Грецию, времена триумвирата, а затем единоличной власти Юлия Цезаря были действительно «ночью Рима». Но для людей, посвящавших себя не только войне и политике, но и проявлявших интерес, и даже главный интерес, к человеческой личности и, в первую очередь, к себе самим, эти последние годы римской республики и возникновение принципата были временем расцвета той поэзии, которая главным своим предметом сделала личные чувства и переживания человека. А интерес к человеческой личности в это время становится настолько глубоким, что даже такой поэт-философ, как Лукреций, в своей поэме «О природе вещей» главное внимание обращает на человека как такового и со всею присущей ему страстностью живописует внутреннюю жизнь людей, их чувства, страсти и страдания.

И вот появляется поэт, который ставит во главу угла своего творчества не воспевание героев истории и мифологии, а самого себя. Поэтому маленькая книжка Катутла, в которой всего немногим больше сотни стихотворений,— крупнейшее литературное явление, открывающее новую эпоху римской поэзии.

По сторонним свидетельствам мы почти ничего не знаем о Катутле. По этим данным нам известно только, что он родился в первой четверти I века до н. э. на севере Италии — в Вероне, переехал в Рим, в 57 году до н. э. отправился в Вифинию в свите претора Меммия, вернулся на следующий год в Италию и поселился в Риме, где и умер, не достигнув, по всей вероятности, и сорокалетнего возраста. Известно также, по свидетельству Светония («Божественный Юлий», 73), что отец Катутла был в дружеских отношениях с Юлием Цезарем. «Валерия Катутла,— говорит Светоний,— который, по собственному признанию Цезаря, навеки запятнал его имя стишками на Мамурру (начальника инженерной части в войске Цезаря), он, после извинений поэта, в тот же день пригласил к обеду, а с отцом его непрерывно продолжал поддерживать дружеские отношения». Известно также, что Катутл был влюблен в одну из сестер Публия Клодия (сначала друга, а потом врага Цице-

рона) — Клодию, которую называет в своих стихах Лесбией (Апулей, «Апологии», 10).

Вот и все. Но эти скудные биографические сведения значительно восполняются тем, что мы знаем о Катулле по его собственным стихам. Правда, по ним нельзя полностью восстановить его биографию, но зато можно составить яркое представление о нем, о его жизни в Риме, о его интересах и чувствах. Он стоит перед нами как живой, и его образ для нас — один из самых ярких образов античной литературы. И для этого поэта самым лучшим жизнеописанием служит не сухой перечень биографических данных, а его собственные лирические стихи, которыми он увлекался с шестнадцатилетнего возраста, а то и раньше (LXVIII, ст. 15—18):

Только успел я надеть на себя белоснежную тогу,
В лучшую пору, когда жизнь расцветала весной;
Вдоволь шутил я тогда и чужд не остался богине,
Что с тревоженными слезь сладкую горечь могла.

Для шестнадцатилетнего молодого человека такие стихи, конечно, были забавой, и не предполагал Катулл, что его юношеские шалости послужат основой для нового в Риме жанра личной лирической поэзии, которой суждено будет занять такое важное место в латинской литературе. И, пренебрегая книжку своих лирических стихов историку Корнелию Непоту (тоже уроженцу Северной Италии), Катулл называет их «безделками» (*ludae*). Однако, приехав из Вероны в Рим, Катулл попадает в круг таких же поэтов-«бездельников» и с увлечением принимается за сочинение легких стихов, соревнуясь с этими поэтами, о чем свидетельствует очаровательное стихотворение, обращенное к поэту Лицинию Кальву, который, хотя и был не только поэтом, но и оратором, все же вместе с другими «новыми» поэтами («неотериками», по-нашему, «модернистами»), о которых презрительно отзывался Цицерон, больше увлекался сочинением стихов, чем выступлениями на форуме. Мы не можем судить о поэтических произведениях этого литературного кружка, так как ни от Кальва, ни от Гельвия Цинны, ни от других входивших в него поэтов не сохранилось ничего, кроме досадных по скудости фрагментов. Но, видно, эти поэты, из которых многие были и земляками Катулла,

составляли влиятельную литературную партию. За образец они брали поэтов александрийской школы, возглавлявшихся сначала Каллимахом и затем Эвфорионом; Цицерон и называет молодых римских лириков презрительно «подголосками Эвфориона» («Тускуланские беседы», III, 45), противопоставлял их творчество классическим произведениям Эниды. Но время торжественной и полной общественного пафоса поэзии уже миновало, и она должна была уступить место иным видам творчества — живой личной лирике и своеобразно переплетавшейся с ней изысканной обработке мифических сюжетов, далеко отходившей от традиционной мифологии. И тому и другому виду поэзии Катулл отдал дань, и в его сборнике, наряду со стихами, обращенными к Лесбии и другим женщинам, а также к его друзьям и недругам, мы находим и несколько небольших мифологических поэм, из которых особенно интересна поэма об Аттисе (LXIII) и мифологическая обработка темы о волосах Береники (LXVI). Последнее стихотворение чрезвычайно интересно и потому, что это не самостоятельное произведение Катулла, а мастерский поэтический перевод поэмы Каллимаха.

Но дарование и мастерство Катулла ярче всего выразились в его стихах, обращенных к Лесбии.

Стихотворения, обращенные к Лесбии, и те, в которых говорится о ней, можно разделить на три группы: счастливая любовь; размолвки и огорчения; окончательный разрыв. Следующей такой схеме, можно считать начальным стихотворение I, I, а последним — XI. Хотя доказать это, строго говоря, нельзя, но такое предположение подтверждается не только содержанием этих стихов, а и очень существенным для античной поэтики внешним признаком: оба стихотворения написаны одним и тем же стихотворным размером — малой сапфической строфой, ни в каких других стихах Катуллом не применявшейся. Основываться же на последовательности стихотворений Катулла по дошедшему до нас сборнику совершенно невозможно, так как они распределены в нем по чисто формальным признакам и никакого отношения к хронологии не имеют.

Представим же себе начало увлечения Катулла Лесбией так, что он еще не уверен в успехе и даже не решается говорить о своей любви собственными стихами: он передает Лесбии свой вольный перевод оды Сафо, надеясь, что римская красавица прекрасно поймет, в чем тут дело. Счастливая любовь

Катулла выражена в дальнейшем в двух стихотворениях, обращенных опять-таки не прямо к Лесбии, а к ее ручной птичке (II и III), а также в стихах, в которых Лесбия прославляется как совершенная красавица, в противоположность двум другим римлянкам — Амеане и Квиитии (XLIII и LXXXVI). Дальнейшее же развитие счастливого романа видно по стихотворениям V, VII, LXXXIII, XCII. Что Катулла со всюю страстью влюбился в Лесбию, в этом не может быть никаких сомнений; но для Лесбии, которая, несомненно, тоже увлеклась Катуллом, это увлечение было скорее мимолетным эпизодом, а не проявлением глубокого чувства. Начались размолвки и обиды, Катулла ревнует Лесбию, грозит ее бросить (VIII), но стоит ей показать ему, как он ей дорог, как он снова возвращается к своей возлюбленной и считает себя счастливее всех людей на свете (CVII) и молит богов, чтобы Лесбия не изменила своему слову (CIX). Но нежная и глубокая любовь Катулла мало удовлетворяла римскую красавицу, окруженную поклонниками, и поэту приходится убедиться в том, что она ищет совсем другого. Это видно по стихотворению LVIII, пропитанному мучительной тоской и возмущением, а смятенное чувство поэта выражено в самом движении этого стихотворения. И вот Катулла решает окончательно разорвать с Лесбией. Он не может унять своей любви, что лучше всего видно по знаменитому двустишию — *Odi et amo* (LXXXV), по никакие попытки Лесбии вернуть себе Катулла, никакие ее обещания на него не действуют, и он заканчивает свой цикл стихов к Лесбии стихотворением, полным глубокого горького чувства (XI).

Но, помимо стихов к Лесбии и друзьям, в которых Катулла живописует свои личные чувства, в дошедшем до нас сборнике его стихов есть и много других произведений, в которых он предстает перед нами как крупнейший представитель новой поэтической школы римской поэзии. Это — его поэмы, в которых наряду со своеобразной разработкой мифологических тем, автор уделяет особое внимание психологическим мотивировкам своего повествования. Особенно ярко проявляется интерес Катулла к психологическому анализу в поэме об Аттисе, написанной сложным стихотворным размером — галлиямбом. Тема этой поэмы — переживании оскотившего себя жреца фригийской богини Кибелы (LXIII). Как в поэме об Аттисе, так и в других больших стихотворениях Катулла и даже в его лирике

(ср., например, VII) ясно видна александрийская «ученость», но во всех этих произведениях талант Катулла заставляет забывать о каком-либо подражании греческим образцам; свои образцы Катулл использует только как удобный ему материал и всюду остается подлинным римским поэтом с ярко выраженной собственной личностью. И в его лирике, и в его поэмах видны свежие и живые источники народного творчества, подлинный италийский юмор, переходящий в стихах против личных врагов и приспешников Юлия Цезаря и в едкий «италийский укус», по выражению Горация.

Как никто другой из римских поэтов, Катулл умел соединять трогательное и нежное с резким и грубым, быть блестяще остроумным (см. очаровательную новеллу X), а в своей лирике — всегда искренним и непосредственным.

Прошло каких-нибудь двадцать с лишним лет со дня смерти Катулла, и все изменилось в Риме. Старая сенатская республика уступила место единоличной власти Августа, и началась новая эпоха в развитии римской литературы. Один за другим появляются новые поэты во главе с Вергилием и Горацием, затмевающими на некоторое время славу Катулла. Но воздействие его поэзии все же не угасает и продолжает сказываться и в лирике Горация, и в произведениях тех поэтов, которые создают римскую элегию.— Тибулл и Проперция, а за ними и Овидий.

Хотя биография Тибулла нам известна из древнего его жизнеописания несколько лучше, чем биография Катулла, но все-таки о его личной жизни мы можем судить почти исключительно по его элегиям. Тибулл родился около 60 года до н. э., то есть незадолго до смерти Катулла, а умер, как предполагают, одновременно с Вергилием, то есть в 19 году до н. э. Он принадлежал к литературному кружку, покровителем которого был полководец Марк Корнелий Мессала. Его Тибулл сопровождал во время одного из походов и посвятил ему седьмую элегию первой книги.

Под именем Тибулла до нас дошли две книги элегий, посвященных главным образом двум его возлюбленным, названным вымышленными именами Делия и Немеспа.

Родившись во времена ожесточенной борьбы за власть между Цезарем и Помпеем и пережив в ранней юности страш-

ный период гражданских войн в римском государстве, Тибулл, не принадлежавший ни к высшей римской знати, ни к низшим слоям римского общества, да и по своему имущественному положению занимавший среднее в нем место, стремится отстраниться от политической жизни. Его идеал — мирная сельская жизнь и счастливая любовь вдали от шумной и беспокойной столицы; не надо ему ни почестей, ни военной славы, ни богатства. Этот идеал лучше всего выражен Тибуллом в начальной элегии первой книги и в заключительной, десятой, в которой он проклинает войну. Презрение к богатству и ненависть к ужасам войны, пожалуй, единственные общественно-политические темы, какие занимают Тибулла.

Стихи Тибулла, обращенные сперва к Делии, а затем к Немесиде, во многом напоминают стихи Катулла к Лесбии по изображению чувств поэта, однако все они облечены в определенную литературную форму, и среди них мы не найдем ни одного стихотворения, которое дышало бы такой непосредственной страстью, какая отмечает стихи Катулла. И, несмотря на то что было бы совсем нелепо заподозривать Тибулла в неискренности его чувств к возлюбленным, все же, изображая эти чувства в строго выдержанных рамках элегии, он во многом лишает их того обаяния, какое присуще лирике веронского поэта. Тибулл в своих элегиях никогда не забывает о том, что они должны подчиняться определенным правилам, выработанным для элегической поэзии, но вместе с тем, помимо изображения своих любовных чувств, он с удивительным изяществом и полной искренностью вводит в них и картины, присущие идиллической поэзии. — описывает деревенскую природу, сельский праздник, видит в своем воображении Делию, поджидающую его за прялкой, и т. д. Гораздо меньше внимания уделяет Тибулл мифологической тематике, этому неизменному элементу большинства произведений античной поэзии: видно, что и тут его гораздо больше интересуют сельские божества, чем официально почитаемые в Риме Юпитер и другие главные небожители. Даже бог поэзии Аполлон и Венера с Амуром для него менее значительны, чем Приап, Палес или хранители домашнего очага — лары.

Тибулл — певец идеализируемой им сельской жизни, в обстановке которой мечтает он жить со своей милой Делией. Но мечты так и остались мечтами, да и Делия несколько их

не разделяла. Она начинает постоянно ему изменять и покидает своего нежного и склонного к меланхолии поклонника, предпочтя ему более выгодного любовника. Другая возлюбленная Тибулла — Немесида, в которую Тибулл был, видимо, гораздо сильнее влюблен, чем в Делию, и которой он посвящает большинство любовных элегий второй книги, — настоящая куртизанка; она прекрасно знает себе цену, расчетлива, корыстолюбива, холодна, и хотя знает толк в поэзии, но гораздо больше ценит деньги, чем элегии своего поклонника.

Надо, однако, сказать, что характеристика обеих любовниц Тибулла в его стихах представляет для нас гораздо меньше интереса, чем то, как он передает свои собственные чувства и мечты. Самое ценное в этом поэте — это его искренность в сочетании с замечательным изяществом его стихов, простотой его речи и с отсутствием «ученой» надуманности, свойственной александрийской поэзии.

К дошедшим до нас двум книгам стихов Тибулла присоединены под его именем еще две книги стихотворений, ему не принадлежащих. Это книга некоего Лигдама, ровесника Овидия, панегирик Мессале, написанный гекзаметрами каким-то неизвестным поэтом (IV, 1), и несколько стихотворений поэтессы Сульпиции, принадлежавшей к тому же кругу поэтов, что и Тибулл. Самому Тибуллу в этом сборнике могут принадлежать только пять небольших стихотворений (IV, 2—6), элегия (IV, 13) и эпиграмма (IV, 14).

Так же мало, как и о Тибулле, мы имеем биографических данных о его младшем современнике Проперции; и опять-таки наиболее существенные о нем сведения извлекаем из самих его произведений. Родился Проперций в Умбрии, скорее всего в городе Асизини (теперешнем Ассизи) около 50 года до н. э., а умер около 16 года до н. э. Происхождения он был далеко не знатного, не был он и богат (см. II, 24, 37). Нерешав в Рим, Проперций не стал стремиться ни к какой служебной карьере, а всецело отдался своему поэтическому призванию. Когда появилась его первая книга стихов, он сразу обратил на себя внимание Мецената, но остался далек в своих стихах от той тематики, какая была бы желательна Августу, и хотя, несо-

мнению, угодил ему впоследствии своей элегией на смерть Марцелла (III, 18) и некоторыми другими стихотворениями, но все-таки продолжал быть верен своей любовной теме.

Главным увлечением Проперция была красавица Книфия, настоящее имя которой, по словам Апулея, было Гостия. Кто она была по своему происхождению и общественному положению, сказать трудно, но, во всяком случае, она была не только хороша собою, но и прекрасно образованна, обладала поэтическим и музыкальным дарованием и привлекала к себе многочисленных поклонников своим исключительным обаянием. Словом, это не была легко доступная гетера (какими тоже увлекался Проперций), но одна из тех женщин, о которых говорит Овидий в «Искусстве любви», как о живых носительницах изящества и поэзии. И хотя Проперций и Книфия не раз изменяли друг другу, но тем не менее увлекшийся ею поэт, даже после целого года разрыва с нею, все же вернулся к ней снова и, очевидно, никогда не переставал ее любить, оставаясь верным своим словам, какими заканчивает двенадцатую элегию первой книги:

Книфия первой была, Книфия — это конец.

В лице Проперция мы встречаемся с поэтом, писавшим в том же литературном жанре, что и Тибулл, но поэтом, совершенно отличным от поклонника Делии. Проперций наделен необычайно бурным темпераментом: он и страстен и порывист, может в своих чувствах сразу переходить от одной крайности к другой — от живого веселья к томной печности, от лирических излияний к сатире, от серьезного тона к остроумной шутке, даже когда он раздражен (II, 21); и всегда он подкупает непосредственностью и искренностью своего яркого чувства. Надо, однако, признать, что все это сложное и увлекательное существо Проперция часто завлекается его мифологическою «ученостью», приводящей порой в совершенное недоумение читателя; наш автор — убежденный последователь александрийской поэзии и хочет пощеголять ученостью даже в тех случаях, когда она сильно ослабляет непосредственное впечатление от его на редкость яркого поэтического дарования. Но, стараясь показать себя ученым поэтом, Проперций, вместе с тем, иной раз мало следит как за единством формы своих элегий, так и за единством их содержания. Это

не всегда выдержанное единство сказывается и в его языке, когда в изысканную риторическую речь вдруг врываются простонародные выражения или, насколько мы можем это определить, какие-то чуждые римскому литературному языку провинциализмы.

Поэзия Катуллы, Тибуллы и Проперция оказала большое влияние на творчество последующих поколений поэтов и не только римских, как, например, на Овидия, упоминающего как своих предшественников Тибулла и Проперция, или на Марциала, то подражавшего Катуллу, то пародировавшего его стихи, но и на поэтов средних веков и нового времени.

«Важные римляне, потомки суровых Кориоланов,— говорит Батюшков,— эротическую музу Катуллы, Тибуллы и Проперция не отвергали» («Речь о влиянии легкой поэзии на язык», 1816). Не отвергли ее и на нашей родине. Батюшков, говоря о жизни «некоторых стихотворцев, которых имена столь любезны сердцу нашему», и приводит в пример Горация, Катуллу и Овидия, которые «так жили, как писали», особо останавливается на Тибулле: «Тибулл не обманывал ни себя, ни других, говоря покровителю своему Мессале, что его не обрадуют ни триумфы, ни пышный Рим; но спокойствие полей, здоровый воздух лесов, мягкие дуга, родимый ручеек и эта хижина с простым соломенным кровом — ветхая хижина, в которой Делия ожидает его с распущенными волосами по высокой груди» («Нечто о поэте и поэзии»).

Тибулл очень привлекал Батюшкова, который сделал три вольных перевода элегий Тибуллова сборника (I, 3; I, 10 и III, 3), изменив в последней (Лигдамовой) элегии имя Неэра на Делия. Почитателем Тибулла был в юности и Пушкин.

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,—

говорит он в послании Батюшкову 1815 года.

Но в более зрелых годах Пушкин больше увлекается Катуллом. Это видно и по письму к Дельвигу от 20 февраля

1826 года, в котором он пародирует стихи 120—121 LXI стихотворения Катулла:

«Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Гименеем

Io hūmen Нуменаее ю,
Io hūmen Нуменаее! —

т. е. черт побори вашу свадьбу, свадьбу вашу черт побори», и по переводу 27-го стихотворения Катулла («Пьяной горечью Фалерна...»), и по заметке о шуточном стихотворении П. Н. Дмитриева «Путешествие В. Л. П.» (1836):

«Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпоса, но и в игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенных ясней веселостью, — искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в Ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...»

А о Петронии в отрывке повести из римской жизни («Цезарь путешествовал...») сказано, что он «писал стихи не хуже Катулла».

Очаровательное подражание стихотворению Катулла на смерть воробья (III) есть и у Дельвига — «На смерть собаки Амики», — полное всяких античных реминисценций (здесь и «Амур и Грации», соответствующие Катулловым *Veneres Cupidinesque*, и Диана и поэт Бавий, который мучает всех «Семь уж люстров стихами жестокими») и кончающееся так:

Уж Амика ушла за Меркурием
За Коцит и за Лету печальную,
Невозвратно в обитель Андову,
В те сады, где воробушек Лесбии
На руках у Катулла чиликает.

Следует отметить в этом стихотворении и его одиннадцатисложный размер, которым Дельвиг хотел как можно ближе передать катулловский фалексов стих, вскоре после Дельвига

точно передаваемый Каролиной Павловой и в настоящее время ставший привычным для нашего слуха.

Интересен отзыв о Катулле учителя Пушкина и Дельвига Н. Ф. Кошанского, бывшего в царскосельском лицее профессором русской и латинской словесности: «В лирических стихах его есть превосходные творения и весьма приятные, он отличается нежностью чувств и выражений; кон, однако ж, показывают уже следы испорченного вкуса: ибо часто в стихах своих оскорбляет благоприличие и скромность». Последняя часть этого отзыва, конечно, не могла смутить ни Пушкина, ни Дельвига!

Гораздо меньше успеха имел у наших поэтов Проперций, заинтересовавший, однако, Майкова, которому принадлежат два вольных подражания XI и XIV элегиям книги первой: «Цинтия» и «Туллу».

Ф. ПЕТРОВСКИЙ

ВАЛЕРИЙ
КАТУЛЛ

I

Эту новую маленькую книгу,
Жесткой пемзой вытертую гладко,
Подарю я кому? — Тебе, Корнелий!
Ты безделки мои считал за дело
5 В годы те, когда, первым среди римлян,
Судьбы мира всего вместить решился
В три объемистых и ученых тома.
Получай же на память эту книжку,
Хороша ли, худа ль. И пусть богиня
10 Пережить не одно ей даст столетье.

II

Милый птенчик, любовь моей подружки!
На колени приняв, с тобой играет
И балует она и милый пальчик
Подставляет для яростных укусов.
5 Когда так моя прелесть, жизнь, отрада
Забавляется, бог весть как, смеется,
Чтоб найти утешеньце в заботах,
Чтобы страсть (знаю — страсть!) не так пылала,
Тут и я поиграть с тобой хотел бы,
10 Чтоб печаль отлегла и стихло сердце.

III

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки.
Бедный птенчик, любовь моей подружки.
5 Милых глаз ее был он ей дороже.
Слаще меда он был и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает.
Он с колен не слетал хозяйки милой.
Для нее лишь одной чирикал сладко.
10 То сюда, то туда порхал, играя.
А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата.
Будь же проклята ты, обитель почи,
Орк, прекрасное все губящий жадно!
15 Ты воробушка чудного похитил!
О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез, соленых, горьких,
Покраснели и вспухли милой глазки.

IV

Кораблик этот (он пред вами, странники!)
Клянется, что быстрее из судов морских
Когда-то был он: веслами ли движимый,
Летя ли вдаль под полотняным парусом,
5 Все баржи обгонял он и будары все,
Тому свидетель — бурный берег Адрии,
И круговые острова Кикладские,
И гордый Родос, Пропонтида страшная,
И Понта неприветливые гавани.
10 Не кораблем, кудрявым лесом был он там.
На гребне Китарийском зеленел лесок,
С ветрами перешептывался шелестом.
Поросший буком Китор, Амастрийский холм,
Вы видели, вы слышали, вы знаете
15 (Так говорит кораблик). В дни далекие
На ваших склонах подрастало деревцо,
В затоны ваши впились весла легкие,
От ваших скал, через моря бурливые,

Повез корабль хозяина. То в правый борт,
20 То в левый билась буря. То подхватывал
Попутный ветер с силой оба паруса.
К береговым богам мольбы о помощи
Не обращал он. И на затишь озера
Прозрачного сменил пучины дальние.
25 Все было и минуло. В сонной праздности
Дряхлеет он отныне, посвятив себя
Вам, двое братьев, Кастор с братом Кастора.

V

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики,— что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной!
Пусть восходят и вновь заходят звезды,—
5 Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
10 А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.

VI

Флавий милый! Давно бы показал ты
Мне подружку свою — ведь ты не скрытен, —
Безобразной не будь она и грубой.
Вижу, вижу, в распутную девчонку
5 Ты влюбился и совестно признаться.
Не проводишь ты ночи в одиночку.
Молча спальня твоя вопит об этом,
Вся в цветах и пропахшая бальзамом,
И подушка, помятая изрядно,
10 И кровати расшатанной, на ножках
Не столщей, скрипенье и дрожанье
Не поможет молчать и отпираться.
Ты таким не ходил бы утомленным,
Если б втайне страстям не предавался.
15 Расскажи мне про радость и про горе,
И тебя и любовь твою до неба
Я прославлю крылатыми стихами.

VII

Спросишь, Лесбия, сколько поцелует
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты зыбучий сочти песок ливийский
В напоенной отравами Кирене,
5 Где оракул полуденный Аммоиа
И где Батта старинного могила.
В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятья.
Столько раз ненасытными губами
10 Поцелуй бесноватого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.

VIII

Катулл измученный, оставь свои бредни:
Ведь то, что сгнуло, пора считать мертвым.
Сияло некогда и для тебя солнце,
Когда ты хаживал, куда вела дева,
5 Тобой любимая, как ни одна в мире.
Забавы были там, которых ты жаждал,
Приятные — о да! — и для твоей милой,
Сияло некогда и для тебя солнце,
Но вот, увы, претят уж ей твои ласки.
10 Так отступись и ты! Не мчись за ней следом,
Будь мужествен и тверд, переноси муки.
Прощай же, милая! Катулл сама твердость.
Не будет он, стеная, за тобой гнаться.
Но ты, несчастная, не раз о нем вспомнишь.
15 Любимая, ответь, что ждет тебя в жизни?
Кому покажешься прекрасней всех женщин?
Кто так тебя поймет? Кто назовет милой?
Кого ласкать начнешь? Кому кусать губы?
А ты, Катулл, терпи! Пребудь, Катулл, твердым!

IX

О Вераний, из всех друзей ближайших
Миль на триста ко мне всех прочих ближе!
Ты ль вернулся домой, к своим Пенатам,
К братьям верным и к матери-старушке?
5 Да, вернулся,— как рад я сладкой вести!
Видя целым тебя, вновь буду слушать
Об испанских краях, делах, народах
Твой обычный рассказ; на шее виснуть,
Без конца целовать в глаза и губы!
10 Много ль в мире найдешь людей блаженных,
Кто меня веселей, меня блаженней?

Х

Вар мой с площади раз к своей подружке
Свел меня: посмотреть,— я был свободен.
Мигом я увидел, что потаскушка,
По собой педурна и не без лоска.
5 Сели, стали болтать. Зашла беседа
Про Вифинию,— как, мол, там живется
И как много нажить сумел я денег.
Отвечал я как есть: что возвратились
Все ни с чем, как один, начальству даже
10 И тому не пришлось принарядиться.
Да и претор — свишня: свои же люди,
А ни на волос к ним вниманья!..— «Все же,—
Отвечают они,— ты, верно, добыл
То, что там, говорят, вошло в обычай:
15 Для посылки людей?» И захотелось
Мне хвастнуть, что, мол, я других счастливей.
«Уж не так, говорю, мне было худо,
Хоть на долю мне край неважный выпал,

Чтоб шести не купить верзил здоровых!»

20 У меня же нигде, ни там, ни в Риме,
Ни единого нет, кто мог бы ножку
Старой койки моей взвалить на плечи...
А распутнице что? Она сейчас же:
«Мой Катулл, говорит, мне их на время

25 Одолжи, дорогой! Добраться надо
Мне к Серанису в храм». — «Ну что же, можно...
Завтра... только они... я спутал малость...
Так сказать, не мои... их мой товарищ
Цивна Гай... так сказать... себе их добыл...

30 Впрочем, он или я — совсем неважно:
Ими пользуюсь вроде как своими...»
До чего ж груба ты и настырна,
Человеку не дашь чуть-чуть забыться!

XI

Фурий, ты готов и Аврелий тоже
Провожать Катулла, хотя бы к Инду
Я ушел, где море бросает волны
На берег гулкий.

⁵ Иль в страну гиркан и арабов пышных,
К сакам и парфиям, стрелкам из лука,
Иль туда, где Нил семиустый мутью
Хляби пятнает.

Перейду ли Альп ледяные кручи,
¹⁰ Где поставил знак знаменитый Цезарь,
Галльский Рейн увижу иль дальних бриттов
Страшное море —

Все, что рок пошлет, пережить со мною
Вы готовы. Что ж, передайте милой
¹⁵ На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних.

Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
20   Каждому руша.

Только о моей пусть любви забудет!
По ее вине иссушилось сердце,
Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть.

XII

Марруцинец Асиний! Левой лапой
Ты орудуешь худо на понойках,
Ты платки у хозяина таскаешь.
Разве ж это забавно? Грубый дурень!
5 Это — грязная шутка и без вкуса.
Мне не веришь? Поверь хоть Поллиону!
Брат твой золотом чистым был бы счастлив
Искупить твои кражи. Он воспитан,
Он изящен и знает толк в игрушках.
10 Жди же ямбов моих три злейших сотви.
Не цена дорога потери малой:
Это память о друге ненаглядном.
Из холстины иберской и сетабской
Мне в подарок прислал ее Вераний
15 И Фабулл. Я люблю платок не меньше,
Чем Верания милого с Фабуллом.

XIII

Мой Фабулл! Накормлю тебя отлично
В дни ближайшие, если бог поможет.
Только сам озаботься угощением,
И вином, и хорошенькой девчонкой,
⁵ И весельем, и острыми словами.
Озаботься всем этим, и отлично
Угостишься, дружок! А у Катулла
В кошельке загнездилась паутина.
Но в обмен награжу тебя подарком
¹⁰ Превосходным, чудесным несравненно!
Благовоньем — его моей подруге
Подарили Утехи и Венера.
Чуть понюхаешь, взмолишься, чтоб тотчас
В нос всего тебя боги превратили,

XIV

Если б глаз моих ты милей мне не был,
Кальв любезнейший, за такой подарок
Я Ватимьевой отплатил бы злобой.
Что я сделал, сказал я что дурного,
5 Чтоб казнить меня стольких виршеплетов
Пачкотней? Пусть погубит бог клиентов,
Наградивших тебя такой заразой!
Впрочем, нет! Если дар изящный этот
Преподнес тебе Сулла, муж ученый,
10 Так нимало не зол я. Нет, я счастлив,
Что труды твои не пропали даром.
Бог великий, чудовищная книга!
И ее ты, злодей, прислал Катуллу
Своему, чтоб я помер в одночасье,
15 В Сатурналии, в самый лучший праздник?
Не пройдет тебе, хитрый, даром шутка!
Спозаранку обегаю все лавки,
Книги Цесиев всяких и Аквинов

И Суффена отраву соберу я
20 И тебе отплату ужасной пыткой.
Вы же прочь убирайтесь поскорее,
Прочь, откуда взялись на зло и скуку,
Язва века, негодные поэты!

XVI

Растяну вас и двину, негодяи!
Блудный Фурий и пащенок Аврелий!
По стихам моим, легким и нескромным,
Вы мальчишкой сочли меня бесстыдным.
5 Сердце чистым должно быть у поэта,
Но стихи его могут быть иными.
Даже блеск и соленость придает им
Легкой мысли нескромная усмешка.
Веселит она, нет, не лоботрясов,
10 А мужей бородатых, долгой жизнью
Утомленных и к страсти охладевших.
Вы же, счет потерявши поцелуям,
Не хотите считать меня мужчиной?
Растяну вас и двину, негодяи!

XVII

Городок мой! Желаеть ты на мосту веселиться.
В пляс пуститься готовы все. Одною только трусят —
Плох мостишка. Прогнил настил. Сваи стали трухлявы.
Тут держись! Полетишь стремглав! В тонкой грязи увлзнешь.
5 Пусть же крепкий получишь мост, как в мечтах тебе снятся!
Лихо пусть по нему стучат ноги в пляске салийской!
А за это позволь и мне власть потешиться смехом.
Разреши с твоего моста сбросить вниз головую,
Вверх тормашки, как сена куль, землячка дорогого!
10 В лужу пусть кувырком летит, в топь, вонючую жижу,
Где чернейшей трясины гниль, где пучина болота!
Это — страшный дурак! Умом он глупее ребенка
Двух годков, что уснул, отца убаюканный песней.
Этот увалень взял себе чудо-девочку в жены,
15 Нежной козочки прелесть в ней, ревзость юности первой.
Баловать бы ее, беречь, гроздь сладчайшую сада.
Дурень женке гулять дает. Сам не двинет и пальцем,
Сам и с места не встанет. Нет! Он улегся колодой,

Что, подрублена топором, хлоп, в канаву упала.

- ²⁰ Пестрой жизни веселый шум не дойдет до канавы.
Вот таков же и мой дурак! Он не слышит, не видит,
Кто таков, позабыл давно, жив ли, нет ли, не знает.
Вот его с твоего моста скovyрнуть мне охота!
Может быть, от сонливых дум он проснется в тряспе,
²⁵ В грязной тине оставит нрав свой тупой и холодный.
Так подкову теряет мул в жидкой луже болота.

XXII

- Мой Вар! Суффена ты паверняка знаешь!
Суффен красив, воспитан, говорить мастер.
Вдобавок к остальному он стихи пишет.
По тысяче, по десять тысяч строк за день
- ⁵ Кропает, не как мы на черновых свертках,
На царских хартиях, чтоб переплет новый,
Чтоб скалки новые, чтоб вышито красным,
Свинцом расчерчено, начищено пемзой,
Стихи прочесть попробуй, и Суффен важный
- ¹⁰ Покажется бродягой, пастухом козьим.
Такая перемена! Вот стихов сила!
Никак не верится! Такой хитрец, умник,
Умней всех умников, из хитрецов — хитрый,
Становится последним дураком сразу,
- ¹⁵ Чуть за стихи возьмется. Никогда все же
Так горд он не бывает, до небес счастлив,
Поэзией своей он упоен, право.
Но будем откровенны! Таковы все мы.
Немного от Суффена ты найдешь в каждом.
- ²⁰ Смешны мы все, у каждого своя слабость.
Но за своей спиною не видать сумки.

XXIII

- Фурий! Нет у тебя ларя, нет печки,
Ни раба, ни клопа, ни паутины,
Есть отец лишь да мачеха, которым
Камни дай — разжуют и их отлично.
5 Право, счастье тебе с таким папашей
И с супругой железною папашни.
Что ж дивиться? Ведь вы бодры, здоровы,
Переварите все и не боитесь
Ни пожара, ни кражи нечестивой,
10 Ни отравы лихой, ни разоренья,—
Словом, беды любые вам не страшны.
Ваше тело от стужи, и от зноя,
И от голода до того иссохло,
Что давно уже стало тверже рога.
15 Чем же плохо тебе? Чем ты несчастлив?
Нету пота в тебе и нету слизи,
Нет слюны и в носу соплей зловредных,—
Чище чистого ты. Прибавь к тому же,
Что и зад у тебя солонки чище:
20 В год ты какаешь десять раз — не больше,
Кал твой тверже бобов и крепче гальки,

Можешь мять и тереть его руками —
Даже пальцев себе ты не измажешь,
Научись же ценить такое счастье
25 И не смей презирать все эти блага,
И привычку оставь по сто сестерций
Всюду кланчить: и так ты счастлив, Фурий!

XXV

Распутный Талл, изнеженный, нежней мозгов гусиных,
Иль кроличьего волоса, иль нитей паутинных,
Иль члена стариковского, иль самой мочки уха,
К тому же ненасытнее свирепствующей бури,
5 Суда ко дну пускающей у берегов Мелея!
Ты плащ мне возврати, о Талл, украденный тобою,
Платок сетабский, пестрые, узорные вифинки,
Их напоказ ты выставил, как родовые, дурень!
Ты из когтей их выпусти и мне верни скорее, —
10 Не то бока завядшие и дрябленькие ляжки —
Дождешься сраму! — жгучая тебе распишет плетка,
И, как корабль, застигнутый жестокой бурей в море,
Тогда ты под рукой моей заскачешь против воли!

XXVI

Не под северным ветром расположен
Хутор мой, не под бурями Фавона,
Не под Австром полуденным и Евром,
Нет, заложен он за пятнадцать тысяч,
Вот чудовищный ветер и несносный!

XXVII

Ну-ка, мальчик-слуга, налей полнее
Чаши горького старого Фалерна,
Так велела Постумия — она же
Пьяных ягод пьянее виноградных.
Ты ж, погибель вина — вода, отсюда
Прочь ступай! Уходи к суровым, трезвым
Людам: чистым да будет сын Тионы!

XXVIII

Злополучные спутники Пизона,
С легкой ношею, с сумкой за плечами,
Друг Вераний, и ты, Фабулл несчастный!
Как живется вам? Вдосталь ли намерзлись
5 С вашим претором и наголодались?
Так же ль все барыши в расход списали,
Как и я, за моим гоняясь мотом,
Уилатил за долги его — вот прибыль!
Меммий милый! Изрядно и жестоко
10 Ощипал он меня и облапошил.
Что я вижу? И вы в таком же счастье?
Облапошили вас и ощипали?
Вот они — покровители из знатных!
Чтоб вас прокляли боги и богини,
15 Вас — позорище Ромула и Рема!

XXIX

Кто видеть это может, кто терпеть готов?
Лишь плут, подлец бесстыжий, продувной игрок!
В руках Мамурры все богатства Галлии,
Все, чем богата дальняя Британия!

⁵ Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
Ты, значит, плут бесстыжий, продувной игрок!
А он теперь, лоснящийся, напыщенный,
В чужих постелях знай себе валяется,
Петух, самец блудливый, жеребец лихой!

¹⁰ Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
Ты, значит, плут бесстыжий, продувной игрок!
Затем ли на далекий остров Запада
Ходил ты, цвет и слава победителей,
Чтобы вот этот твой кобель потрепанный

¹⁵ За сотней сотню расточал и тысячи?
Чудовищная щедрость, мотовства разгул!
Неужто мало прожито-просажено?
Сначала деньги прокутил отцовские,

Затем ограбил Понт, затем Иберию,
20 Где Таг течет, река золотоносная,
Теперь дрожат и Галльский, и Британский край.
Зачем с мерзавцем нянчитесь? Проматывать
Умеет деньги, больше ни на что не гожд.
Не для того ль вы город погубили наш,
25 Благочестивый зять, благочестивый тесть?

XXX

Ты жесток, мой Алфен, жалости нет к сверстникам игр в тебе.
К ним не памятливы ты, сердцем суров, другу неверный друг.
Предал друга шутя, мне изменил, весь — вероломство ты!
Помни, боги отмстят смертным за ложь! Зло ненавистно им.

⁵ Обо всем ты забыл. Вот одного бросил в беде меня.

Что же делать, скажи, людям теперь? Верить кому, скажи?

Сам же душу тебе вверить просил, в дружбу завлек меня.

Сам же верность во всем мне обещал, в сердце вселил любовь.

Все, что сделал, и все, что ты сказал, — вижу, пустой туман,

¹⁰ Легкий ветер и дым. Ото всего нынче отрекся ты.

Пусть забыл ты, но знай, бог не забыл! Верность-богиня ждет!

Ей заплатишь за все! Сроки придут! И пожалеешь ты!

XXXI

Всех полуостровов и островов в мире
Жемчужинка, мой Сирмион! — хоть их много
В озерах ясных и в морях Нептун держит.
Как счастлив я, как рад, что вновь тебя вижу!
5 Расставшись с Финией, с Вифинией дальней,
Не верю сам, что предо мною ты, прежний.
О, что отраднее: забот свалить бремя
И возвратиться с легкою душой снова,
Устав от долгих странствий, к своему Лару
10 И на давно желанном отдохнуть ложе!
Вот вся награда за труды мои... Милый
Мой Сирмион, ликуй: хозяин твой прибыл!
Ликуйте, озера Лабийского волны!
Все хохочите, сколько в доме есть Смехов!

XXXII

Я прошу, моя радость, Ипсифилла,
Наслажденье мое, моя утеха,
Днем проведать тебя позволь сегодня!
А позволишь — смотри, чтобы не в пору
5 Кто-нибудь за собой не запер двери,
Да сама пикуда уйти не вздумай,
Но меня поджидай и приготовься
Девять кряду со мной сомкнуть объятий.
Если так, разрешай скорей: нет мочи,—
10 Пообедал я, сыт и, лежа навзничь,
И рубаху и плащ проткну, пожалуй.

XXXIV

В посвященье Диане мы,
Девы, юноши чистые.
Пойте, юноши чистые,
Пойте, девы, Диану!

⁵ О Латония, высшего
Дочь Юпитера вышняя,
О рожденная матерью
Под оливой делийской,—

Чтоб владычицей стала ты
¹⁰ Гор, лесов густолиственных,
И урочищ таинственных,
И потоков гремящих!

В муках родов глаголема
Ты Людиной-Юноною;
¹⁵ Именуешься Тривией,
С чуждым светом Луною!

Бегом месячным меришь ты
Путь годов, и хозяину
Добрым наполнишь ты сельский дом
20 Урожаем, богиня.

Под любым из имен святись
И для племени Ромула
Будь опорой доброю,
Как бывала издревле!

XXXV

Задушевному другу и поэту,
Пусть Цецилию скажут эти строки,
Чтоб в Верону летел, покинув стены
Кома Нового и Ларийский берег.
5 От знакомого нашего услышать
Может много он песен самых новых.
Если мудр он, пускай в дорогу мчится.
Пусть хоть тысячу раз в печали друга
На прощанье красавица окликнет
10 И, закинув на шею руки, скажет:
«Оставайся!» Бедняжка, так я слышал,
Безграничной горит к нему любовью.
«Диндимены» своей прочел начало
Ей поэт и огонь смертельной страсти
15 Заронил в необузданное сердце.
Понимаю тебя, о внучка Сафо!
О соперница муз! Она прекрасна —
«Диндимена», Цецилия созданье.

XXXVI

Хлам негодный, Волюзия анналы!
Вы сгорите, обет моей подружки
Выполняя. Утехам и Венере
Обещалась она, когда вериюсь я
5 И метать перестану злые ямбы,
Худший вздор из дряннейшего поэта
Подарить хромоногому Гефесту
И спалить на безжалостных поленьях.
И решила негодная девчонка,
10 Что обет ее мил и остроумен!
Ты, рожденная морем темно-синим,
Ты царица Идалия и Урий,
Ты, Анкону хранящая и Голги,
Амафунт, и песчаный берег Книда,
15 И базар Адриатики, Диррахий,—
Благосклонно прими обет, Венера!
Вы ж не ждите! Живей в огонь ступайте,
Вздор нескладный, нелепица и бредни,
Хлам негодный, Волюзия анналы!

XXXVII

- Кабак презренный, вы, кабацкая свора
У пятого столба от «Близнецов в шанке».
Мужчинами считаете себя только?
Иль девушки родятся вам одним в радость?
5 Вам пить и веселиться, мы ж ослов стадо?
Расселась сотня дурней или две сотни,
И думаете нагло, с вами нет сладу?
Не растянуть мне разве дураков двести?
Ошиблись. Будет жечь над кабаком надпись
10 Из яда скорпионов и моей злости.
Подружка милая из рук моих скрылась,
Любимой так другой уж не бывать в мире.
Великие я вел из-за нее битвы.
Теперь средь вас она, она лежит с вами,
15 Вы все с ней тешитесь (постыдная правда!),
Вы шалопаи, гниль, озорники, ферты.
Эй, слышишь, волосатый коновод шайки,
Ты, кроличье отродие, кельтибер мерзкий,
Эгнатий! Чем гордишься? — бородой клином?
20 Оскалом челюстей, что ты мочой моешь?

XXXVIII

Плохо стало Катуллу, Корнифиций,
Плохо, небом клянусь, и тяжело стало,
Что ни день, что ни час — то хуже, хуже...
Но утешил ли ты его хоть словом?
⁵ А ведь это легко, пустое дело!
Я сержусь на тебя... Ну где же дружба?
Но я все-таки жду хоть два словечка,
Пусть хоть грустных, как слезы Симонида.

XXXIX

- Эгнатий, чтоб хвастнуть зубами белыми,
Всегда готов смеяться. Скажем, суд идет
И плачут люди, слушая оратора,—
А он смеется. У костра печального
- ⁵ Рыдает мать над сыном над единственным —
А он смеется. Где бы что бы ни было —
Смеется он. Манеру эту странную
Ни милой, ни изящной не могу назвать.
И вот что я скажу тебе, Эгнатий мой:
- ¹⁰ Кто б ни был ты — сабинец, или римлянин,
Тибурец, скряга-умбр, или толстяк этруск,
Иль черный ланувиец, пасть ощеривший,
Иль транспаданец (вспомним земляков своих!) —
Кто б ни был ты, любезнейший, скажу тебе:
- ¹⁵ Нельзя смеяться по любому поводу.
Нет ничего нелепей, чем нелепый смех.
Но ты — ты кельтибер. А в Кельтиберии

Уж так заведено — мочою собственной
Там чистят утром зубы и полощут рот.
20 И кто из кельтиберов белозубее,
Тот, значит, и мочу хлеба! прилежнее.

XL

Что за черная желчь, злосчастный Равид,
В сети ямбов моих тебя погнала?
Что за мстительный бог тебя подвинул
На губительный этот спор и страшный?
⁵ Или хочешь ты стать молвы игрушкой?
Иль какой ни на есть ты славы жаждешь?
Что ж, бессмертным ты будешь! У Катулла
Отбивать ты осмелился подружку.

XLI

Амеана, потрепанная девка,
У меня десять тысяч попросила.
Потаскуха с носищем безобразным,
Казнокрада формийского подружка.
5 Эй, родня, кто в ответе за девчонку!
Кличьте лекарей, земляков зовите!
Не в себе эта шлюшка. Слов не тратьте,
Дело ясное, бредит как в горячке.

XLII

Все сюда, мои ямбы, поспешите!
Все сюда! Соберитесь отовсюду!
Девка подлая смеет нас дурачить.
И не хочет стихов моих тетрадку
5 Возвратить. Это слышите вы, ямбы?
Побегите за ней и отнимите!
Как узнать ее, спросите? — По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей,
По бесстыдной, разнузданной походке.
10 Окружите ее, кричите в уши:
«Эй, распутница! Возврати тетрадки!
Возврати нам, распутница, тетрадки!»
В грош не ставит? Поганая подстилка!
Порожденье подлейшего разврата!
15 Только мало ей этого, наверно!
Если краски стыдливого румянца
На собачьей не выдавите морде,
Закричите еще раз, втрое громче:

«Эй, распутница! Возврати тетрадки!
20 Возврати нам, распутница, тетрадки!»
Все напрасно! Ничем ее не тронуть!
Изменить вам придется обращение,
Испытать, не подействует ли этак:
«Дева чистая, возврати тетрадки!»

XLIII

Добрый день, долгоносая девчонка,
Колченогая, с хрипотою в глотке,
Большерукая, с глазом, как у жабы,
С деревенским, нескладным разговором,
Б Казнокрада формийского подружка!
И тебя-то расславили красивой?
И тебя с нашей Лесбией сравнили?
О, бессмысленный век и бестолковый!

XLIV

Мой хуторок, сабинский ли, тибурский ли?
Усадьбою тибурской те зовут тебя,
Кому Катулла обижать не хочется.
Ключком сабинским ты слывешь у недругов.
8 Но пусть сабинский, или нет, тибурский ты, —
В деревне подгородной отдых радостен.
Там от простуды злостной я избавился.
А кто повинен в кашле? — Мой живот и я.
Польстились мы на угощение пышное.
10 Поужинать я пожелал у Сестия.
Его защиту выслушал от Антия,
Заразную, отравную, холодную.
И простудился. Тут меня озноб затряс,
Замучил кашель. Только в тишине твоей
15 Отвар крапивный и досуг спасли меня.
Тебя благодарю за исцеление,
За тяжкий грех ты жестко не казнил меня.

Одна лишь просьба: если речи Сестия
Мне встретятся еще раз, не ко мне, к нему
20 Озноб и лихорадка пусть привяжутся:
Совет он в гости, книгу слушать мерзкую.

XLV

Акму нежно обняв, свою подругу,
«Акма, радость моя! — сказал Септимий. —
Если я не люблю тебя безумно
И любить не готов за годом годы,
5 Как на свете никто любить не в силах,
Пусть в Ливийских песках или на Инде
Повстречаюсь со львом я белоглазым!»
И Амур, до тех пор чихавший влево,
Тут же вправо чихнул в знак одобренья.
10 Акма, к другу слегка склонив головку
И пурпуровым ртом касаясь сладко
Томных юноши глаз, от страсти пьяных,
«Жизнь моя! — говорит. — Септимий милый!
Пусть нам будет Амур один владыкой!
15 Верь, сильнее твоего, сильнее и жарче
В каждой жилке моей пылает пламя!»
Вновь услышал Амур и не налево,
А направо чихнул в знак одобренья

Так, дорогу начав с благой приметы,

²⁰ Оба любят они, любимы оба.

Акма другу милей всего на свете,

Всех сирийских богатств и всех британских.

И Септимий один у верной Акмы,

В нем блаженство ее и все желанья.

²⁵ Кто счастливей бывал, какой влюбленный?

Кто Венеру знавал благоприятней?

XLVI

Вот повеяло вновь теплом весенним,
Вот под мягким Зефира дуновеньем
Равноденственная стихает буря.
Покидай же, Катулл, поля фригийцев,
Наши тучные брось Никеи знойной:
К азиатским летим столицам славным.
Уже рвется душа и жаждет странствий,
Уж торопятся ноги в путь веселый.
Вы, попутчики милые, прощайте!
¹⁰ Хоть мы из дому вместе отправлялись,
По дорогам мы разным возвратимся.

XLVII

Эй вы, Порций с Сократием, отребье
Мира, пакость, подхвостники Пизона!
Вас Веранию и Фабуллу милым
Предпочел этот старый греховодник.
⁵ Потому-то с утра и до рассвета
Обжираетесь вы, нахально пьете,
А друзья мои бродят в переулках!

XLIX

О Марк Туллий! О ты, речистый самый
Из праправнуков Ромула на свете
В настоящем, прошедшем и грядущем!
Благодарность тебе с поклоном низким
⁵ Шлет Катулл, наихудший из поэтов.
Столь же самый плохой из всех поэтов,
Сколь ты лучше всех прочих адвокатов!

L

Друг Лициний! Вчера, в часы досуга
Мы табличками долго забавлялись.
Превосходно и весело играли.
Мы писали стихи поочередно.
5 Подбирали размеры и меняли.
Шли, шуткой на шутку отвечали.
И ушел я, твоим, Лициний, блеском
И твоим остроумием зажженный.
И еда не могла меня утешить,
10 Глаз бессонных в дремоте не смыкал я,
Словно пьяный, ворочался в постели,
Поджидая желанного рассвета,
Чтоб с тобой говорить, побыть с тобою.
И когда, треволеньем утомленный,
15 Полумертвый, застыл я на кровати,
Эти строчки тебе, мой самый милый,
Написал, чтоб мою тоску ты понял.

Берегись же, и просьб моих не вздумай
Осмеять, и не будь высокомерным,
²⁰ Чтоб тебе не отместила Немезида!
В гневе грозна она. Не богохульствуй!

LI

Кажется мне тот богоравным или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать

⁵ Сладостный твой смех; у меня, бедняги,
Лесбия, он все отнимает чувства:
Вижу лишь тебя — пропадает сразу
Голос мой звонкий.

Тотчас мой язык цепенеет; пламя
¹⁰ Пробегаёт вдруг в ослабевших членах,
Звон стоит в ушах, покрывает очи
Мрак непроглядный.

От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно.
¹⁵ От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

ЛII

Увы, Катулл, что ж умереть ты мешкаешь?
Водянка-Поний в кресло сел курульное.
Ватиний-лжец бесчестит фаски консула.
Увы, Катулл! Что ж умереть ты мешкаешь?

ЛIII

Я вчера рассмеялся на собрание.
Друг мой Кальв говорил на диво сильно
Все Ватиния мерзости исчислил.
В восхищении кто-то руки поднял
⁵ И кричит: «Говорливый караузик!»

LIV

Как орешек головка у Отона,
Ляжки Нерия, потные, не мыты.
Тихо-тонко Либон пускает ветры.—
Ну, не всем, так хоть этим ты гордишься
5 И мышинный жеребчик твой Фуфиций?
Ты ж опять на мои в обиде ямбы?
В них вина ль, знаменитый император?

LV

Если только я тебе не в тягость,
То открой мне, прошу, куда ты скрылся.
Я тебя искал на Малом поле,
Был и в цирке, был и в книжных лавках,
5 Был и в храме Юпитера священном.
Я бродил под портиком Помпея,
Всех там останавливал девчонок,
Но они ни капли не смущались.
Я просил их: «Тотчас же верните
10 Мне Камерия, гадкие девчонки!»
Грудь открыв, одна из них сказала:
«Здесь он спрятан меж розовых сосочков!»
Нет, искать тебя — труд для Геркулеса...
Если б был я даже критским стражем,
15 Если б мчался я на коне крылатом,
Если б взял я сандалии Персея
Или Реса проворную упряжку,
Если б был я героем крылоногим

- И носился повсюду, словно ветер,—
- 20 Если б все это дал ты мне, Камерий,
Все равно бы мне кости разломил
После поисков таких, приятель,
Все равно бы усталость одолела.
Что молчишь? Откуда столько спеси?
- 25 Где ты будешь, скажи, откройся смело,
Выйди на свет, друг мой, без боязни.
К нежным девушкам, верно, в плен попал ты?
Коль язык ты держишь за зубами,
Наслаждений теряешь половину:
- 30 Болтовня всегда мила Венере.
Впрочем, можешь тайтаться, если хочешь,
Лишь бы вам любить друг друга крепче.

LVI

Как забавно, Катон мой, как занятно!
Стоит, право, послушать! Смейся громче!
Смейся, друг, над Катуллом, сколько хочешь!
Чрезвычайно забавно и занятно!

- ⁵ Я мальчишку в углу накрыл с девчонкой.
Я ременным хлыстом его ударил.
Да простит мне Венера прегрешенье!

LVII

В чудной дружбе два подлых негодяя:
Кот Мамурра и с ним — похабник Цезарь!
Что ж тут дивного? Те же грязь и пятна
На развратнике римском и формийском.
⁵ Оба мечены клеймами распутства,
Оба гнилы и оба полузнайки.
Ненасытны в грехах прелюбодейных,
Оба в тех же валяются постелях,
Друг у друга девчонок отбивают.
¹⁰ В чудной дружбе два подлых негодяя!

LVIII

Целий, Лесбия наша, Лесбия эта,
Эта Лесбия, что была Катутлу
И себя самого и всех милее,
В переулках теперь, на перекрестках
⁵ Величавого Рема внуков ловит.

LX

Как! Иль страшилище ливийских скал, львица,
Иль Сциллы лающей поганое брюхо
Тебя родило с каменным и злым сердцем?
В тоске последней, смертной, я тебе крикнул,
⁵ И рассмеялась ты, жестокая слишком!

LXI

О, холма Геликопского
Житель, племя Урании!
Ты, что нежную к мужу мчишь
Деву, о Гименей! Но
5 Гименею, Гимену!

Ты чело увенчай венком
Майорана душистого,
Весел, в брачном иди плаще,
Белоснежные ноги сжав
10 Яркой обувью желтой!

Привлеченный веселым днем,
Звонким голосом брачные
Песни пой! Ударяй ногой
Оземь и потрясай в руке
15 Смольный свадебный факел!

Ныне с Манлием Виния
(И к фригийцу-судье сама
Не прекрасней Киприда шла!)
В брак вступает при знаменье
20 Добром добрая дева,

Что выросла, как азийский мирт,
Весь цветами осыпанный,—
Хоры легкие нимф лесных
Для утехи своей его
25 Влагой росной питают.

Так иди же, иди сюда!
Брось утесы Теспийские
И теснины Аопии,
Где прохладная льется вниз
30 Нимфа к ним Аганиша.

В новый дом госпожу введи,
К мужу страстью горлщую,
Оплети сй любовью дух,
Как блуждающий вокруг ствола
35 Плющ по дереву вьется.

Вы же, девы невинные,
Чей уже приближается
День такой же, начните в лад,
Пойте: «О Гимней! Ио
40 Гимнею, Гимену!»

Чтобы шел к нам охотнее,
Слыша, как его славят здесь,

Свой священный исполнить долг,
Вождь Венеры благой, благих
45 Уз любви сочетатель.

Чаще робкими бог какой
Призываем влюбленными?
Кто из вышних людьми почтен
Боле? О Гименей! Ио
50 Гименею, Гимену!

Старый кличет тебя отец
К детям, девушки в честь твою
Поясок развязать спешат,
Жадно, в трепете, юный муж
55 Гимнам внемлет Гимена!

В руки ярому юноше
Ты цветущую девушку
Отдаешь с материнского
Лона. О Гименей! Ио
60 Гименею, Гимену!

Без тебя наслаждения,
С доброй славой согласного,
Дать не может Любовь — но даст,
Коль захочешь! Какой же бог
65 С этим богом сравнится?

Дом не даст без тебя детей,
И не сможет уже отец
Обеспечить свой род — но даст,
Коль захочешь! Какой же бог
70 С этим богом сравнится?

Без обрядов твоих святых
Не дала бы защитников
Для окраин страна,— но даст,
Коль захочешь! Какой же бог
75 С этим богом сравнится?

Так снимите ж с дверей засов
Перед девою! Факелы,
Видишь, кудри блестящие
Разметали? Но медлит стыд...
80 . . . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .
Не оборет стыда и льет
65 Слезы: время идти ей.

Перестань же ты плакать, А-
врункулея, и страх откинь:
Ведь прекраснее женщины
Завтра светлый не встретит день,
90 Вставший из океана.

У владельца богатого
В пестром вешнем саду такой
Гиацинта встает цветок!
Но ты медлишь... Уходит день,—
95 Выходи, молодая!

Выходи, молодая, раз
Ты согласна, послушайся!

Видишь, брачные факелы
Треплют кудри златистые?
103 Выходи, молодая!

Твой супруг, легкомысленно
Любодейству предавшийся,
Чувству низкому следуя,
Не захочет лежать вдали
105 От груди твоих нежных.

Нет, как гибкая льнет лоза
К близ растущему дереву,
Так к объятьям твоим и он
Будет лгнуть. Но уходит день,—
110 Выходи, молодая!

О, постель, что для каждого...
.....
.....
.....
115 Белой ножкою ложа.

Сколько ныне супруга ждет
Новых радостей! Сколько их
Ночью ль темной, средь бела ль дня
Вкусит он! Но уходит день,—
120 Выходи, молодая!

Взвейте, мальчики, факелы!
Брачный, вижу я, плащ грядет!
Выступайте и пойте в лад:
«О Гимен, Гименей! Ио
125 Гименею, Гимену!»

Фесценнинские шутки пусть
Раздаются — чего ж молчать?
И орехов пусть мальчикам
Даст наложник, — утратил он
130 Ныне страсть господина!

Дай же, дай же орехов им
Ты, дружок нерадивый! Сам
Наигрался орехами!
Надо вспомнить Таласия!
135 Дай, наложник, орехов!

Ныче утром еще торчал
У тебя на лице пушок.
Но цирюльник тебе губу
Брест! Бедный же бедный ты!..
140 Дай, наложник, орехов!

Скажешь ты, раздушенный муж:
Нелегко отвыкать тебе
От безусых? — да срок пришел!
О Гимен, Гименей! Ио
145 Гименею, Гимену!

Знаем: лишь разрешенное
Ты изведal. Но нет, не то
Подобает женатому!
О Гимен, Гименей! Ио
150 Гименею, Гимену!

Ты ж, супруга, коль просит муж
Берегись, не отказывай,
Чтоб не шел он других просить!

О Гимен, Гименей! Ио
155 Гименею, Гимену!

Вот как счастлив и как богат
Пред тобою супруга дом.
Будет он навсегда твоим,—
О Гимен, Гименей! Ио
160 Гименею, Гимену! —

До тех пор пока белая
Старость все не сведет концы,
Головою седой тряся.
О Гимен, Гименей! Ио
165 Гименею, Гимену!

С добрым знаменьем чрез порог
Золотой перейди стопой
Под лоснящейся притолкой!
О Гимен, Гименей! Ио
170 Гименею, Гимену!

Посмотри же: внутри супруг
Лег на ложе пурпурное,
Весь к тебе устремился он.
О Гимен, Гименей! Ио
175 Гименею, Гимену!

Нет, не менее, чем в твоём,
Тайно в сердце его горит
Пламя — глубже горит оно!
О Гимен, Гименей! Ио
180 Гименею, Гимену!

Ручку тонкую девушки
Брось, о брачная спутница!
К ложу мужчину пусть идет!
О Гимен, Гименей! Ио
185 Гименею, Гимену!

Вы же, добрые женщины,
Старым людям известные,
Уложите вы девушку!
О Гимен, Гименей! Ио
190 Гименею, Гимену!

Время! Можешь идти, супруг!
В спальню мужа вошла жена!
Молодое цветет лицо,
Словно белая лилия,
195 Словно мак огнецветный.

Но, супруг (мне свидетели
Боги в том), ты не менее
Сам прекрасен, Венерою
Не забыт... Но уходит день...
200 Так не медли же боле!

И не долго промедлил ты,—
Вот идешь! Да поможет вам
Всеблагая Вснера. Ты
Взял открыто желанное
205 И любви не скрывашь.

Тот песка африканского
Иль сверкающих звезд ночных
Подсчитает вперед число,
Кто захочет исчислить игр
210 Ваших тысячи тысяч!

Так играйте ж и вскорости
Принесите детей: нельзя,
Чтоб остался столь древний род
Без потомства. Все тот же, пусть
215 Возрождается вечно!

Вскоре маленький пусть Торкват,
Потянувшись ручонками
С лона матери, радостно
Засмеется родителю,
220 Ротик полуоткрывши.

Пусть с родителем, с Манлием,
Будет схож. И незнающий
Пусть из всех узнает его.
Пусть застенчивость матери
225 На лице его будет.

Пусть от матери доброй честь
Так же сыну достанется,
Как от матери, лучшей всех,
Пенелопы, обрел навек,
230 Телемах свою славу.

Дверь закройте, о девушки!
Будет праздновать. Добрая,
Ты счастливой живи, чета,
Принося постоянные
235 Жертвы юности бодрой!

LXII

Юноши

Юноши! Вesper взoшел. Подымайтесь! Вesper с Олимпа,
Жданный нами давно, наконец свой факел возносит.
Стало быть, время вставать, отходить от столов изобильных.
Скоро невеста придет, и славить начнут Гименея.

⁵ К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Девушки

Юношей видите ль вы, подружки? Вставайте навстречу!
Правда,— вечерней звезды показался огонь из-за Эты.
Значит, время пришло,— поспешно юноши встали,
Смело встали, сейчас запоют: нужна им победа!

¹⁰ К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Юноши

Други, победная ветвь не легко нам достанется ныне:
Девушки молча стоят, задумавшись, припоминают,
Припоминают не зря, достойное что-то готовят.

Дивно ли, если у них все мысли в таком напряженье?
15 Мы же,— и слух не настроен у нас, и рассеяны мысли.
Нас победят поделом: победа усердие любит.
Медлить поздно, пора! Берегитесь, внимательны будьте!
Девушки скоро начнут, и нам отвечать им придется!
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Д е в у ш к и

20 Вesper! Жесточе тебя несется ли в небе светило?
Можешь девушку ты из объятий матери вырвать,
Вырвать у матери вдруг ты можешь смущенную дочку,
Чистую деву отдать горящему юноше можешь.
Так ли жестоко и враг ведет себя в граде плененном?
25 К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Ю н о ш и

Вesper! Какая звезда возвещает нам большее счастье?
Брачные светом своим ты смертных скрепляешь союзы,—
Что порешили мужи, порешили родители раньше.
И заключают союз не прежде, чем ты загорисься.
30 В радостный час что желанней тебя даруют нам боги?
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Д е в у ш к и

Вesper жестокий от нас одну оторгнул, подруги...
.....
Ибо с приходом твоим всѣчасно бодрствует стража...

Ю н о ш и

Ночью скрывается тать, но сам ты его обличаешь,
35 Лишь под названьем другим с востока появишься, Вesper.
Плачутся девушки пусть и притворно тебя упрекают,—
В чем упрекают тебя, не жаждут ли девушки тайно?
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Д е в у ш к и

Скромно незримый цветок за садовой возрастает оградой.
40 Он неизвестен стадам, не бывал он плугом встревожен;
Нежат его ветерки, и росы питают и солнце,
Юношам многим он люб, он люб и девушкам многим.
Но лишь завянет цветок, подрезанный тоненьким ногтем,
Юношам он уж не люб, и девушкам боле не люб он.
45 Девушка так же: доколь не тронута, все ее любят.
Но лишь невинности цвет оскверненное тело утратит,
Юношей больше она не влечет, не мила и подругам.
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Ю н о ш и

Если на поле пустом родится лоза одиноко,
50 Сил не имея расти, наливать созревшие гроздьи,
Юное тело свое сгибая под собственным весом,
Так что верхушка ее до самых корней ниспадает,
Ни земледел, ни пастух о лозе не заботится дикой.
Но коль случайно сплелась она с покровителем-вязом,
55 И земледел и пастух о лозе заботиться станут.
Девушка так же, храня свое девство, стареет бесплодно.
Но если в брак она вступит, когда подойдет ее время,
Мужу дороже она и меньше родителям в тягость.
.....
Перед супругом таким теперь не упорствуй, невеста!
60 Ты не упорствуй пред тем, кому тебя отдал родитель,
Сам твой родитель и мать — во всем их слушаться надо.
Девственность вся ли твоя? В ней есть и родителей доля:
Третья часть у отца, и также у матери третья,
Третья лишь часть у тебя! Так против двонх не упорствуй,
65 Коль над тобою права с приданным отдали зятю.
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

LXIII

По морям промчался Аттис на летучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом в ту ли глушь фригийских лесов,
В те ли дебри рощ дремучих, ко святым богини местам.
Подстрекаем буйной страстью, накотившей яростью пьян,
5 Убелил он острым камнем молодое тело свое.
И себя почувяв легким, ощутив безмужнюю плоть,
Окропляя теплой кровью кременистый выжженный луг,
Он взмахнул в руке девичьей томнозвучный, гулкий тимпан.
Это — твой тимпан, Кивева, твой святой, о мать, тимпан!
10 В кожу бычью впились пальцы. Под ладонью бубен запел.
Завопив, к друзьям послушным иступленный голос воззвал:
«В горы, галлы! В лес Кивевы! В дебри рощ спешите толпой!
В горы, галлы! Диндимены-госпожи покорная тварь!
Рой изгнанников, за мною понеслись вы к чуждым краям,
15 По следам моим промчавшись, повинуюсь речи моей.
Не страшил нас вал соленый, не смутила зыбкая хлябь.
Презирая дар Венеры, убелили вы свою плоть.
Веселитесь, быстро мчитесь, пусть разыграет сердце в груди.

- Порадейте в честь богини! Поспешите, Галлы, за мной!
20 В лес фригийский! В дом Кивевы! Ко святым фригийским
местам!
- Там рокочет гулко бубен, там кимвалы звонко звенят.
Там менад, плющом увитых, хороводы топчут траву.
Восклицают там менады, в иступленной пляске кружась!
Там безумствует богини вдохновенно буйная рать!
- 25 Нам туда помчаться надо! Нас туда желанья зовут!»
Дева телом, бледный Аттис так вопил, сзывая друзей.
Отвечал мгновенным воплем одержимый, бешеный сонм.
Зазвенела медь кимвалов. Загудел протяжно тимпан.
По хребтам зеленой Иды полетел спеша хоровод.
- 30 Ударяет в бубен Аттис, задыхаясь, хрипло кричит.
Обезумев, мчится Аттис через дебри, яростный вождь.
Так, упряжки избегая, мчится телка, скинув ярмо.
За вождем, за буйной девой, в иступленье галлы летят.
И к святилищу Кивевы добежал измученный рой.
- 35 И уснул в изнеможенье, не вкусив Цереры даров.
Долгий сон тяжелой дремой утомленным веки смежил.
Под покровом тихой лени угасает ярости пыл.
Но когда наутро солнца воссиял сверкающий глаз,
Сквозь эфир, над морем страшным, над пустынным ужасом гор,
- 40 И прогнал ночные тени огненосных коней полет,
Тут покинул, вдаль умчавшись, быстролетный Аттиса сон.
В мощном лоне Пасифея приняла крылатого вновь.
Исчезает в сердце ярость, легковейный входит покой.
Все, что сделал, все, что было, вспоминает Аттис дрожа.
- 45 Понимает ясным взором, чем он стал, куда залетел.
С потрясенным сердцем снова он идет на берег морской.
Видит воли разбег широкий. Покатились слезы из глаз.
И свою родную землю он призвал с рыданьем в груди.
«Мать моя, страна родная, о моя родная страна!
- 50 Я, бедняк, тебя покинул, словно раб и жалкий беглец.

- На погибельную Иду, ослепленный, я убежал.
Здесь хребты сияют снегом. Здесь гнездятся звери во льдах.
В их чудовищные норы я забрел в потайной щели.
Где же ты, страна родная? Как найду далекий мой край?
- 55 По тебе душа изныла, по тебе тоскуют глаза.
В этот миг короткий ярость ослабела в сердце моем.
Или мне в лесах скитаться, от друзей и дома вдали?
От тебя вдали, отчизна, вдалеке от милых родных.
Не увижу я гимнасий, площадей и шумных палестр.
- 60 Я, несчастный, их покину. Буду снова, снова рыдать!
О, как был я горд и счастлив, о, как много я пережил!
Вот я дева, был мужчиной, был подростком, юношей был.
Был палестры лучшим цветом, первым был на поле борьбы.
- 65 От гостей гудели двери, от шагов был теплым порог.
Благовонными венками был украшен милый мой дом.
От постели, вечно весел, подымался я поутру.
И теперь мне стать служанкой, стать Кивевы верной рабой!
Стать менадой, стать калекой, стать бесплодным, бедным
скопцом!
- 70 Стать бродягой в дебрях Иды на хребтах, закованных в лед.
По лесным влачиться щелям, во фригийских страшных горах!
Здесь козел живет скакучий, здесь клыкастый бродит кабан.
Ой-ой-ой! Себя сгубил я! Ой-ой-ой! Что сделать я мог!»
Чуть сорвался вопль плачевный с утомленных розовых губ,
- 75 Чуть до слуха гор богини долетел раскаянья стон,
Тотчас львов своих Кивева отпрягает, снявши ярмо.
Бычьих стад грозу и гибель, подстрекает левого так:
«Поспеси, мой друг свирепый, в богохульца ужас всели!
Пусть, охвачен темным страхом, возвратится в дебри лесов
- 80 Тот безумец, тот несчастный, кто бежал от власти моей.
Выгибай округло спину, ударяй ужасным хвостом.
Дебри гор наполни ревом, пусть рычанью вторит земля!
Потрясай жестокой гривой, пусть дыбится рыжая шерсть!»

Так велит Кивева зверю и снимает с шеи ярмо.

85 Стервенеет лев. Как пламя, входит в сердце яростный гнев.

Он идет, рычит, ломает под когтем кустарник сухой.

На гремучий вышел берег, убеленный пеной морской.

Видит Аттиса: у моря, у надбрежных мраморных скал.

Прыгнул лев, и мчится Аттис, оробев, в дремучую дебрь.

90 Там служанкой прожил Аттис до конца безрадостных дней.

О богиня! О Кивева, диндименских гор госпожа!

Пусть пребуду в отдаленье от твоих чудовищных тайн!

Пусть других пьянит твой ужас! Твой соблазн безумит других!

LXIV

Некогда челн из сосны, на хребте Пелиона рожденной,
Плыл, как преданье гласит, по водам спокойным Нептуна,
В край, где Фасис течет, к пределам владыки Эета,
В год, когда юношей цвет, аргосской краса молодежи,
5 Страстно похитить стремясь Золотое руно из Колхиды,
Быстрой решились кормой взбороздить соленые воды,
Весел еловых концом голубую взрывая поверхность.
Им богиня сама, что твердыни блюдет на высотах
Градov, корабль создала, дуновению ветра покорный,
10 Сосны своею рукой скрепляя для гнutoго днища.
Килем впервые тогда прикоснулся корабль к Амфитритe.
Только лишь, режа волну, в открытое вышел он море,
И, под веслом закрутясь, побелели, запенились воды,
Из поседевших пучин показались над волнами лица:
15 Нимфы подводные, всплыв, нежданному чуду дивились.
И увидали тогда впервые смертные очи
В ясном свете дневном тела Нереид обнаженных,
Вплоть до упругих сосцов выступавших из пены кипящей.

Тут и к Фетиде Пелей устремился, любовью зажженный,
20 Тут и Фетида сама не презрела брака со смертным,
Тут и отец всемогущий вручил Фетиду Пелею.
Вам, о рожденные встарь, в блаженное время былое,
Вам, герои, привет, матерей золотое потомство!
23а Племя богов! Вам дважды привет! Благоклонными будьте!
Часто я в песне своей призывать вас буду, герои!
25 Первым тебя призову, возвеличенный факелом брачным,
Мощный Фессалии столп, Пелей, кому и Юпитер,
Сам родитель богов, уступил любимую деву.
Ты ль не возлюбленный муж прекраснейшей дщери Перел?
Ты ли не тот, кому уступила внучку Тефия
30 И Океан, что весь круг земной морями объемлет?
Время пришло, и когда желанные дни наступили,
В гости Фессалия вся сошла к палатам Пелея.
Вот уже царский дворец веселой полон толпою;
Гости подарки несут, сияют радостью лица;
35 Весь опустел Киерон, Темпейские брошены долы,
Пусты Краннома дома, обезлюдели стены Лариссы,—
Все в Фарсалы сошлись, посетили фарсальские сени.
Поле не пахнет никто, у быков размягчаются выи,
Не прочищают лозы виноградной кривую мотыгой,
41 Не убавляет и нож садовника тени древесной;
40 Вол перестал сошником наклонным отваливать глыбы;
Дома покинутый плуг без дела печально ржавеет.
Ряд покоев дворца, на всем протяженье, роскошно
Светлым блестит серебром и золотом ярко горящим.
45 Тронов белеется кость, на столах драгоценные чаши
Блещут,— ликует дворец в сиянии царских сокровищ.
По середине дворца — богини брачное ложе,
Все из индийских клыков, пеленою покрыто пурпурной,—
Тканью, ракушек морских пунцовым пропитанной соком.

50 Вытканы были на ней деяния древних героев,
Славные подвиги их она с дивным искусством являла.
Вот Ариадна, одна, с пенношумного берега Дии,
Неукротимый пожар не в силах сдерживать в сердце,
Смотрит, как в море Тезей с кораблями поспешно уходит;
55 Видит — не может сама тому, что видит, поверить:
Что, от обманчивых снов едва пробудясь, на пустынном
Бреге песчаном себя, несчастная, брошенной видит.
Он же, про деву забыв, ударяет веслами волны,
Бурному ветру свои обещанья вручая пустые!
60 С трав, нанесенных волной, в печали глядит Миноида,
Как изваянье, увы, как вакханка из мрамора. Смотрит,
Смотрит вдаль и плывет по волнам великих сомнений.
Тонкий восточный убор упал с головы золотистой,
Полупрозрачная ткань не скрывает шею нагую,
65 И уж не вяжет тесьма грудей пленительных девы.
Что упало с нее, с ее прекрасного тела,
Все омывали у ног морские соленые волны.
Но не смотрела она на убор, на влажные платья, —
Дева, надеясь еще, к тебе лишь, Тезей, устремлялась
70 Сердцем и всею душой и всею — безумная — мыслью.
Ах, несчастливица! Как омрачила ей дух Эрицина
Плачем, не знавшим конца, тревог в ней тернии сея,
С дня того, как Тезей, на мощь свою гордо надеясь,
Отчий покинув предел, излучистый берег Пирел,
75 К злобному прибыл царю и увидел гортинские кровли.
Город Кекропа пред тем, подавлен чумой жесточайшей,
Дал, по преданью, обет искупить Андрогоя убийство
И посылать Минотавру, как дань, насущную пищу:
Юношей избранных цвет и лучших из дев незамужних.
80 Но, как от бедствий таких необширный измучился город,
Сам свое тело Тезей за свои дорогие Афины
В жертву отдать предпочел, чтобы впредь уже не было нужды,

Не хороня, хоронить на Крит увозимые жертвы.
Так на блестящем своем корабле, при ветре попутном,
85 Он к горделивым дворцам, к Миносу великому прибыл.
Тотчас на гостя глядит желанья исполненным взором
Царская дочь, что жила в объятиях матери нежных,
Средь благовонных пелен своей непорочной постели,—
Миртам подобна она, над струями Эвроты возросшим,
90 Или же ярким цветам, под дыханьем весны запестревшим.
Девушка пламенный взор оторвать не успела от гостя,
Как уже чувствует: зной разливается жгучий по телу,
Вглубь, до мозга костей проникает пылающий пламень.
Ты, о безжалостный бог, поражающий сердце безумьем,
95 Мальчик святой, к печалям людским примешавший блаженство!
Ты, о богиня, кому Идалийские рощи подвластны!
О, по каким вы бросали волнам запылавшую деву,
Как заставляли ее о русом вздыхать чужеземце!
Как страшилась она, как сердце ее замирало,
100 Как от пыланья любви она золота стала бледнее
В час, как Тезей, устремясь с чудовищем буйным сразиться,
Шел, чтобы встретить конец или славу добыть как награду!
Хоть и напрасно, богам обещая угодные жертвы,
Не позволяла слетать молениям с уст молчаливых.
105 Как необузданный вихрь, что валит дыханием мощным
Дуб, чьи на Тавре крутом под ветром качаются ветви,
Или же ломит сосну шишкопосную с потной корою,
И упадают они, накренись, исторгнуты с корнем,
Все, что вокруг, широко своим сокрушая паденьем,—
110 Так и Тезей распластал свирепого, наземь повергнув:
Тщетно воздух пустой полубык бодает рогами!
Тут со славой Тезей обратно идет невредимый,
Свой неуверенный шаг направляет он ниткою тонкой,
Чтобы, когда Лабиринтом пойдет, по коварным изгибам,
115 Не заблудиться ему в недоступных для взора покаях.

Но для чего, отступив далеко от замысла песни,
Стану еще вспоминать, как, родителя дома покинув,
Бросив объятия сестры, объятия матери бедной,
Плакавшей горько о том, что дочь дорогая исчезла,
120 Дева всему предпочла любовные ласки Тезея?
Иль как корабль уносил ее к пенному берегу Диис?
Или о том, как супруг с забывчивым сердцем покинул
Вскоре ее, когда еще сон ей сковывал вежды?
Долго она, говорят, кипела душой иступленной
125 И глубоко из груди исторгала звенящие клики;
То в печали, одна, поднималась на горы крутые,
Острый взор устремив на ширь необъятного моря;
То против трепетных волн бежала в соленую влагу,
Мягкий подол приподняв, обнажив белоснежные ноги.
130 Вот ее скорбная речь, последние пени несчастной,
С влажных слетавшие губ, холодевшей слезой орошенных:
«О, неужель, вероломный Тезей, увезя из отчины,
Ты, вероломный, меня на побережье покинул пустынным?
Иль, обещанья забыв, священную волей бессмертных
135 Ты пренебрег и домой возвращаешься клятвопреступным?
Или ничто не могло смягчить жестоких решений?
Или в душе у тебя и малости нет милосердия,
Чтобы хоть жалость ко мне почувствовал ты, бессердечный?
Ветренный! Раньше ведь ты не такие давал мне обеты,
140 И не такие внушал ты надежды мне, злополучной,—
Радостный брак мне сулил, говорил мне о свадьбе желанной!
Все понапрасну; мои упования развеяли ветры!
Женщина пусть ни одна не верит клятвам мужчины
И не надеется пусть, чтоб муж сдержал свое слово.
145 Если, желаньем горя, к чему-либо алчно стремятся,
Клясться готовы они, обещать ничего им не страшно.
Но лишь насытилось в них вожделение жадного сердца,
Слов уж не помнят они, не боятся они вероломства.

Боги! Не я ли тебя из вихря самого смерти
150 Вырвала и потерять скорей не решила ли брата,
Нежели в миг роковой тебя, обманщик, покинуть!
Вот за какую вину на съеденье зверям и пернатым
Я отдана, и никто мой прах не покроем землею.
Львица какая тебя родила под скалою пустынной?
155 Море какое, зачав, из бурной пучины извергло?
Сиртами ль ты порожден, Харибдой иль алчною Скиллою?
Так-то ты мне воздаешь за спасение сладостной жизни?
Если уж были тебе наши брачные узы не милы
Или отца-старика ты суровых укоров боялся,
160 Все же ты мог бы меня отвезти в вашу дальнюю землю;
Радостно было бы мне служить тебе верной рабою,
Белые ноги твои омывать водою прозрачной
Или на ложе твое стелить пурпурные ткани.
Но, обезумев, зачем я ветрам, разуменья лишенным,
165 Жалуюсь тщетно? Они, человеческим чуждые чувствам,
Кликам не внимают моим и дать не могут ответа.
Он уже в море меж тем проплыл половину дороги,
А на пустынной траве и следов человека не видно.
Так и в последний мой час, надо мной издевался жестоко,
170 Рок не пошлет никого мои скорбные выслушать пени.
О всемогущий отец, Юпитер! Когда бы от века
Наших гнозийских берегов не касались Кекроповы кормы,
И никогда, ополчившись в поход на свирепого зверя,
На берег Крита канат вероломный моряк не закинул,
175 Умысел злой утаив под обличем, сладким для взора,
И не вкусил бы, как гость, покоя под нашею кровлей!
Ах! Но куда мне идти? Для погибшей какая надежда?
Вновь ли к Идейским горам устремиться? Но грозная бездна
Моря простерлась, увы, без края теперь между нами.
180 Помощи ждать от отца, которого бросила я же,
Следом за юношей мчась, обгаренным погибелью брата?

Иль утешенье найду в любви неизменной супруга?
Морем не он ли бежит, выгибая упругие весла?
Кровли нет надо мной, — лишь берег, лишь остров пустынный..
185 Выхода нет мне: вокруг только волны морские бушуют,
Мне невозможно бежать, мне нет надежды, все немо,
Все безотрадно кругом и все о смерти вещает.
Пусть! Но не раньше мои потускнеют глаза перед смертью,
И не скорее душа истомленное тело покинет,
190 Чем у богов за обман испрошу правосудной я кары
И хоть в последний свой час небес обрету справедливость.
Вы, что деянья людей наказуете, мстя, Эвмениды!
Вы, на чьей голове извиваются лютые змеи,
Гневом чей лик искажен, в беспощадном сердце кипящем, —
195 Мчитесь, о, мчитесь сюда, внемлите словам моих жалоб!
Тщетно, злосчастная, их из глубин я души исторгаю,
Ах, я пылаю огнем, и душа слепа от безумья.
Раз моя искренняя скорбь и по праву в груди зародилась,
Не потерпите, молю, чтоб рыдала я здесь понапрасну,
200 И, как Тезей вероломно меня одинокую бросил,
Так пусть, богини, себе и своим принесет он несчастье!»
Только исторгла она призыв свой из груди печальной
И за жестокость его в смятенье о каре взмолилась,
Волю явил повелитель богов — кивнул головою, —
205 Затрепетала земля, всколебались угрюмые воды
Моря, и сонм в небесах мерцающих звезд содрогнулся.
Разум Тезея меж тем окутался тьмой беспросветной:
Памяти сразу лишась, он все позабыл наставленья,
Те, что в прежние дни неизменно в уме его были;
210 Добрый не поднят был знак, не узнал скорбящий родитель,
Что невредимо Тезей вновь порт узрел Эрехтейский.
Передают, что, когда от стен пречистой богини
Сына Эгей отпуская, ветрам его доверяя,
Вот какие, обняв, он юноше дал наставленья:

215 «Сын мой, ты, что один мне долгой жизни желанней,
Ты, возвращенный едва мне в годы старости поздней,
Сын мой, кого принужден я отдать судьбе неизвестной,
Ныне мой рок и твоя беззаветная доблесть отторгнут
Снова тебя от отца,— а мои ослабелые очи

220 Я не насытил еще возлюбленным образом сына.
Нет, не в веселье тебя провожу, не с легкой душою;
Благоприятной судьбы не позволю нести тебе знаки.
Нет, сперва из груди я жалоб немало исторгну,
Прахом летучим, землей свои я посыплю седины,

225 Черные я паруса повешу на зыбкую мачту,—
Пусть всю горесть мою, пожар скорбящего сердца,
Парус иберской своей чернотою расскажет унылой.
Если ж пошлет тебе Та, что в святом обитает Итоне,
Благоволив наш род защищать и престол Эрехтея,

230 Чтобы кровью быка свою обагрил ты десницу,
Пусть в душе у тебя и в памяти будут всечасно
Живы мои наставленья везде и во всякое время:
Только лишь очи твои холмы наши снова завидят,
Черные пусть со снастей корабельных опустят полотна,

235 Белые пусть паруса на крученых поднимут канатах,
Чтобы, завидевши их, познал я великую радость,
Что невредимым тебя мне день возвращает счастливый.
Помнил сначала Тезей отца наставленья, теперь же
Вдруг отлетели они, как тучи, гонимые ветром,

240 С горных слетают вершин, снегами вечно покрытых.
С крепости все между тем отец устремлял свои очи
Вдаль, и туманили взор ему горячие слезы.
И лишь завидел вдали из полотнища черного парус,
Тотчас с вершины скалы он стремительно бросился в море:

245 Думал отец, что Тезей безжалостным роком погублен.
Так, возвратившись под сень, омраченную смертью отцовской,
Жестокосердый Тезей испытал не меньшее горе,

Чем Миноиде он сам, забывчивый сердцем, доставил.
Дева в печали меж тем, на корму уходящую глядя,
250 Много мучительных дум питала в душе оскорбленной.

.....
А с другой стороны цветущий Иакх приближался
С хором сатиров, с толпой силенов, на Нисе рожденных,—
Звал он тебя, Ариадна, к тебе, зажженный любовью.
255 Буйной толпою неслись в опьяненье веселом вакханки,
Вверх запрокинув лицо, «эвоэ!» восклицали протяжно.
Тирсы одни потрясали, листвою перевитые копья,
Те, растерзавши тельца, рассевали кровавые части,
Эти извивами змей опоясали тело, другие
260 Таинства знаки несли, в плетеных скрыв их кошницах
(Лишь посвященным одним возможно те таинства ведать).
Вскинувши руки, меж тем другие били в тимпаны
Иль заставляли бряцать кимвалы пронзительным звоном;
Роги у многих меж тем хрипящий гул издавали,
Страх наводящий напев раздавался из варварских дудок.

265 В изображеньях таких, богатая ткань устилала
Брачное ложе, украсив его покровом узорным.
Тут фессалийский народ, насытись зрелищем этим,
В сторону стал отходить и богам уступать свое место.
Как, дуновеньем своим спокойное море тревожа,
270 Будит поутру зефир набегающий зыбкие волны.
В час, как Аврора встает на пороге светила-скитальца,
Волны же, тихо сперва гонимые легким дыханьем,
Двигутся — нежно звучит их ропот, как хохот негромкий,—
Но уже ветер сильнее, и множатся больше и больше,
275 И, в отдаленье катясь, мерцают пурпуровым светом.
Так покидали дворец из сеней уходящие гости
И по своим разбредались домам походкой нетвердой.
После ухода гостей, с вершины сойдя Пелиона,

Первым прибыл Хирон, подарки принес он лесные:
280 И полевые цветы, и те, что в краю фессалийском
Произрастают средь гор, и те, что в воздухе теплом
Возле реки рождены плодоносным дыханьем Фавона,—
Все их принес он, смешав и нескладно связав в плетеницы.
Благоуханием их услажденный дом улыбнулся.
285 Вскоре пришел и Пеней, покинув Темпейские доли,
Доли, которые лес опоясал, с гор нависая,
Те, что сестер Мнемонид прославлены хором искусным.
Он не без дара пришел: с собою могучие буки
С корнем и лавры он нес со стволом высоким и стройным,
290 Трепетный также платан он влек и сестру Фазтона
Испепеленного; нес кипарис, возносящийся в небо.
Их, друг с другом сплетя, перед входом дворцовым расставил,
Чтобы он весь зеленел, осененный свежей листвою.
После него Прометей появился, умом исхищенный,—
295 Легкие знаки еще носил он той кары недавней,
Что претерпел, вися на скале, над отвесным обрывом
В Скифии, тело ж его цепями приковано было.
Вот и Родитель богов с детьми и святою супругой
С неба сошел,— ты один не явился, о Фесб златокудрый,
300 С одноутробной сестрой, живущей в нагориях Идра,
Ибо, как ты, и сестра на Пелея смотрела с презреньем
И не хотела почтить Фетиды свадебный факел.
Боги едва возлегли на ложах своих белоснежных,
Поданы были столы с обильной и разной едою!
305 Дряхлое тело меж тем качая слабым движеньем,
Парки начали петь правдиворечивые песни.
Тело дрожащее их обернувшая плотно одежда,
Белая около пят, полосой окружалась пурпурной;
На голове у старух белоснежные были повязки,
310 Ловким движеньем рук они вечный урок выполняли:
Левая прялку рука держала, одетую волной,

Правая нитку легко, персты изгибая, сучила,
Быстро пальцем большим крутя, ее оправляла,
Ровное веретено круговым вращая движеньем;
315 **Зуб** работу равнял, ненужное все обрывая,
И на иссохших губах шерстяные висели обрывки,
Те, что, мешая сучить, на тоненьких нитках торчали.
Возле же ног их лежала, хранясь в плетеных корзинах,
Тонкая, нежная шерсть, руна белоснежного волна.
320 **Шерсть** чесали они и голосом звонко звучащим
В песне божественной так приоткрыли грядущие судьбы;
В песне, которой во лжи обличить не сможет потомство:
«Ты, о Гематии столп, о муж, прославленный сыном!
Ты, что великий почет приумножил доблестью вящей,
325 **Слушай**, что в радостный день тебе предскажут правдиво
Сестры! А вы между тем, предваряя грядущие судьбы,
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Скоро придет для тебя несущий желанное мужу
Вечер, а с ним, со счастливой звездой, придет и супруга,
330 **Та**, что наполнит тебе любовью ласковой сердце,
Вместе свой нежащий сон соединить готова с тобою,
Нежно руками обвив твою могучую шею.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Дом ни один никогда любви подобной не видел,
335 **Также** любовь никогда не скреплялась подобным союзом
Или согласьем таким, что царит у Фетиды с Пелеем.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Сын родится от вас — Ахилл, не знающий страха.
Враг не спину его, но лишь храбрую грудь будет видеть.
340 **Будет** всегда победителем он на ристаниях конских,
Он быстроногую лань по горячему следу обгонит.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

С ним герой ни один на войне не посмеет сравниться,
Той, где тевкрская кровь окрасит берег фригийский,
345 И разгромит наконец Пелопса коварного правнук
Трои высокий оплот, сломив его долгой осадой.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Храбрую доблесть его и светлые мужа дня
На погребенья сынов вспоминать будут матери часто,
350 Пряди седые волос распустив над горестным прахом,
Немощно, дряхлой рукой в увядшую грудь ударяя.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Как с пожелтевших полей собирая обильную жатву,
Жнет земледелец свой хлеб под жарко пылающим солнцем,
355 Так он троянских сынов враждебным скосит железом.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Будет Скамандра волна свидетелем подвигов славных
Там, где река в Геллеспонт на пространстве широком впадает:
Грудой порубленных тел течение ее преградится,
360 Гордые волны реки согреются, смешаны с кровью.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Будет свидетелем та обреченная смерти добыча
В час, как высокий костер, на холме воздвигнутый, будет
Тела невинного ждать для жертвы заколотой девы.
365 Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Ибо, лишь только судьба позволит усталым ахейцам
Цепи Нептуна порвать, оковавшие дарданян город,
Над знаменитым холмом прольется кровь Поликсены.
Как под двуострым мечом бессильная падает жертва,
370 Так на колени она повергнется телом безглавым.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Будьте же смелы теперь, в желанной любви сочетайтесь!
Пусть счастливый союз супруга свяжет с богиней,
Пусть жена наконец отдастся горящему мужу!
375 Вечно ведущие нить, бегите кружась, веретёна!
Завтра кормилица, вновь на рассвете ее увидавши,
Шею ее окружить вчерашнею ниткой не сможет.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!

Пусть не волнуется мать, что дочь, в разлуке с супругом,
380 Ей не позволит мечтать о рожденье внучат драгоценных.
Вейте бегущую нить, бегите кружась, веретёна!»

Так, предсказанья свои вещая когда-то Пелею,
Пели счастливую песнь божественным голосом Парки.
Ибо нередко тогда к целомудренным домам героев
385 Боги спускались с небес и в смертном являлись собранье,—
Ибо еще никогда не страдало тогда благочестье.

Часто Родитель богов, восседая в сверкающем храме,
В праздник, бывало, когда годовые приносятся жертвы,
Сам на земле созерцал, как сотни быков умерщвлялись.
390 Часто и Либер хмельной с высокой вершины Парнаса
Вел восклицавших тиад, растрепавших небрежные кудри.
Ревностно Дельфы тогда, из ограды толпой высыпая,
Бога спешили встречать, и дым алтарный курился.
Часто в смертельном бою, бывало, участвовал Маворс,
395 Или Тритона-ручья богиня, иль Дева Рамнунта.
Вооруженных бойцов возбуждали бессмертные боги.
Ныне ж, когда вся земля преступным набухла бесчестьем
И справедливость людьми отвергнута ради корысти,
Братья руки свои обагрят братскою кровью,
400 И перестал уже сын скорбеть о родительской смерти,

Ныне, когда и отец кончины первенца жаждет,
Чтобы, свободный, он мог овладеть цветущей невесткой,
Иль нечестивая мать, невинностью пользуясь сына,
Уж не боится святых опозорить бесстыдно Пенатов,
405 Всё, что преступно и нет, в злосчастном спутав безумье,—
Мы отвратили от нас помышленья богов справедливых;
Боги оказывать честь не хотят уже сборищам нашим,
И не являются нам в силнии света дневного.

LXV

- Черное горе, вседневные беды меня отдалили,
Милый Гортал, от труда в честь величавых сестер.
Сладостных муз легкокрылое племя создать не способен
Дух отягченный. Поник разум в тоске и слезах.
- 5 Брата бледнеющий призрак давно ли в глубинах поддонных
Зяблый летейский поток влагой забвенья омыл?
Взморье Ретейское в Трое далекой любимые кости
Похоронило, навек друга отняв от друзей.
- Слова тебе не скажу, и рассказов твоих не услышу,
10 И не увижу уже глаз, что мне жизни милей.
Брат ненаглядный! Любить тебя буду и ныне и вечно.
Вечно о смерти твоей петь мне печальную песнь!
Так под зеленой листвою, под купами рощ темнолистных,
Льется соловушки стон, вечный об Итисе плач.
- 13 Но, хоть убитый печалью, Гортал, я тебе посылаю
Стих Каллимаха. Его я для тебя перевел.
Так не считай, что советы твои, словно ветер летучий,
Словно туман, из души вмиг ускользнули моей,

Так, тихонько скользнув, из-за пазухи девушки скромной

Яблоко падает вдруг, — тайный подарок любви.

В страсти забыла бедняжка, что скрыто за тонкой холстинкой.

Видит, что мать подошла. В страхе вскочила. Бежит,

Яблоко катится быстро, стремится шурша по наклону,

На виноватом лице вспыхнул румянец стыда.

LXVI

Тот, кто все рассмотрел огни необъятного мира,
Кто восхождение звезд и нисхождение постиг,
Понял, как пламенный блеск тускнеет бегущего солнца,
Как в им назначенный срок звезды уходят с небес,
5 Как с небесных путей к высоким скалам Латмийским
Нежным призывом любовь Тривию сводит тайком,—
Тот же Конон и меня увидал, косу Береники,
Между небесных огней яркой пролившую свет,
Ту, которую всем посвящала бессмертным царица,
10 Стройные руки свои к лебу с молитвой воздев,
Тою порою, как царь, ошастливленный браком недавним,
В край ассирийский пошел, опустошеньем грозя,
Сладостный след сохраняя еще состязанья ночного,
Битвы, добывшей ему девственных прелестей дань.
15 Разве любовь не мила жене новобрачной? И разве,
Плача у ложа утех между огней торжества,
Дева не лживой слезой омрачает родителей радость?
Нет, я богами клянусь,— стоны неискренни дев.

В том убедили меня стенанья и пени царицы
20 В час, как на гибельный бой шел ее муж молодой.
Разве ты слезы лила не о том, что покинуто ложе,
Но лишь о том, что с тобой милый твой брат разлучен?
О, как до мозга костей тебя пронзила тревога,
Бурным волненьем своим всю твою душу объяв!
25 Чувства утратив, ума ты едва не лишилась, а прежде,
Знаю, с детства еще духом была ты тверда.
Подвиг забыла ли ты, который смутит и храбрейших,
Коим и мужа и трон завоевала себе?
Сколько печальных речей при проводах ты говорила!
30 Боги! Печальной рукой сколько ты вытерла слез!
Кто из бессмертных тебя изменил? Иль с телом желанным
В долгой разлуке бывать любящим так тяжело?
Кровь проливая быков, чтобы муж твой любимый вернулся,
Ты в этот час и меня всем посвящала богам,—
35 Лишь бы вернуться ему! А он в то время с Египтом
В непродолжительный срок Азию пленную слил.
Сбылись желанья твои — и вот, в исполненье обетов,
Приобщена я как дар к хору небесных светил.
Я против воли — клянусь тобой и твоей головою! —
40 О, против воли твое я покидала чело.
Ждет того должная мзда, кто подобную клятву нарушит!
Правда,— но кто ж устоит против железа, увы?
Сломлен был силой его из холмов высочайший, какне
Видит в полете своем Фии блистающий сын,
45 В те времена, как, открыв себе новое море, мидяне
Через прорытый Афон двинули варварский флот.
Как устоять волосам, когда все сокрушает железо?
Боги! Пусть пропадет племя халибов навек! —
Этот народ стал первым искать рудоносные жилы
50 В недрах земли и огнем твердость железа смягчать!

Срезаны раньше меня, о судьбе моей плакали сестры, —
Но в этот миг, бороздя воздух шумящим крылом,
Одноутробный брат эфиопа Мемнона, Локридской
Конь Арсинои, меня в небо унес на себе.

55 Там он меня поместил на невинное лоно Венеры,
Через эфирную тьму вместе со мной пролетев.

Так Зефирита сама — гречанка, чей дом на побережье
Знойном Канопы, — туда древле послала слугу,

60 Чтобы сиял не один среди небесных огней многоцветных
У Ариадны с чела снятый венец золотой,

Но чтобы также и мы, божеству посвященные пряди
С русой твоей головы, в небе горели меж звезд.

Влажной была я от слез, в обитель бессмертных вселяясь,
В час, как богиня меня новой явила звездой.

55 Ныне свирепого Льва я сияньем касаюсь и Девы;

И — Ликаонова дочь — рядом Каллисто со мной.

К западу я устремляюсь, на миг лишь, вечером поздним,
Следом за мной в океан медленный сходит Боот.

И хоть меня по ночам стопы попирают бессмертных,

70 Вновь я Тефии седой возвращена поутру.

То, что скажу, ты без гнева прими, о Рампунтская Дева,
Истину скрыть никакой страх не заставит меня, —

Пусть на меня, возмущаясь, обрушат проклятия звезды, —
Что затаила в душе, все я открою сейчас:

75 Здесь я не так веселюсь, как скорблю, что пришлось

разлучиться,

Да, разлучиться навек мне с головой госпожи.

Волосы холить свои изощрялась искусная дева, —

Сколько сирийских мастей я выпивала тогда!

Вы, кого сочетать долженствует свадебный факел!

80 Прежде чем скинуть покров, нежную грудь обнажить,

Юное тело отдать супруга любовным объятьям,

Мне из ониксовых чаш радостно лейте елей;

Радостно лейте, молясь о всегда целомудренном ложе.

Но если будет жена любодаянья творить,

85 Пусть бесплодная пыль вопьет ее дар злополучный,—

От недостойной жены жертвы принять не могу.

Так, новобрачные,— пусть и под вашею кровлей всечасно

Вместе с согласьем любовь долгие годы живет.

Ты же, царица, когда, на небесные глядя созвездья,

90 Будешь Венере дары в праздничный день приносить,

Также и мне удели сирийских часть благовоний,

Не откажи и меня жертвой богатой почтить.

Если бы звездам упасть! Вновь быть бы мне царской косою!

О, если б вновь Водолей близ Ориона сиял!

LXVIII

То, что стесненный судьбою и горем подавленный тяжким,
Шлешь ты мне это письмо, краткое, полное слез,
Пишешь, что ты, средь пенных валов потерпевши крушенье,
Смертной достигнув черты, помощи ждешь от меня,
⁵ Что на твоём одиноком, покинутом ложе Венера
Ночью забыться тебе сладостным сном не дает
И что в бессонную ночь беспокойную душу не могут
Музы тебе усладить песнями древних певцов,—
Радостно мне потому, что другом меня ты считаешь,
¹⁰ Если Венеры и Муз ищешь даров у меня.
Но узнай же и ты о моих злоключениях, Аллий,
И не подумай, что я гостеприимство не чту.
Внемли, в какую пучину Судьбы я сам погрузился,
Чтоб у несчастного ты счастья даров не просил.
¹⁵ Только успел я надеть на себя белоснежную тогу,
В лучшую пору, когда жизнь расцветала весной;
Вдоволь шутил я тогда и чужд не остался богине,
Что с треволнениями слить сладкую горечь могла.

Но в беспредельной печали смерть брата эти забавы
20 Разом умчала. О брат! Горе, ты взят у меня!
Хрупкое счастье мое ты навеки сломал, умирая,
Вместе с тобой погребен мой опечаленный дом.
Вместе с тобою погибли и радости все; их питала
Прежде, при жизни твоей, милого брата любовь.
25 С гибелью брата изгнал навек я из сердца все эти
Страсти мои, из души все наслажденья изгнал.
Пишешь ты: «Стыд и позор оставаться в Вероне Катуллу:
Там ведь любой человек, если он лучше других,
Мерзнет в постели один и никак не может согреться».
30 Аллий, ведь то не позор, это скорее — беда.
Так извини, коль даров, что хотел от меня получить ты,
Не посылаю тебе: скорбь их взяла у меня.
Даже и книг у меня совсем немного с собою,
Ибо я в Риме живу: в Риме мой истинный дом
35 Там жилище мое, и там моя жизнь протекает:
Вместе со мной лишь один ларчик приехал сюда.
Раз это так, не подумай, что я по умыслу злому
Так поступаю, что я душу тебе не открыл.
Пусть на просьбу твою я ни тем, ни другим не ответил:
40 Все бы я отдал тебе, если бы только имел.
Но не могу умолчать, о богини, в чем Аллий мне подал
Помощь свою и о том, как я обязан ему:
Чтобы бегущая жизнь в приносящих забвенью столетьях
Рвение это его тьмой не покрыла ночной:
45 Вам я поведаю, вы же поведайте тысячам многим,
Сделайте так, чтобы лист ветхий о нем говорил.

Чтобы посмертно обрел славу все большую он,
Чтобы паук, в вышине паутину тонко свивая,
50 Той паутиной покрыть Аллия имя не мог.

Знаете вы ведь, какую тогда Амафунта богиня
Мне причинила печаль, что мне пришлось пережить;
Был я огнем опален, словно скалы Тринакрии, словно
Воды Малийских ключей, бьющих вблизи Фермопил.
55 Скорбные очи мои в постоянном истаяли плаче,
Горестный дождь орошал впалые щеки мои.
Словно источник, что бьет из-под мохом поросшего камня,
С горной вершины летит, ярко на солнце блестя,
И упадает, крутясь, с крутизны обрыва в долину,
60 Где, пробежав поперек людной широкой тропы,
Он облегченье несет истомленным зноем прохожим,
В дни, когда в трещинах вся почва сожженных полей;
Иль словно мягкий порыв попутного ветра, который
Кастор с Поллуксом пошлют, внявши мольбам моряков
65 В час, когда по морю их бросает черная буря,—
Точно такой для меня Аллия помощь была.
Он до широких пределов раздвинул стесненное поле,
Он же мне дом даровал, мне и моей госпоже,
Рядом с которой взаимной любовью я наслаждался.
70 В дом мой богиня моя чистая тихо вошла
И на пороге, натертом до блеска, опершись стопою,
Яркий поставила свой крепко она башмачок;
Так Лаодамия древле, пылая любовью горячей,
К Протесилаю пришла, к милому мужу в чертог.
75 Тщетно воздвигнут он был, ибо жертва священная кровью
Не утолила еще в небе живущих богов.
Дева Рамнунта, пускай ни к чему не стремлюсь я так сильно,
Что против воли владык дерзко творит человек.
И Лаодамия, лишь потеряв супруга, узнала,
80 Как этот жертвенник ждал крови, угодной богам;
Прежде пришлось из объятий ей выпустить милого мужа,
Нежели зиму одну, зиму другую она

В долгие ночи свою ненасытную страсть утолила,
Чтобы могла она жить, брака конец пережив.
85 Ведали Парки — недолго он будет с любимую, если
Воином к стенам твоим он поспешит, Илион:
Ибо в то время уже похищением Елены знатнейших
Троя аргивских мужей стала к себе привлекать.
Троя (о ужас!) — могила для Азии и для Европы,
90 Троя — безвременный прах доблестей всех и мужей;
И не она ль причинила погибель злосчастную брату
Милому. Брата навек милого я потерял!
Брат мой несчастный, увы, лишенный света земного,
Вместе с тобой погребен мой опечаленный дом,
95 Вместе с тобою погибли и все мои радости также, —
Нежной любовью своей ты их лелеял живой.
Ныне далеко тебя, не среди погребений знакомых
И не близ праха родных похоронили, мой брат,
В Трое распушенной, в Трое твоя злосчастливая урна
100 В поле зарыта чужом, там, возле края земли.
В дальней стране, куда, — повествует молва, — поспешала
Греции юность, очаг бросив Пенатов своих,
Чтобы, ликуя, Парис, похитив неверную, с нею
В брачном покое не мог мирно часы проводить.
105 Вот, Лаодамия, вот причина того, что был отнят
Милый супруг у тебя, жизни милей и души.
Ты же с такой высоты всеобъемлющей жаркой любовью,
Словно с обрыва, была брошена в пропасти зев;
Пропасть та, говорят, близ Пеней Килленского почву
110 Тучную, влагу впитав, всю осушает собой;
Некогда вырыл ее, сердцевину горы прорубивши
Амфитриона, твердят, сын, но не истинный сын.
В пору, когда он сразил Стимфалийских чудовищ стрелою
Верной своей, как велел низкий властитель ему.

115 Чтобы все больше богов вступало в небесные двери,
Чтобы недолго еще Геба невинной была.
Но у любви у твоей глубина той пропасти глубже;
Ею научена ты с кротостью иго терпеть:
Ибо не столь драгоценен годами согбенному деду
120 Поздно родившийся внук, дочки единственный сып,
Кто, наконец обретенный, явился наследником деда,
Имя которого тот внес в завещанье свое,
Радость бесчестной родни, осмеянья достойной, нарушив
И от своей седины коршуна прочь отогнав;
125 И белоснежному так голубку не рада подружка
Та, что бесстыдней еще, как повествуют о том,
С клюва язвящего рада без счета срывать поцелуи,
Нежели женщина, в ком вечно желанья кипят.
Ты же одна победила их всех, одержимых страстями,
30 Соединившись навек с русым супругом своим.
Или ни в чем, иль в малом совсем лишь ей уступая,
Ты, мой светоч, придя, крепко прильнула ко мне;
Как беспокойный тогда Купидон вокруг тебя увивался,
В желто-шафранной своей тунике, ясный, блистал.
135 Но хоть она и бывает Катуллом одним недовольна,
Тайны редких измен скромной простим госпоже,
Чтобы несносными мы, по обычаю глупых, не стали.
Часто Юнона сама, вышняя между богинь,
Зная супруга вину, разгоревшийся гнев умеряла,
140 Хоть и не раз изменял ей Громовержец тайком.
Люди земные отнюдь не должны равняться с богами,

Сбрось же ты бремя, оно старцам дрожащим под стать.
Все же вошла она в дом, не отцовской рукою ведома,
В дом, что Ассирии был залит духами тогда;

145 Много чудесных даров мне той ночью она подарила,
Их для меня отняла тайно у мужа она.
Хватит с меня и того, что мне одному достается
День, что отметит она, камешек белый избрав.
Вот мой подарок тебе; как сумел, его в песню облек я,
150 Аллий, за много услуг он воздается тебе,
Чтоб не разъезла твое щербатая ржавчина имя
Нынче и завтра и впредь в многие, многие дни.
Пусть же так много даров сегодня дарует Фемида,
Сколько дарила она доблестным древним мужам.
155 Счастлив ты будь и она, кто жизнью твоею зовется,
Также и дом твой, где мы с милой резвились моей;
Равно и тот, кто первым тебя нам передал,— Ансер,
Первый, откуда ко мне блага явились мои.
Всех предпочтенней — она, кто меня самого мне дороже;
160 Свет мой, пока ты жива,— сладостна жизнь для меня.

LXIX

Зря удивляешься, Руф, что такой не найдется бабенки,
Чтоб хоть однажды с тобой лечь согласилась в постель.

Редкий наряд посули — все равно уломать не сумеешь.

Жемчуг в подарок неси — толку и в жемчуге нет.

⁵ Слух нехороший идет: говорят, поселилась под мышкой

Дикая тварь у тебя — старый, вонючий козел.

Люди боятся его. И верно: скотина презлая.

Кто ж из красавиц, чудак, лечь пожелает с козлом?

Только покажешься ты — и все обращаются в бегство.

¹⁰ Либо вонять перестань, либо пеняй на себя!

LXX

Милая мне говорит: лишь твою хочу быть женою,
Даже Юпитер желать стал бы напрасно меня.
Так говорит. Но что женщина в страсти любовнику шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!

LXXI

Запах козиный ужасен, хоть будь он трикраты заслужен.

Злая подагра, увы, также несносная вещь!

Что ж, удивительно, значит, двойным наказаньем наказан

Недруг твой, кто у тебя отнял подруги любовь:

⁵ Только обнимется с ней, постигает обоих возмездье —

Вонь удушает ее. Мучит подагра его.

LXXII

Лесбия, ты говорила когда-то, что любишь и хочешь
Только меня, что тебе даже Юпитер не мил.

Что ж, и тебя я любил, и не так, как подружку желают,
Пет же, как добрый отец любит родимых детей.

⁵ Знаю тебя я теперь, и хоть страсть меня мучает жарче,
Много дешевле ты все ж, много пошлей для меня.

Что же случилось? Твое безрассудство виной, что любовник
Жаждет тебя все сильнее, но уж не может любить.

LXXIII

Нет, не надейся приятнь заслужить и признательность друга.

Благочестивой любви лучше в награду не жди!

Неблагодарность царит, добро не приносит награды,

Где уж награды! Добро горечь родит и тоску.

⁵ Так и со мною. Врагом моим злейшим и самым жестоким

Тот оказался, кому другом и братом я был.

LXXXVII—LXXV

Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться не может
Преданной дружбой, как я, Лесбия, был тебе друг.
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих нас вязали,
Не было в мире еще крепких и вязущих уз.

- ⁵ Ныне ж расколото сердце. Шутя ты его расколола,
Лесбия! Страсть и печаль сердце разбили мое.
Другом тебе я не буду, хоть стала б ты скромною снова,
Но разлюбить не могу, будь хоть преступницей ты!

LXXVI

Если о добрых делах вспоминать человеку отрадно
В том убежденье, что жизнь он благочестно провел,
Веры святой не пятнал никогда, в договоры вступая,
Ради обмана людей всеу к богам не взывал,—
5 То ожидает тебя, за долгие годы, от этой
Неблагодарной любви много отрады, Катулл.
Все, что сказать человек хорошего может другому
Или же сделать кому,— сделал ты все и сказал.
Сгнуло, что недостойной душе доверено было...
10 Так почему же теперь пуше терзаешься ты?
Что не окрепнешь душой, себе не найдешь утешенья,
Гневом гонимый богов, не перестанешь страдать?
Долгую трудно любовь пресечь внезапным разрывом,
Трудно, поистине так,— все же решишь наконец!
15 В этом спасенье твое, решишь, собери свою волю,
Одолевай свою страсть, хватит ли сил или нет.
Боги! Жалость в вас есть, и людям не раз подавали
Помощь последнюю вы даже на смертном одре,

Киньте взор на меня, несчастливца, и ежели чисто

20 Прожил я жизнь,— из меня вырвите черный недуг!

Оцепенением он проникает мне в члены глубоко,

Лучшие радости прочь гонит из груди моей.

Я уж о том не молю, чтоб она предпочла меня снова

Или чтоб скромной была,— это немисливо ей,

25 Лишь исцелиться бы мне, лишь мрачную хворь мою сбросить.

Боги! О том лишь прошу — за благочестье мое.

LXXVII

Руж! Я когда-то напрасно считал тебя братом и другом!
Нет, не напрасно, увы! Дорого я заплатил.
Словно грабитель подполз ты и сердце безжалостно выжег,
Отнял подругу мою, все, что я в жизни имел.
5 Отнял! О, горькое горе! Проклятая, подлая изва!
Подлый предатель и вор! Дружбы убийца и бич!
Плачу я, только подумаю: чистые губы чистойшей
Девушки пакостный твой гнусно сквернит поцелуй.
Но не уйдешь от возмездья! Потомкам ты будешь известен!
10 Низость измены твоей злая молва разгласит!

LXXIX

Лесбий красив? Ну еще бы! Он Лесбии нравится больше,
Горький Катулл мой, чем ты с домом и родом твоим.
Пусть он красив! Но пускай пропаду со всем домом и родом,
Если хоть трое друзей в рот поцелуют его.

LXXXII

Если желаешь ты глаз моих свет подарить мне, мой Квинтий,
Иль даже то, что милей света чудесного глаз,
Не отнимай же того у меня, что намного дороже
Глаз и всего, что милей света чудесного глаз!

LXXXIII

Лесбия вечно меня при муже бранит и поносит.

Это осла и глупца радует чуть не до слез.

Вовсе ослеп ты, дурак! Ведь будь я забыт и покинут,

Так замолчала б она. Если ж шумит и кричит,

⁵ Помнит, наверно, меня. Нет, больше, во много раз больше!
Лесбия сердится. Что ж? Лесбия любит меня!

LXXXV

**И ненавижу ее и люблю. «Почему же?» — ты спросишь.
Сам я не знаю, но так чувствую я — и томлюсь.**

LXXXVI

Квинтию славят красвѣй. А я назову ее стройной,
Белой и станом прямой. Все похвалю по частям.
Не назову лишь красавицей. В Квинтии нет обаянья,
В теле роскошном таком искорки нету огня.
⁵ Лесбия — вот кто красива! Она обездолила женщин,
Женские все волшебства соединила в себе.

LXXXVIII

Геллий, скажи, кто с сестрою, кто с матерью долгие ночи
В блудной проводит игре, скинув плащи на постель,

Кто отнимает у дяди законное право супруга,

Геллий, скажи мне, в грехе можно ль позорней погрязть?

⁵ Нет! От такого стыда не очистит пучина Тефии,

Клейм не отмоет таких влаги отец — Океан.

Нет, преступлений гнуснейших уже совершить невозможно,

Пусть даже, свесившись вниз, сам пожираешь себя!

ХСII

Лесбия вечно ругает меня. Не молчит ни мгновенья.

Я поручиться готов — Лесбия любит меня!

Ведь и со мной не иначе. Ее и кляню и браню я,

А поручиться готов — Лесбью очень люблю!

XCIII

**Нет, чтоб тебе угодить, не забочусь я вовсе, о Цезарь!
Знать не хочу я совсем, черен ли ты или бел.**

ХСV

«Смирну» Цинна издал. С тех пор как он ее начал,
Девять зим пронеслось, девять собрали мы жатв.
Тысячи тысяч стихов меж тем Гортензий напишет

- ⁵ «Смирны» слава дойдет до глубоких потоков Сатраха,
«Смирну» седые века будут читать и читать,—
В Падуе, где родились, «Анналы» Волюзия сгинут,
Часто скумбрию в них будет купец одевать.
Друга маленький труд пусть мне лишь по сердцу будет —
¹⁰ Пусть надутым стихом радует чернь Антиммах.

XCVI

Если печаль о потере на сладкую радость почившим
Вечно немые гроба может сойти, о мой Кальв,
Если былую любовь оживляют горячие слезы,
Дружбы покинутой плач, воспоминанья утрат,
5 Знаю, о жизни ушедшей Квинтилия в гробе не тужит,
Нет же, гордится она верной любовью твоей.

ХСVIII

Веттий-подлец, о тебе скажу я по полному праву
То, что о льстивых глупцах люди всегда говорят:
Выгоду чуя свою, любому не только что пятки —
Задницу ты облизать грязным готов языком.

⁵ Если нас всех погубить ты когда-нибудь вздумаешь, Веттий,
Чутьочку рот приоткрой — сразу и делу конец.

СІ

Много морей переплыв и увидевши много народов,
Брат мой, достиг я теперь грустной гробницы твоей,
Чтобы последний принести тебе дар, подобающий мертвым,
И чтобы имя твое, пепел печальный, призвать.

5 Рок беспощадный пресек твою жизнь, он навеки похитил,
Брат злополучный, тебя, сердце мое разорвав.
Что же, прими эти жертвы! Обычай древние дедов
Нам заповедали их — в грустный помин мертвецам.
Жаркой слезою моей они смочены, плачем последним.

10 Здравствуй же, брат дорогой! Брат мой, навеки прощай!

СII

**Если когда-либо другу, надежному, верному другу,
Истинный, преданный друг тайны свои доверял,
Значит, вполне на меня положиться ты можешь, Корнелий:
Я ведь второй Гарпократ, так я умею молчать.**

СПИ

Если десять сстерциев ты возвратишь мне, Силон мой,
Так уж и быть, примирюсь с тем, что ты дрянь и нахал.
Если же деньги мои зажилить решил, то хотя бы
Сводником быть перестань, сводник ты, дрянь и нахал.

CIV

Как, неужели ты веришь, чтоб мог я позорящим словом
Ту оскорбить, что милей жизни и глаз для меня?
Нет, не могу! Если б мог, не любил так проклято и страшно.
Вам же с Таппоном во всем чудится бог знает что!

CV

**Ментула прет па Парнас. Да навозными вилами Муза
Гонит шута кувырком. Ментула в пропасть летит.**

CVII

Если желанье сбывается свыше надежды и меры,
Счастья нечаянного день благословляет душа.
Благословен же будь, день золотой, драгоценный, чудесный,
Лесбии милой моей мне возвративший любовь.

⁵ Лесбия снова со мной! То, на что не надеялся,— сбылось!
О, как сверкает опять великолепная жизнь!
Кто из людей счастливей меня? Чего еще мог бы
Я пожелать на земле? Сердце полно до краев!

CVIII

- В час, когда воля народа свершится и дряхлый Коминий
Подлюю кончит свою мерзостей полную жизнь,
Вырвут язык его гнусный, враждебный свободе и правде.
Жадному коршуну в корм кинут презренный язык.
- ⁵ Клювом прожорливым ворон в глаза ненасытные клонет,
Сердце собаки сожрут, волки сглодают нутро.

CIX

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так ты сказала.

Будем друг другу верны и не узнаем разлук!

Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!

Пусть ее слово идет чистым от чистой души!

⁵ Пусть поживем мы в веселье спокойные, долгие годы,

Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

СХІІІ

Консулом избран Помпей был впервые. Владели Муциллой
Двое тогда. А теперь? Избран вторично Помпей.
Двое остались двоими. Но целые полчища новых
Встали за ними. Мой бог! Пышная жатва греха!

CXV

Ментула славным поместьем владеет на склонах Фирманских.

Много диковинок там, много различных чудес.

Рыбная ловля, охота звериная, пашня, покосы —

Все ни к чему! Все добро в прорву у мота идет.

⁵ Пусть он ужасно богат, в кошельке ни полушки у мота,

Пусть превосходен дворец, сам побирается он.

CXVI

Геллий! Давно и прилежно искал я по лавкам и рынкам
Песнь Каллимаха. Ее в дар я готовил тебе.
Я примириться с тобою хотел, чтоб стрел ядовитых,
Целясь в Катуллову грудь, ты не спускал с тетивы.
⁵ Вижу теперь, что трудился напрасно! Пропали старанья!
Тщетно тебя я просил. Так берегись же, дружок!
В складках накидки моей обессилев, замрут твои стрелы.
Слов же моих острие неотвратимо. Ты — мертв!

АЛБИЙ
ТИБУЛЛ

I

Желтое золото пусть другой собирает и копит,
Сотнями держит пускай югеры тучных земель:
Вечным трудом боевым грозит ему недруга близость,
Спы отгоняет от глаз грохот военной трубы;
5 Ну, а меня пусть бедность ведет по медлительной жизни,
Лишь бы пылал мой очаг неугасимым огнем.
Сам бы в деревне я стал выращивать нежные лозы,
В пору умелой рукой яблонь сажать дерева,
Грей, о Надежда, меня и грудями сыпь урожай мне,
10 Полными чанами лей сусло густого вина!
Я ведь всегда почитал и пень заброшенный в поле,
И на скрещенье дорог камень, обвитый венком.
Сколько бы мне ни послало плодов грядущее лето,
Я пред богами полей дар земледельца сложу:
15 Пусть из колосьев венец тебе, златокудрой Церере,
Жертвою пашни моей в храме у двери висит.
В полных плодами садах да встанет сторожем красным
С грозно поднятым серпом, птицам на ужас, Приап.

Лары, и вам, сторожам усадьбы когда-то богатой,
20 Но захудалой теперь, я приготовил дары.
Кровью телки в те дни очищалось великое стадо,
Нынче одна лишь овца — дар за ничтожный надел.
Вот вам овца; вокруг нее деревенские кличут ребята:
«Дайте нам жатву, иò! доброго дайте вина!»
25 Жить бы мне, жить наконец в покое, довольствуясь малым,
Не обрекая себя долгим путям никогда,
От восходящего Пса под летнею телью деревьев
Прятаться возле ручья, что близ усадьбы бежит.
Не постыдился бы я приняться порой за мотыгу
30 Или бичом подогнать тихо бредущих волов.
Не поленился бы, нет, позабытого маткой козленка
Или ягненка домой перенести на груди.
Вы над отарой моей ничтожною, воры и волки,
Смилуйтесь! Доли своей в стаде ищите большом.
35 Здесь пастуха моего я привык очищать ежегодно
И окроплять молоком Палес за милость ее.
Будьте, боги, со мной, не гнушайтесь, молю вас, дарами
Скудных сельских столов, чистых кувшинов моих.
Эти кувшины лепил из мягкой податливой глины
40 Пахарь седой в старину, делая первый сосуд.
Я никогда не искал отцовских богатств или жатвы
Столь же обильной, как встарь предок мой древний сбирал.
Рад я одной полосе, и рад я, если придется
Лечь на родную постель, в милом углу отдыхать.
45 Как там отрадно лежать и, внемля неистовой буре,
Дремно хозяйку свою в тесных объятьях сжимать,
Или зимой, когда Австр проливает студеную воду,
В доме под ропот дождя видеть спокойные сны!
Пусть это выпадет мне! Да будет по праву богатым
50 Тот, кто выносит тоску ливней и ярость морей.

Ах, пусть прахом пойдут все смарагды, все золото мира,
Лишь бы в разлуке со мной девушка слез не лила!
Ты, о Мессала, рожден воевать на морях и на суше,
Чтобы доспехи врага твой разукрасили дом;
85 Я же — закованный раб: в оковах красавицы милой,
Будто привратник, сижу близ непреклонных дверей.
Слава меня не влечет, моя Делия: быть бы с тобою, —
Может, кто хочет, меня вялым, ленивым бранить.
Видеть бы только тебя на исходе последнего часа
90 И, умирая, тебя слабой рукой обнимать.
Плачь, о Делия, плачь, когда лягу на ложе сожженья,
Слей поцелуи свои с горькой слезою любви!
Плачь! Ведь грудь у тебя не окована грубым железом,
И не заложен кремень в нежное сердце твое.
85 Знаю, с моих похорон ни дева, ни юноша даже
Не возвратятся домой, глаз не омывши слезой.
Не оскорбляй же тогда мою тень, о Делия, лучше
Пряди волос пощади, нежные щеки свои.
Будем друг друга любить, пока нам судьба позволяет!
70 Скоро к нам явится смерть, голову мраком покрыв;
Скоро к нам старость вползет — и уж будет зазорно влюбляться,
Страстные речи шептать с белой как снег головой.
Так отдадимся теперь Венере беспечной, пока нам
Двери не стыдно ломать, в драку с соперником лезть.
75 Здесь я и вождь, и крепкий боец. Вы, трубы, знамена,
Прочь уноситесь скорей, жадных калечьте людей!
Жадным тащите добро, а мне, довольному жатвой,
Будут смешны богачи, будет и голод смешон.

II

Крепкого лей, вином утоли нежданные муки,

Властный пусть склонится сон к векам усталым моим;
Этой хмельной головы, отягченной щедротами Вакха,

Пусть не тревожат, пока горькая дремлет любовь.

⁵ К нежно любимой моей приставлена грозная стража,

Плотная дверь заперта неодолимым замком.

Пусть тебя ливень сечет, о дверь ее злого владыки,

Пусть Юпитера гнев молнии мечет в тебя!..

Дверь, отворись только мне, побежденная жалобной просьбой.

¹⁰ И не скрипи, коль тайком ночью тебя отпрут!

Если в безумстве своем тебе посылал я проклятья,

Сжался, молю: пусть они мне же падут на голову.

Помнить должна ты о том, что в слезных молениях поведал

Я, гирляндой цветов твоей оплетая косяк.

¹⁵ Ты же, о Деция, брось бояться, обманывай стражу;

Надо дерзать: смельчакам в помощь Венера сама.

Сколь благосклонна она, когда новый порог переступит

Юноша или тайком дева замок отомкнет!

Учит она, как скользнуть украдкой с мягкого ложа,
90   Учит она, как ногой на пол беззвучно ступить;
Учит она красноречью кивков незаметных при муже,
      Учит искусству скрывать нежные в знаках слова.
Но поучает не всех, — лишь тех, кто не ведает лени,
      Кто не боится встать с ложа в ненастную ночь.
85   Вот и когда я брожу по городу темному в страхе,
      <Мне помогает идти к цели богиня любви.>
Хищника гонит она, кто дерзнул бы кинжалом поранить
      Или с добычей уйти, платье сорвавши с меня.
Тот, кто во власти любви, хранимый священной рукою,
90   Может, где хочет, бродить: козни ему не страшны.
Мне ни зимняя ночь не вредит ледяющим морозом,
      Мне не опасен поток бурно летящих дождей.
Мне этот труд нипочем, — открыла бы Декия двери
      И поманила без слов, пальчиков легким щелчком.
85   Встречный — мужчина ли ты или женщина, — не поднимай же
      Глаз: проделки свои хочет Венера танть.
Шумом шагов не пугай и меня не расспрашивай, кто я,
      Факела ярких огней не приближай мне к лицу.
Если ж случайно меня заметит прохожий, — пусть скроет,
40   Именем всех богов пусть присягнет, что забыл.
Верь мне, почувствует тот, кто не в меру болтлив, что Венера
      Кровью была рождена, вышла из ярости волн.
Впрочем, ему не поверит твой муж, — так вещала правдиво
      Мне чародейка одна тайной волшебю своей.
45   Видел не раз я: она низводит созвездия с неба
      И заклинаньем своим рек изменяет русло,
Тени влечет из гробниц, утробу земли разверзая,
      Песней над хладным костром кости из пенла зовет;
То из подземных темниц вздымает их шепотом вещим,
80   То, окропив молоком, вспять возвратиться велит;

Властью своею метет туманы с ненастного неба,
Властью своею зовет в летнюю пору снега.
Ей лишь одной вручены волшебные травы Медеи,
Ей лишь дано усмирять лютых Гекаты собак.

65 Заговор ею сложен, и с ним обмануть ты сумеешь:
Трижды скажи нараспев, трижды отплюнься потом;
С этой поры никому твой муж про нас не поверит,
Даже себе самому, в мягкой постели застав.

Но от других воздержись: обо всех он правду узнает,
60 Лишь про меня одного ведать ему не дано.
Верить ли мне? Сказала еще вещунья, что может
Травами и колдовством освободить от любви.
Факел очистил меня, а после, ясною ночью,
Черная жертва легла в честь чародейных богов.

65 Я же молил, да не сгинет любовь, но да будет взаимной.
Я не искал никогда прочь убежать от тебя.
С сердцем железным был тот, кто охотно повлекся за бранью
И за добычей, хоть мог, глухой, тобою владеть.

Пусть он сметет пред собой побежденные тьмы киликийцев,
70 Марсов лагерь разбив на покоренных холмах,
Затканый весь серебром, весь золотом пышно расшитый;
Пусть на горячем коне гордо красуется он.

Я ж, моя Делия, знай,— была бы ты только со мною,—
Сам бы волов запрягал, нас на знакомой горе.

75 Лишь бы мне было дано держать тебя в нежных объятьях,
Даже на голой земле сладким казался бы сон.
А без взаимной любви что пользы хоть в пурпурном ложе,
Если в бессонных слезах тянется долгая ночь?

Нет, тогда уж ни пух, ни шитый покров, ни журчанье
80 Тихо бегущей воды дремы очам не пошлют.
Разве я словом задел величие гордой Венеры
И наказанье несет мой нечестивый язык?

Разве молва говорит, что нечистый входил я в жилища
Вечных богов и венки рвал со святых алтарей?

85 Если б я был виноват, не замедлил бы пасть я во прахе
И целовать без конца храма священный порог.
Нет, не замедлил бы я ползти в пыли, умоляя,
Биться несчастным челом о заповедный косяк.
Ты, смеющийся зло над горем моим, берегись!

90 Жди: не ко мне одному вечно немилостив бог.
Тот, кто, бывало, шутил над юноши тщетной любовью,
Сам под Венеры ярмо в старости шею склонял.
С дряхлою дрожью шентал про себя он любовные речи,
И понапрасну взбивал космы седые волос.

95 Он не стыдился торчать у двери красавицы милой
Или на форуме днем встретить служанку ее.
Юноши там и мальцы ватагой его затирают,
Тихо, чураясь, плюют в мягкие складки одежд.
Ты же меня пощади, Венера: преданно служит
100 Дух мой тебе; что ты жжешь, грозная, жатву свою?

III

Двинетесь вы без меня, Мессала, по волнам эгейским.

О, вспоминай обо мне вместе с когортой своей!

Держит больного меня Феакия в землях безвестных.

Мрачная Смерть, молю, жадные руки сдержи!

⁵ Мрачная Смерть, удержиись, умоляю! Ни матери нет здесь,

Чтобы на скорбной груди кости собрать из костра;

Нет и сестры, чтоб мой прах окропить ассирийским елеем

И, волоса распустив, плакать над урной моей.

Делия, нет и тебя! А ведь, нас провожая из Рима,

¹⁰ Ты, говорят, наперед всех спросила богов.

Ты ведь три раза брала у мальчика жребий священный,

Трижды по жребиям он хорошие знаки давал:

Рок возвращенье сулил; но не мог он тебя успокоить:

Слезы на грудь ты лила, наш ненавидела путь.

¹⁵ Я же, отдав прощальный приказ, плохой утешитель,

Тайной тревогой томим, новых задержек искал,

Робко на птичий полет, на дурные предвестья ссылался

Или на то, что настал праздник Сатурна святой.

Ах, сколько раз, отправившись в путь, начинал вспоминать я,
20 Как оступился в дверях — знак неминуемых бед!
Пусть не дерзает никто уезжать против воли Амура
Иль пусть припомнит, дерзнув, как воспротивился бог.
Что мне Изиды твоя, о Делия? Разве поможет
Систра гулкая медь в трепетных пальцах теперь?
25 Что мне в том, как, святыню почтив, ты чисто умылась
И одиноко легла в чистую (помню!) кровать?
Ныне меня поддержи, о богиня! (Ведь можешь лечить ты,—
В храмах о том говорит множество ярких картин.)
Пусть, выполняя обет, сидит моя Делия ночью
30 В белой одежде льняной возле священных ворот
И, волоса распустив, тебе дважды в день воспевает
Славу, сияя красой перед фарийской толпой;
Мне же да будет дано поклоняться родимым пенатам,
С каждой луной фимиам древнему лару курить...
35 Как беспечально жилось под властью Сатурна, покамест
Не проложили еще в мире повсюду дорог!
Гордый сосновый корабль не резал лазурные волны,
В бурю еще не кидал крылья своих парусов,
И барышей не искал мореход в неизведанных странах,
40 На корабли не грузил ценный заморский товар.
В те времена под ярмо не склонял своей шеи могучей
Бык и удил не кусал зуб укрошенных коней;
Не было в доме дверей, а в поле врытого камня,
Чтобы межой отделить пашню от пашни чужой.
45 Мед источали дубы, и людям беспечным навстречу
Овцы охотно несли вымя свое с молоком.
Не было войск, ни битвы в полях, ни гнева, и копий
Грубый кузнец не ковал, грозный своим мастерством.
Ныне Юпитер царит — и повсюду убийства да раны,
50 Ныне открыты моря, множество к смерти дорог.

Сжался, отец! Пред чем мне робеть? Я клятв не нарушил,
Дерзких не молвил я слов против священных богов...
Если изжиты уже судьбою данные годы,
Камень поставь надо мной с надписью краткой такой:
65 «Здесь почует Тибулл, сраженный безжалостной смертью
В дни, как Мессале вослед шел по полям и морям».
Но за покорность мою велениям нежным Амура
Ты мне, Венера, пролей свет Елисейских полей,
Где без конца хороводы звенят и в порхании резвом
60 Сладостно песни поют горлышки тонкие птиц;
Дикая новь корицу родит, и широко по нивам
Щедрый кустарник возрос благоухающих роз;
Юноши тешатся там, играя средь девушек нежных,
И поединки меж них вечно заводит Амур.
65 Тот, кто любил и был унесен прожорливой смертью,
Там на венчанных кудрях миртовый носит убор...
Грешных же сумрачный кров сокрыт во мраке глубоком,
Глухо и грозно вокруг черные реки шумят.
Там, пад челом взъерошив гадюк, Тисифона бушует,
70 Мечутся взад и вперед толпы безбожных теней;
Дальше хрипит у ворот змеиными пастями Цербер,
Черный на страже стоит кованных медью дверей;
Кружит вихрь колеса преступную плоть Иксиона,
Кто на Юнону посмел дерзкой мечтой посягнуть;
75 Там же лежит, распростерт на девять югеров, Титий,
Печенью черной кормя стаю назойливых птиц;
Тантал в стоячей воде томится, но только захочет
Жажду свою утолить, воды бегут от него;
Здесь семья Данаид, оскорбившая волю Венеры,
80 Воду из Леты несут вечно в бездонный сосуд.
Там да сгинет и тот, кто над страстью моей надругался,
Кто мне со зла пожелая долгих военных трудов!

Ты ж целомудренна будь, молю; и ревниво старушка
Пусть над тобою сидит стражем святой чистоты;
85 Сказывать сказки начнет и, рядом светильник поставив,
Пряжи долгую нить на веретенах сучить;
Девушка подле тебя, утомленная тяжким уроком,
Будет тихонько дремать, пряжу роняя из рук.
Тут бы внезапно войти, без всяких предупреждений,
90 Чтобы явиться к тебе гостем, упавшим с небес!
Ты мне тогда, как была, навстречу, Делия, киньсл,
Длинных волос не прибрав, так и беги босиком!..
Вот о чем я молю, и пусть этот день долгожданный
Мчит к нам Аврора в огнях на светозарных конях.

V

Был я суров и не раз говорил, что разрыв мне не страшен;
По как далёко теперь слава дерзаний моих!

Ныле мечусь, как по ровной земле под мальчишечьей плетью
Неугомонный волчок, пущенный ловкой рукой.

⁵ Гордого жги и пытай, чтобы слов хвастливых ни разу
Он не посмел повторить; грубые речи уйми.

Но пощади мою жизнь! Я тайною нашего ложа,
Лаской Венеры молю и поцелуем любви.

Помни, я тот, кто тебя во время тяжелой болезни

¹⁰ Спас (это ведомо всем) жаркой молитвой своей:

Сам вокруг постели твоей курил очистительной серой
В час, как звучал над тобой заговор ведьмы седой;

Сам я, чтоб страшные сны тебе не вредили, старался:
Сыпал священной мукой, трижды свершая обряд;

¹⁵ Сам я, повязку надев и тунику свою распустивши,
Тривии в тихой ночи девять обетов вознес.

Все это я совершил; но любовь — другой пожинает,
Рвет он, счастливец, плоды пылких молений моих.

Я же, безумец, мечтал о безоблачной жизни с тобою
20 В день, как поправишься ты, но воспротивился бог;
Думал в деревне я жить, где Делия — страж урожая,
Где под пальцим лучом жатву молотят мою;
Будет мой виноград хранить она в полных корытах,
Пеной сверкающий сок, выжатый быстрой ногой;
25 Скот привыкнет считать, и привыкнет резвиться со смехом
Маленький раб на груди милой хозяйки своей;
Богу она воздавать приучится: грозди — за лозы,
Колос — за тучный посев, жертвенный пир — за стада;
Всеми пусть правит она, обо всем пусть заботится в доме,
30 Я же в хозяйстве моем рад оставаться ничем.
Скоро приедет туда Мессала, и яблоч румяных
Нашему гостю нарвет Делия с лучших дерев.
Славного мужа почтив, сама пусть обед приготовит
И, хлопоча, как слуга блюда ему подает.
35 Так я мечтал, но, увы, по Армении благоуханной
Эвр разносит и Нот эти пустые мечты!
Часто заботы свои развеять вином я пытался,
Но превращала тоска в слезы хмельное вино;
Часто других обнимал, но Венера при первых же ласках,
40 Имя шепнув госпожи, вмиг охлаждала мой пыл;
Женщины, прочь уходя, кричали, что проклят я, верно,
Стали шептать, — о позор! — что я в колдунью влюблен.
Я не заклятем сражен, но рук и лица красотою,
Золотом светлых кудрей нежно любимой моей.
45 Нет, не прекрасней тебя была голубая Фетида
В час, как послушный дельфин с нею к Пелею спешил.
То погубило меня, что нашелся богатый любовник:
Ах, на погибель мою хитрая сводня пришла!
Пусть она жрет кровавую сиедь и, ртом обогрепным
50 К горькому кубку прильнув, пьет ядовитую желчь;

Пусть, проклянная свой рок, вокруг ведьмы тени витают,
С крыши пускай на нее кличет ненстовый сыч;
Пусть на кладбищах она коренья от голода ищет,
Мертвые кости пускай — волчьи объедки грызет;
55 С голыми бедрами пусть, завывая, по городу бродит,
Следом же мчится за ней свора взбесившихся псов.
Сбудется так: мне знаки даны; за любовника — боги,
Грозно Венера отмстит тем, кто нарушил закон.
Ты же забудь поскорей шептанья корыстные сводни:
60 Верь, от обильных даров в сердце скудеет любовь.
Бедный любовник всегда исполнит твои приказанья,
Будет угадывать их, нежно привязан к тебе;
Бедный в огромной толпе поможет, как спутник надежный
Руку протянет тебе, мигом дорогу пробьет;
65 Бедный проводит тайком и к другим друзьям сокровенным,
С ног белоснежных твоих снимет сандалии сам...
Горе! Зачем я пою? От слов не откроются двери:
Надо стучаться рукой, полной монет золотых.
Ты, кто сейчас предпочтен, такой же судьбы опасайся:
70 Кружит Фортуна шутя легким своим колесом.
Кто-то ретивый не зря появляется вдруг на пороге,
Подстерегает ее и убегает, таясь,
Делает вид, будто мимо спешит, но снова подходит
И, одиноко бродя, кашляет возле дверей.
75 Знать не дано нам козней любви! Так что ж, пока можешь,
Пользуйся счастьем: твой челн гладью спокойной плывет.

VI

Вечно, желая завлечь, ты с улыбкою ласковой взглянешь,
Но обернешься затем мрачным и злобным, Амур!
Что тебе в зверстве таком? И слава, скажи, велика ли,
Если начнет божество смертным силки расставлять?

⁵ Ждут уже сети меня: неверная Делия тайно

Нежит кого-то в тиши: только не знаю — кого.

С клятвой она отрицает обман, но трудно поверить:

Так ведь и нашу любовь прячет от мужа она.

Сам я, несчастный, ее научил, как искусней морочить

¹⁰ Стражу: увы мне! я стал жертвою козней своих.

Сам я предлог измышлял, чтоб спала в одиночестве вольном,

Тихо, подвинув засов, дверь отпирать научил,

Травы и соки носил, чтоб скорей синяки проходили —

Знаки взаимной любви, стиснутых страстью зубов...

¹⁵ Ты же, беспечный супруг подруги коварной, за мною

Тоже построже следи, грех отгоняй от нее.

Будь осторожен! Пусть долгих бесед не ведет с молодежью, —

Пусть не лежит, распустив платье на голой груди,

Пусть не дурачит тебя и, в вино обмакнувши свой пальчик,
20 Пусть не рисует тайком знаков она на столе.
Дом ли покинет — страшись, если даже стремится на праздник
Доброй Богини, куда доступ закрыт для мужчин.
Если доверишься мне, к алтарям прокрадусь я за нею:
Страх за очи свои я не изведаю там.

25 Сколько я раз, под предлогом взглянуть на кольцо или жемчуг,
Помню, тебя не таясь, руку ее пожимал;
Сколько я раз тебя побеждал, вином усыпляя,
Сам же расчетливо пил, в чашу подбавив воды.
Но не со зла обижал я тебя: прости за признание!

30 Так приказал мне Амур: встанешь ли против богов?
Я ведь тот самый и был (теперь уж не стыдно сознаться)
Гость, на кого до зари злилась собака твоя.
Глупым зачем молодал жена? Если клад драгоценный
Сам не умеешь хранить, то не поможет замок,

35 Держит в объятьях тебя, но, о ласках другого вздыхая,
Вдруг притворится она, будто болит голова.
Дай мне ее сторожить: не страшат меня злые побои,
Буду готов за нее цепи таскать на ногах.

Не подойдет уж тогда красавец с искусной прической,
40 В тоге, струящей вокруг складки свободной волной;
Всякий, кто встретится с ней, избегая дурных подозрений,
В сторону пусть отойдет или вдали обождет:
Так поступать сам бог повелел, и великая жрица
Так напророчила мне пеньем священных стихов.

45 Пляской Беллоны она зажжена и в бреду не боится
Ни обогранных бичей, ни рокового огня;
Руки себе топором иссечет она в ярости буйной,
Но, невреждена опять, кровью богиню кропит;
Тело пронзивши копьем, стоит с растерзанной грудью

50 И о грядущем поет вещей богини слова:

«Деву обидеть страшись, защищенную луком Амура,
Чтобы потом не скорбеть, грозный урок получив:
Только дотронься — и вмиг богатство умчится, как наша
Кровь из зияющих ран или как пепел в ветрах!»

55 Делия, знай, и тебе она карой какой-то грозила;
Но если грех ты свершишь, пусть облегчит ее бог!
По не тебя я жалею, любя: золотою старушкой,
Матерью тронут твоей, я забываю свой гнев;
Вся трепеща, в потемках тебя ко мне она водит
60 И позволяет в тиши наши объятья сплестать;
Ждет неизменно всю ночь у дверей и, чуть в отдаленье
Шорох заслышит шагов, сразу меня узнаст.
Долгие дни для меня проживи, старушка родная, —
Рад бы я к годам твоим годы прибавить свои!

65 Ради тебя твою дочь я буду любить бесконечно:
Как ни бедова она, кровь ее все же твоя.
Но научи ты ее быть скромною, хоть не стесняет
Лентой тугою — волос, длинною столою — пог.
Я соглашусь на крутой договор: и если посмею
70 Славить другую, пускай очи мне вырвет она;
Если виновным сочтет, пусть тащит за волосы силой,
Спустит по улице вниз даже без всякой вины.
Бить я посмею ль тебя, о Делия? Если же ярость
Вдруг загорится в груди — да онемееет рука!

75 Но добродетельна будь не из страха — из верности сердца:
Пусть без меня твой порог наша любовь сторожит.
Та, что верна никому не была, — старухой убогой
Тянет крученую нить слабой дрожащей рукой,
Прочное тклет полотно, уток вылетая в основу,
80 Силится пряху чесать из белоснежной волны.
Ей говорит молодежь, окружая веселой ватагой,
Что по заслугам она в старости терпит беду;

Ей и Венера грозит, с высоты взирая Олимпа,
Немилосердна к слезам женщины, неверных в любви.
85 Пусть на других проклятье падет! Мы, Делия, будем
Даже с седой головой образом страсти живой!

VII

День этот так предрекли нам Парки, прядущие судьбы
(Нитей же их перервать даже богам не дано):
«В день этот явится тот, кто сразит племена аквитанов,
И пред отважным бойцом трепетный ляжет Атак»,
5 И ныне свершилась судьба, и римские юноши видят
Цепи плененных вождей, новый встречая триумф.
Ты же, Мессала, с челом, увенчанным лавром победы,
Ты в колеснице летишь на белоснежных конях.
Так! Не без Марса ты славу стяжал: Пиренеев тарбельских
10 Знает об этом хребет, моря Сантонского брег,
Знают Арар, Гаронны поток и стремительный Родав,
Лигера чистая синь — рыжих карнутов страна.
Но восною ли я Кидн, струящий неспешные воды,
Вьющий в песке, как змею, тихой лазури струю,
15 Или же Тавр ледяной, приют киликийцев косматых,
Спрятавший в оползнях туч темя небесных вершин?
Я расскажу ли о том, как в Сирии и в Палестине
Голубь порхает святой, белый — по всем городам,

Или как смотрится Тир в моря с высоты своих башен —
20 Первый, кто древле дерзнул ветру доверить корабль,
Как в пламенеющей зной, когда Сириус землю терзает,
Нил благодатный несет вод своих летний разлив?
Нил-прародитель! Твои описать я сумею ль истоки,
Молвить, в каких рубежах ты укрываешь главу?
25 Лишь по щедротам твоим долины не требуют ливней,
Не вопиют о росе травы сухие к богам.
Вечную славу поют, тебя и Озириса славят.
Варвары, свой вознося плач над мемфисским быком.
Первым Озирис был, кто сделал искусной рукою
30 Плуг и железом рассек нежное лоно земля,
Первым он семена рассыпал по девственным нивам
И с незнакомых дерев сочные снял он плоды.
Он научил нас к жердям подвизывать юные лозы
И непреклонным серпом кудри зеленые стричь;
35 Он же был первым, кто дал человеку сладчайший напиток,
Выжатыи грубой пятой из виноградных кистей.
Сок этот нас научил, как голос возвысить до песни,
Также размеренный лад дал искусным погам;
Вахх земледельца живит, утомленного тяжкой работой,
40 Хмурому сердцу дает отниск от вечных скорбей;
Вахх и несчастным рабам посылает покой долгожданный,
Хоть и звенят кандалы на изможденных ногах.
Нет у тебя ни скорбей, ни мрачной печали, Озирис,
Любишь ты гимны и хор, легкие игры любви,
45 Любишь богатство цветов и лоб, увенчанный хмелем,
Паллы шафранный покров, льющийся к нежным стопам,
Пурпура тирского ткань и сладостной флейты наневы,
Любишь и легкий ларец — тайных обрядов предмет.
К нам снизойди и Гения славь игрою и пляской,
50 Гения славь и виски чистым вином ороси:

Пусть благовонье струят блестящие волосы бога,
Пусть вязеницы цветов падают с плеч и с чела.
Дня сего Гений, приди: почту я тебя фимиамом,
Сладкий пирог испеку на мопсопийском меду.
55 Ты же потомство расти, Мессала! Оно да умножит
Подвиг отца, окружив почестью старость его.
Память дороги твоей не угаснет в земле Тускуланской,
Белая Альба ее в древних домах сбережет,
Ибо щедроты твои усыпали гравием крепким
60 Этот прославленный путь, в камень одели его.
Пахарь воздаст тебе честь, когда он из дальнего Рима
Ночью вернется домой, не повредив себе ног.
Гений рождения твой будь славен на многие лета,
Светел во веки веков, с каждым приходом светлей!

VIII

Не утаить от меня значенья любовных намеков,

Тайны, звенящей подчас в шепоте сдержанных слов.

Жребий, внутренность жертв не нужны мне для их толкованья,

Я предсказаний судьбы в щебете птиц не ловлю:

5 Руки волшебным узлом сама мне Венера связала,—

Мудрость я эту постиг, многими битый плетью.

Брось притворяться и знай: сжигает бог беспощадный

Тех, кто не хочет ему волю свою подчинить.

Что тебе пользы сейчас расчесывать мягкие кудри,

10 Так или этак взбивать их шаловливую прядь?

Что тебе на щеки класть блестящий румянец и ногти

Столь мастерски подстригать опытной в деле рукой?

Зря подбираешь ты плащ, и зря ты меняешь одежды,

Обувью узкой такой ноги напрасно трудишь:

15 Видишь, иная мила, хоть и вовсе она не нарядна,

Хоть не лелеет кудрей хитростью долгих затей.

Уж не залятем ли злым, не крепким ли зельем старуха

Околдовала тебя в тихий полуночный час?

Чары старух урожай уводят в соседнее поле,
20 Чары и лютой змее вдруг заграждают пути,
Чары грозят и Луну совлечь с ее колесницы,—
И одолели б ее, если б не гулкая медь...
Что я тужу? Не опасны тебе ни заклятья, ни травы.
Нет, не нужна красоте помощь ночной ворожбы:
25 Чар и дурмана вредней — прикоснуться к любимому телу,
В долгом лобзанье прильнуть, ноги с ногами силести.
Ты же, Фолоя, не будь суровою с мальчиком пылким
(Помни, Венера воздаст за горделивый отказ!).
Ценных даров не проси: пусть сылет их старец влюбленный,
80 Чтобы на мягкой груди грела ты дряхлую плоть.
Гор золотых милей молодой, чьи щеки пылают
Гладкие, чья борода шею тебе не шерстит;
Вкруг его плеч ты обвей свои белоснежные руки,—
Жалким покажется вмиг даже богатство царей.
35 Скажет Венера тебе, как к мальчику льнуть потихоньку,
Чтоб не робел и скорей к нежным глубинам приник,
Как, языками борясь, во влажных сторать поцелуях.
В шею, целуя, врезать страстные знаки зубов.
Дев же холодных, увы, ни алмазы не красят, ни жемчуг;
40 Их не желают мужи, спать им одним суждено.
Поздно любовь к себе призывать и позднюю юность
В годы, когда седина дряхлые тронет виски.
Срок — красоту наводить: скорлупою зеленых орехов
Волосы красить начнешь, годы скрывая свои;
45 Хватит заботы тогда вырывать поседевшие пряди,
С кожи морщины сгонять, омоложая лицо.
Помни: покуда еще цветут твои первые весны,
Пользуйся ими,— бегут резвой столою они.
Сердце Марата не рви: что славы — мальчика мучить?
60 Строгой, красавица, будь только к седым старикам!

Сжался над нежным, молю: ему причиняет желтуху

Не роковая болезнь, но непосильная страсть.

Бедный! Покинут тобой, как часто он в жалобах горьких

Здесь изнывал и вокруг все было влажно от слез!

55 «Что за презренье ко мне? — стонал он. — Я стражу сломил бы:

Тех, кто желаньем горит, хитростям учит сам бог.

Тайной любви я уловки постиг: умею беззвучно

Тихий сорвать поцелуй, страстные вздохи сдержать;

Всюду я, всюду смогу прокрасться во мраке полночном

60 И потаенным ключом двери бесшумно открыть.

Что мне в искусстве моем, если презрен любовник несчастный,

Если злодейка моя даже с постели бежит?

Ах, обещает не раз, но всегда вероломно обманет:

Часто в терзаниях злых ночь я не сплю напролет,

65 Жду, не придет ли она, и в каждом порохе легком

Жадно готов я ловить звук отдаленных шагов».

Мальчик мой бедный, не плачь: ведь ты ей сердца не тронешь!

Верь мне, напрасно твои веки распухли от слез.

Ты же, Фолоя, узнай, что гордость богам ненавистна,

70 Что не поможет тебе ладан святых алтарей.

Некогда так и Марат шутил над несчастной любовью;

Чуял ли он, что над ним реет уж мстительный бог?

Он, говорят, смеяться дерзал над слезами страданья,

И отговоркой пустой страсть он любил разжигать.

75 Нынче претит ему спесь, и нынче уж он ненавидит

Крепкий засов на дверях с неодолимым замком.

Кара грозит и тебе, если гордость свою не оставишь.

Как ты захочешь мольбой нынешний день возвратить!

Х

Кто же тот первый, скажи, кто меч ужасающий создал?
Как он был дик и жесток в гнев железном своем!
С ним человеческий род узнал войну и убийства,
К смерти зловещей был путь самый короткий открыт.
5 Иль тот бедняк не повинен ни в чем? Обратили мы сами
Людям во зло этот меч — пугало диких зверей.
Золота это соблазн и вина: не знали сражений
В дни, когда нежным пленцом бегал у ваших я ног.
Не было ни крепостей, ни вала, и спал беззаботно
10 С пестрой отарой своей мирный овечий пастух.
Встарь мне жилось бы легко, не знал бы я копий грозящих
И, содрогаясь душой, звуков трубы не ловил.
Ныне влекут меня в бой, и, может быть, враг уже точит
Стрелы, чьи острия скоро мне сердце пронзят.
15 Лары отцов, охраняйте мне жизнь! Меня вы растили
В дни, когда нежным пленцом бегал у ваших я ног.
Да не смущает вас то, что из древнего ния родились вы:
Те же вы были в дому предков старинных моих.

Верность святей береглась, когда, радуясь бедному дару,
20 Бог деревянный, простой в скромной божнице стоял.
Добрый он делался вмиг, посвящал ли молящийся грозди
Иль из колосьев венки в волосы бога вплетал.
Тот, чьи желанья сбылись, приносил пироги в благодарность,
Девочка-дочка вослед чистые соты несла.
25 Лары, гоните же прочь наконецники медные копий,
Жертвою будет у нас сельских хлебов боровок;
В чистой одежде за ней я пойду, оплетенные миртом
Буду корзины нести, миртом обвив и чело.
Этим я вам ужогу; другой пусть оружием бряцает,
30 С помощью Марса в бою вражьих сражает вождей,
Чтоб за пирушкой моей вспоминал о подвигах воин
И на полночном столе лагерь вином рисовал.
Что за безумье — войной призывать к себе черную гибель!
Смерть уж и так нам грозит, крадется тихой стеной.
35 Нет в преисподней ни лоз, ни посева, — там бешеный Цербер,
Там по стигийским волпам лодочник страшный плывет;
Там возле черных болот блуждают бледные толпы —
Щеки истерзаны там, обожжены волоса.
Сколь же похвальнее тот, у кого безмятежная старость
40 В хижине малой гостит, внуков любимых растит!
Ходит он сам за отарой своей, а сын за ягненком;
Если ж устанет в трудах, воду согреет жена.
Быть бы таким! Да позволит судьба засиять сединою,
Вспомнить на старости лет были минувших времен!
45 Ныне же мир да питает поля! Ведь мир этот ясный
Первый на пашню быков в согнутых ярмах привел;
Мир возрастил нам лозу и припрятал сок виноградный
С тем, чтоб отцовский сосуд сына вином напоил;
Мир наступил, и блестят мотыга и плуг, а доспехи
50 Мрачные диких бойцов в темном ржавеют углу.

Сын деревень из роши везет, немного подвыпив,
В мирной телеге своей внуков, детей и жену.
Но загремит Венеры война — и поднимет бедняжка
Воиль о разбитых дверях, вырванной пряди волос,
55 Плачет в тоске о подбитой щеке; а сам победитель
Плачет над силой слепой диких своих кулаков.
Им плутоватый Амур подсыпает ругательства в ссору,
Сам же, на драку смотря, он равнодушно сидит.
Ах, не из камня ли тот и железа, кто может ударить
60 Женщину? Этим с небес он низвергает богов.
Право, довольно с него изодрать ее тонкие ткани,
Право, довольно покров на голове растрепать;
Хватит того, что слезы текут: четырежды счастлив
Ты, вызывающий плач женщины гневом одним!
65 Тот же, кто вечно готов руками буянить, пусть носит
Щит и дреколье: вдали быть от Венеры ему.
К нам снизойди, о мир всеблагой, и, вздымая свой колос,
Из осиянных одежд щедро плоды рассыпай!

I

- Стойте в молчанье кругом: освящаем поля мы и жатву,
 Чинный свершая обряд, древле завещанный нам.
 Вахх, снизойди, и с рожек твоих да склоняются грозди,
 Ты же, Церера, обвей вязью колосьев чело!
- 8 В день святой да почитет земля, да почитет оратай,
 Тягостный труд свой прервав, в угол повесит сошник.
 Освободите ярмо от ремней: под венками сегодня
 Пусть отдыхают волы, ясли да будут полны.
- 10 Ныне мы все отдаем божеству: ни единая пряжа
 Да не коснется рукой шерсти, ей данной в урок.
 Вы же останьтесь вдали, от жертвы прочь отойдите,
 Те, кому в прошлую ночь радость Венера дала;
 Чистое вышним богам угодно: в чистой одежде
 Шествуйте ныне к ручьям, черпайте чистой рукой.
- 15 Ныне к алтарным огням идет священный ягненок,
 В белых одеждах толпа, в свежих масляных венках.
 Боги отцов, святим мы поля, поселян освящаем;
 Дальше от наших границ вы отгоняйте беду.

Пусть же обманной травой не смеются над жатвою нивы,
80 Пусть не боится волков, стадо покинув, овца.
Чисто одетый тогда, в урожае уверенный пахарь
Будет в огонь очага смело поленья бросать:
Стая питомцев-рабов, достатка хозяйского признак,
Будет играть у костра, строить шалаш из ветвей.
35 Впредь да свершатся мольбы: ты видишь, как вещие знаки
В жертвенных недрах овцы милость пророчат богов?
Дайте бочонок теперь с окуренным старым фалерном,
С амфор хиосского вы сбейте густую смолу!
Славь этот день, вино! Не стыдно в праздник напиться,
80 Передвигать кое-как ноги, бредущие врозь.
Каждый за кубком своим да воскликнет: «Во здравье Мессалы!»
Нет его, но да звучит имя его на устах!
Как знаменит твой триумф над тьмами племен аквитанских,
О победительный вождь, слава косматых отцов!
85 С нами ты будь, меня вдохнови в то время, как песни
Нашим богам полевым благодаренья гремят.
Сёла пою и сельских богов, наставников наших:
Больше не станет никто желуды с голоду грызть;
Это впервые они научили складывать бревна,
40 Маленький дом покрывать кровлей зеленой листвы,
Это впервые они быков обучили работе
И под возок, говорят, круг колеса подвели.
Дикий исчез обиход, мы плодовые садим деревья,
Близ проведенной воды зазелели сады,
45 Там золотой виноград струей засверкал под пятою,
И с беззаботным вином трезвая влага слилась.
Жатву приносит земля, когда в жарком пыланье светила
Падает летом с полей золото светлых кудрей;
Соки весенних цветов пчела переносит в свой улей,
90 Сладким медом спеша соты наполнить скорей.

Пахарь, наскучив в полях постоянной работой, впервые
Свой деревенский напев в мерные стопы сложил,
И на сухом тростнике впервые песнь заиграл он,
Звонким созвучием слов слава венчаных богов.

55 Пахарь, о Вахх, лицо подкрасив суриком красным,
Первый повел хоровод, новым искусством пленен;
Дан был за это ему козел из богатого стада:
Праздника памятный дар средства умножил пеща.
Сельский мальчик заплел из цветов весенних впервые

60 И возложил венок ларам седым на голову;
Сельская посит овца на спине руно завитое,
Чтобы заботу всегда девушкам нежным давать.
Женский рождается труд, урок ежедневный, и быстро
Крутится веретено в пальцах умелой руки;

65 Пряжа поет, посвящая свой труд неустанный Минерве,
Туго натянутый край пряжи под гребнем звенит.
Сам Кунидон, говорят, родился средь стад и средь пастбищ,
Меж табунов кобылиц, не укрощенных никем;
Начал впервые он там из лука стрелять неискусно.

70 Горе мне! Как же метка резвая нынче рука!
И не в овец, как раньше, он бьет, но рад поразить он
Девушку или стрелой крепкого мужа пронзить:
Юношу он богатства лишит и старца заставит
Плакать позорно у ног гневной его госпожи;

75 Мимо ночных сторожей он девушку тайно проводит:
В сумерках к другу она тихо крадется одна,
Ищет пути неверной стопой, от страха колеблясь,
И, протянувши вперед руку, в потемках идет.
О, как безрадостны те, которых сей бог угнетает!

80 Как мы блаженны, когда ласково веет Амур!
Праздничный пир посети, о божественный! Стрелы сложи ты
И, умоляю, припрячь факел пылающий свой!

Славному богу хвалу возглашайте, к стадам призывайте,
Громко зовите к стадам, кличьте тихонько к себе.

85 Да и к себе призывайте тайком: толпы ликование,
Флейты фригийской звук все заглушают вокруг.
Смейтесь! Уж Ночь запрягает коней, и вокруг колесницы
Матери мчит свой полет звезд золотой хоровод;
С темными крыльями Сон шагает вослед молчаливо,
80 Черных видений толпа шаткой стоюю бредет.

II

Гений Рожденья идет к алтарям, возносите молитвы,
Юные жены, мужи — все воспевайте хвалу!
Ладан благой да горит, в очагах да горят фимиамы;
Их из богатых земель томный привозит араб.

⁵ Гений да свидет сюда, принимая дары поклоненья;
Кудри святые его нежный венчает венком.
Чистый народ пусть течет с чела благовонного бога,
Пусть он вкусит пирога, чистым напьется вином;
Он на моленья твои да кивнет, Корнут, благосклонно.

¹⁰ Ну же! Чего ж ты молчишь? Гений кивает: проси!
Просьбу твою предскажу: ты просишь верной супруги!
О, я уверен, богам это известно давно.
Ты не попросишь себе земель безграничного мира,
Где молодой земледел пашет могучим волом,

¹⁵ Ты не попросишь себе блаженной Индии перлов,
Сколько бы их ни несли волны Восточных морей.
Так да свершится! Пускай летит на трепещущих крыльях
И золотые несет брачные цепи Амур,—

Кренки да будут они до тех пор, пока вялая старость
20 Не накидает морщина, волосы посеребрив,
Гений Рождения пусть приходит и к дедам и внукам,
Пусть у колен старика юная стая шалит.

III

Милой моею, Коряут, завладели деревня и хутор:
Право, железные те, кто из столиц — ни на шаг!
Ныне Венера сама поселилась на нивах широких,
И деревенским словам учится в поле Амур.
5 Только бы видеть мою госпожу! С какой бы я силой
Жирные глыбы земли крепкой мотыгой взрывал.
Я, будто пахарь простой, управлял бы выгнутым плугом,
Идя за парой волов, пашню рыхля под посев.
Я бы не стал ни на солнце пенять, мне жгущее тело,
10 Ни на волдырь водяной на непривычных руках.
Пас ведь и сам Аполлон-красавец тельцов у Адмета,
Но не пошли ему впрок струны и кудри его,
Соком целительных трав томления не залечил он:
Все врачеванья его преодолела любовь.
15 Бог тот сам из хлебов выгонял коров ежедневно.
<На водопой их водил, сам и коров он доил.>
Смешивать нас научил с парным молоком он закваску,
Чтобы, смешавшись, могла млечная влага густеть.
Были корзины тогда сплетены из гибких тростинки,
20 В редкие дыры ее сыворотка потекла.

О, сколько раз, говорят, когда нес на плечах он теленка,
Встретившись с братом в полях, рдела родная сестра!
О, сколько раз в то время, как пел он в глубокой долине,
Ревом глушили быки стройные песни его!

25 Часто в тревоге вожди к оракулу шли за советом
И без ответа толпой шли от святилищ домой;
Часто Латону смущал священных волос беспорядок, —
Тех, что пленяли не раз даже и мачехи взор:
Простоволосого видя его, без всякой прически,
30 Горько стал бы жалеть всякий о Феба кудрях.
«Где же твой Делос, о Феб, где теперь Дельфийская Пифо?
Видно, неволит любовь в маленькой хижине жить!»
Как были счастливы все, когда без стыда и открыто
Можно и вечным богам было Венере служить!

35 Ныне же басней он стал; но кто дорожит своей милой,
Басней тот быть предпочтет, чем божеством без любви.
Ты же, над кем Купидон командует, брови нахмутив,
Кто бы ты ни был, свой стан в хижине нашей раскинь.
В веке железном хвалы не Венере гремят, а наживе:
40 Смертных нажива влечет к бездне печали и зла.
Эта нажива несла доспехи бойцам одичалым,
С ней и убийство пришло, с нею — кровавая смерть.
Эта нажива искать велела опасностей в море,
Острый клюв боевой шатким дала кораблям.

45 Хищник желаньем горит захватить безграничные земли,
Тысячи югеров дать овцам бесчисленных стад;
Мрамор его зарубежный прельстит — и при шуме народном
В город колонну влачат многие сотни быков;
Неукротимых морей валы запирает он молотом,
50 Рыбе ленивой за ним бури зимы не страшны.
Но на пирушках моих с простою самосской посудой,
Даром куманских колес, глина да радует взор!

Горе мне, горе! Теперь богатство тешит красавиц:

Пусть же нажива царит — ищет Венера ее;

55 Пусть Немесида моя безумною роскошью блещет

И удивляет весь Рим щедрым подарком моим,

Негой прозрачных одежд, что сотканы женщиной Коса,

Расположившей на них вязь паутин золотых;

Пусть перед нею идут рабы темнокожие — инды,

60 С телом, сожженным огнем солнечных близких коней;

Пусть доставляют всегда ей отборные яркие краски:

Африка — красный багрец, Тир же — свой пурпурный сок.

Ведомо всем и без слов: царит у нас варвар недавний,

Кто на помосте стоял с белой от мела ногой.

65 Ты, о Церера, влечешь мою Немесиду из Рима!

Пусть же семян не вернет жесткая нива твоя!

Также и ласковый Вакх, насадивший отрадные лозы,

Также и ты, о Вакх, бочки проклятые кинь!

Ах, как преступно скрывать красавиц в печальной деревне:

70 Стоит ли этой цены сок твоих гроздий, отец?

Лучше да сгинут плоды, лишь бы девы в глуши не томились!

Желуди рады мы грызть, воду, как прадеды, пить:

Прадедов желудь питал, но любить они всюду умели,—

Был ли какой им изъян без борозды и семян?

75 Тем, кому улыбался Амур, открыто Венера

Радость дарила свою, в долах под сенью листвы

Не было ни сторожей, ни дверей — преграды влюбленным.

Если возможно, молю,— древний обычай, вернись!

. . . . .

80 В холод скрывали тела шкурой косматых одежд.

Если ж она заперлась и возможности нет для свиданий,

Горе бедняге: тогда тоги не впрок ширина!

Что ж, уводите меня! Для владычицы вспашем мы поле:

Рабских цепей и плетей я не отвергну теперь.

IV

Вижу я, быть мне рабом: госпожа для меня отыскалась;

Ныне навеки прощай, древняя воля отцов!

Рабство печально мое, и цепи меня удручают;

Но горемычному впредь путь не ослабит Амур.

5 Так, невиновен ли я или в чем прегрешил, — он сжигает,

О, я горю! Отстрани, дева, свой жгучий огонь!

Чтобы не знать никогда таких жестоких страданий,

Камнем хотел бы я быть оледенелых вершин

Или в безумии бурь стоять нерушимым утесом

10 В море, где хлещет волна, утлым грозя челнокам.

Горек отныне мне день, а ночи тень — еще горше,

Каждый час у меня мрачною желчью залит.

Ах, ни певец Аполлон, ни элегии мне не помогут:

Тянет за деньгами вновь жадную руку она.

15 Музы, ступайте вы прочь, если нет от вас пользы влюбленным:

Чтил ведь я вас не затем, чтобы войну прославлять,

Не воспевал я ни солнца путей, ни того, как сияет,

Круг свой закончив, Луна, вспять возвращая коней.

Нет, я стихами иду к госпоже моей легкой дороги:
20 Музы, ступайте вы прочь, если бессильны стихи!
Ах, дары добывать я должен грехом и убийством,
Чтобы в слезах не лежать возле закрытых дверей!
Иль воровать из храмов святых богов украшенья.
Только Венеру тогда раньше других оскорблю:
25 Учит злодействам она, госпожой моей хищницу сделал.
Пусть святотатственных рук дело узнает теперь!
Сгиньте же все, кто себе изумруды зеленые копит,
Кто белоснежную шерсть красит в тирийский багрец!
Все это вводит в соблазн, и блестящий из Красного моря
30 Жемчуг, и косская ткань жадных красавиц влекут.
Так зародилось зло — и ключ на дверях появился,
И устрашающий пес сторожем лег на порог.
Но потряси хорошенько мощной — и сломлена стража,
И отворяется дверь, да и собака молчит.
85 Если же альной, увы, красоту еще дал небожитель,—
Вот уж прибавил добра к полному скопищу зол!
Тут уж и плач и ссоры звучат, и это причиной
Стало тому, что Амур богом бесчестным прослыл.
Ты же, гонящая прочь друзей, превзойденных богатством,—
40 Ветер пускай и огонь прахом развеют твой скарб!
Пусть на твой лютый порог со смехом юноши смотрят,
Не подавая воды, чтобы огонь погасить;
Если придет к тебе смерть, пусть никто над тобой не заплачет
И не украсит ничем мрачных твоих похорон.
45 Та, что была нежадна и добра, хоть живи она до ста,
Слезы исторгнет у всех перед последним костром:
Смотришь, иной старичок, из почтенья к любви догоревшей,
Ей ежегодно венки будет на гроб приносить
И, уходя, говорить: «Покойся тихо и мирно,
50 И беспечальным костям пухом да будет земля!»

Правда все то, что пою; но есть ли мне польза от правды?

Должно Амуру служить так, как велит госпожа.

Если бы предков гнездо продать она мне приказала,—

Лары, прощайте! Теперь всё распродам я с торгов!

55 Сколько б отрав ни лила Цирцея и ядов — Медея,

Сколько бы трав ни росло на фессалийской земле,

Сок, что струится из чресл кобылицы, горящей желаньем,

Там, где Венера томит похотью дикий табуи,—

Сотни дурманов иных смешай, о моя Немесида,—

Все за один только взгляд ласковый выпью до дна!

V

Смилуйся, Феб, над новым жрецом, в твой храм приходящим:

Будь здесь с кифарой своей, с песней сюда снизойди.

Ныне созвучных ладов коснись перстами, молю я,

Ныне в хвалы обрати ты песнопенья мои.

О, снизойди, возложив на главу триумфальные лавры,

5 К жертвам твоих алтарей, к древним святыням твоим.

Пышный, блестящий приди: надень нарядное платье,

Длинные кудри свои на голове расчеши.

Будь таким же, как был, когда ты, по изгнание Сатурна,

10 Гимны Юпитеру пел, славил победу его.

Ты прозреваешь в веках, и жрец, тобой вдохновенный,

Знает, какую судьбу вещие птицы сулят;

Жребий подвластен тебе, и тобою научен гадатель

Темные знаки богов в жертвенных недрах читать;

15 И, вдохновенный тобой, не обманет гексаметр сивиллы

Римских мужей никогда, им предрекая судьбу.

Феб, Мессалину дозволь коснуться пророческих хартий

И песнопенья, молю, жирицы твоей вдохнови.

Жребий она Энею дала, когда, по преданью,
20 Спас он отца своего, ларов, спасая, унес.
Не помышляя он о Риме еще, взирая печально
На роковой Илион и на горящих богов.
Ромул еще не сложил те стены вечного града,
Где поселиться не смог вместе с ним брат его Рем.
25 На Палатине паслись, заросшем травой, коровы,
И покрывали ряды хижин Юпитеров холм,
Пан, окроплен молоком, стоял там под каменным дубом,
Палес из древа была грубым пожом создана,
Там кочевой пастух, на ветвях свой дар помещая,
30 Богу лесному в обет звонкую вешал свирель.
Этой свирели лады из тростинок составлены разных,
Воском спаян их ряд — от головной до меньшей.
Там же, где ныне лежит равнина Велабра, бывало
Лодочка малая шла по неглубокой воде;
35 Эта дорога несла в угоду хозяину стада,
Юпоше с толстой сумой — девушку в праздничный день,
И возвращались с ней дары изобильной деревни —
Сыр и барашек молодой от белоспешной овцы.
«Неутомимый Эней, Амура крылатого братец!
40 Ты, что на беглых челнах Трои святыни везешь,
Вот уж Юпитер тебе указывает лаврентские земли,
Ларов-скитальцев зовет гостеприимный приют.
Там небеса обретешь, когда Нумиция волны,
Как Индигета, тебя к соиму богов вознесут.
45 Вот уж Победа летит над кормой кораблей утомленных,
Слышат троицы твои гордой богини привет.
Вот уж пожаром блестит пылающий лагерь рутулов:
Я предрекаю, о Турн, близкую гибель твою!
Лагерь Лаврента я зрю, предо мною Лавиния стены,
50 Долгую Альбу — оплот вижу Аскания я,

Или я, вижу тебя, о жрица, любезная Марсу,
Вижу, как бросила ты Весты святой алтари,
Тайный брак завершен, упали девичьи повязки,
Страстного бога доспех на побережье забыт.

55 Траву щипите, быки, пока можно, на всем семигорье,
Скоро на этих лугах мощный воздвигнется град.
Рим, для подвластных земель роковым твое имя пребудет
Там, где на нивы свои с неба Церера глядит,
Там, где рождается день, и там, где река Океана

60 Моет вечерней волной Солнца усталых коней.
Троя тогда на себя подивится и скажет, что славно
Долгий ваш путь завершен в доброй заботе о ней.
Столь же верна моя речь, как безвредны мне яства из лавра,
Как нерушима вовек девственность плоти моей».

65 Так прорицала, о Феб, вещунья, тебя призывая,
И потрясала главой, тучей взвивая власы.

. . . . .
. . . . .

Все Амальфси слова, и песнь Герофилы Марнесской,
Предупреждения все мудрой гречанки Фито.

Также оракул святой, что по водам реки Аниена
70 Встарь тибуртянка несла, не замочив, на груди

. . . . .
. . . . .

Знаменья злые войны, комету они предсказали,
С ней предвещали земле яростный каменный дождь;
Молвят, гремела труба, и оружие бряцало на небе,
И прорицали леса бегства ужасную весть;

75 Землю окутал туман, даже самое Солнце затмилось
И в колесницу весь год бледных впрягало коней;
Изображенья богов проливали горячие слезы,
И, предвещая беду, заговорили быки.

80 Все это было давно; а теперь, Аполлон милосердный,
Знаменья злые сокрой бурного моря волной.
Пусть на священном огне затрещат лавровые ветви,
Вестью благою суля радостный год и святой.
Если же лавр благовестье подаст, ликуйте, селяне:
Житницы ваши набьет спелым Церера зерном,
85 Будет топтать виноград крестьянин, измазанный суслом,
Доверху все он нальет бочки и чаны свои,
Вакхом омытый пастух прославит свой праздник — Палилий
Сельских: уйдите теперь, волки, подальше от стад!
Выпивши, он подожжет священные кучи соломы,
90 Сложенной по старине, прыгать сквозь пламя начнет:
Деток жена народит, и малый сынок поцелует
Будет срывать у отца, за уши крепко схватив;
Деду не надоест сторожить молодого внучонка,
Не надоест старику с ним по-ребячьи болтать.
95 Богу воздавши дары, молодежь на траве примостится,
Там, где старинных дерев падает зыбкая тень,
Иль из одёжи кругом навесы раскинет с венками
И водрузит пред собой кубок увенчанный свой;
Каждый, праздничный пир себе приготовив, поставит
100 Дерном обложенный стол, ложе из дерна собьет.
Юноша там, захмелев, браниться с милою будет,
После же будет просить ругань свою позабыть.
С милой подругой жесток, — отрезвившись, он горько заплачет,
Пылко начнет уверять, будто свихнулся с ума.
105 Пусть же и стрелы и лук, о Феб, с твоего дозволенья
Сгинут, да будет у нас впредь безоружен Амур!
Славно искусство стрельбы, но едва Купидон за оружие
Взялся, — и многим, увы, зло причинила стрельба.
Да, и особенно мне! Израненный, год уж лежу я,
110 Сам раздуваю болезнь, — муки отрада мая.

Всё Немесиду пою, без которой стих мой не в силах
Слов подходящих найти и соразмерить стопу.
Ты же, красавица, знай: охраняют боги портов!
И потому пощади, помни святого певца,
115 Чтобы прославить я мог Мессалина, когда понесет оп
Пред колесницей своей взятые им города,
Лавр на чело возложив; и, лавром диким увенчан,
Примется воин греметь кликами: «Славься, триумф!»
Мой же Мессала толпу поразит тогда зрелищем дивным:
120 Шествие сына почтит рукоплесканьем отец.
Благослови меня, Феб! Да вьются всегда твои кудри
И да пребудет вовек чистою девою сестра!

VI

В лагерь собирается Макр. Что станется с нежным Амуром?
Пустьится ль храбро вослед, на спину вскинув колчан?
И повлекут ли бойца дороги земли или море,
Бурное, станет ли бог оруженосцем его?
5 Жги же ты, мальчик, того, кто забыл о досуге любовном
И под знамена свои вновь призови беглеца.
Если ж бойцов ты щадишь, то вот тебе еще новый:
В легком он шлеме себе сам будет воду носить.
В лагерь я мчусь,— Венера, прощай, прощайте, красотки!
10 Силы кипят и во мне, трубы гремят и для нас.
Громки слова; но хотя и хвастаюсь я громогласно,
Живо замкнутая дверь храбрые речи уймет.
Клялся не раз я порог этой двери навеки покинуть,
Но возвращали меня ноги упорно к нему.
15 Если б, жестокий Амур, мне увидеть твой факел угасшим,
О, если б стрелы твои грудой обломков легли!
Сводишь меня ты с ума, меня накликать заставляешь
Злую беду на себя, учишь кощунству язык.

Смертью пресек бы я зло, но жизнь мою греет Надежда
20 И постоянно сулит счастье на завтрашний день.
Пахарь Надеждой живет, Надежда пашне вверяет
Зерна затем, чтоб земля их возвратила стократ;
Птицу в ловушку она, а рыбу на удочку манит,
Скрывши приманкой своей тонкое жало крючка;
25 Только Надежда целит невольника в крепких оковах:
Ноги железом гремят,— он за работой поет;
Только Надежда сулит склонить Немесиду, но тщетно:
Горе! С богиней самой споришь, жестокая, ты!
Сжался! Молю я твоей сестры безвременным прахом:
30 Пусть эта крошка лежит мирно под легкой землей.
Ей, как святыне, молюсь, на ее гробницу подарки
Буду носить и венки, их окропивши слезой.
К ней на могилу приду; умоляя, там буду сидеть я
И перед пеплом немым тихо роптать на судьбу.
35 Вечных просителя слез, тобой порожденных, не стерпит:
Словом ее запрещу быть равнодушной ко мне;
Злых да не шлют тебе снов ее оскорбленные маны,
Да не предстанет она ночью пред ложем твоим
В горестном образе том, в каком, с окна соскользнувши,
40 Окровавлённой сошла в область подземных болот...
Полно! Не стану будить, о владычица, свежей печали:
Стою ли я хоть одной горькой слезинки твоей?
Да и тебе ли слезой омрачать говорящие очи:
Милая, ты ведь добра,— злобная сводня вредна.
45 Сводня губит меня: записочки тайные Фрина
Носит тихонько тебе, бегаёт взад и вперед;
Часто, когда узнаю за порогом безжалостным голос
Милой моей,— говорит, будто нет дома ее;
Часто, хоть ночь и обещана мне, уверлет старуха,
50 Будто устала она или боится угроз.

Мучусь в заботах тогда и в догадках рассудок теряю:

Кто госпожой овладел, как овладел госпожой?

Сводня проклятая, сгинь! Коль до слуха богов из проклятий

Хоть половина дойдет, плохо придется тебе!

ЭЛЕГИИ ЛНГДАМА

I

Марта календы пришли, и римлянин праздник встречает
 (Прадед его в старину днем этим год начинал);

Всюду сегодня летят вереницею пышной подарки,
 Сыплются по площадям и по нарядным домам.

⁵ Почесть какую воздать, Пиериды, прекрасной Неэре,—
 Нашей, не нашей — как знать? — все же любимой вовек?

Нежных красавиц на песнь, а жадных на золото ловят:
 Что ж! Коль достойна стихов — пусть веселится стихам.

Желтым пергаментом я оберну белоснежную книжку,

¹⁰ С кожи очистив сперва пемзою пенельный пух;

Сверху на тонком листе папируса сделаю надпись,

Чтобы те буквы векам имя вещали твое,

А на обоих концах раскрашу рога я у палки:

Следует именно так песни любви подносить.

¹⁵ Вы же, о музы, творцы стихов моих,— я умоляю

Тенью кастальскою вас и пиерийской струей,—

Мчитесь к любимой моей и вручите изящную книжку:

Да не поблекнет ничто в радостных красках ее.

- Дева ответит тогда, любим ли я равною страстью,
20 Или слабей, чем люблю, или совсем позабыт.
Прежде всего воздайте ей честь сердечным приветом
И передайте затем тихо такие слова:
«Некогда муж, а теперь только брат недоступной Неэры
Молит тебя этот дар малый принять от него
25 И уверяет, что ты останешься жизни дороже,
Будешь ли нежной женой или далекой сестрой».
Лучше будь мне женой: унесет надежду на это
Лишь после смерти моей в Дитовом царстве река».

II

- С сердцем железным был тот, кто у девушки отнял впервые
Юношу иль у него силой любимую взял.
Был бессердечен и тот, кого тоска не сломила,
Кто в состоянье был жить даже в разлуке с женой.
- 5 Тут уже твердости мне не хватит, тупое терпенье
Мне не по силам: тоска крепкие рушит сердца.
Не постыжусь я правду сказать и смело сознаюсь
В том, что полна моя жизнь множеством горьких обид.
Что же! Когда наконец я тенью прозрачною стану,
- 10 Черная скроет зола бледные кости мои,
Пусть и Неэра придет, распустив свои длинные кудри,
Пусть над костром роковым в горести плачет она.
С матерью милой она пусть придет — со спутницей в скорби:
Зятя оплачет она, мужа оплачет жена.
- 15 Манам моим мольбу вознеся и душе помолившись,
Благочестиво затем руки водою омыв,
Все, что от плоти моей останется,— белые кости —
Вместе они соберут, черные платья надев.

А подобравши, сперва оросят многолетним Лизем
20 И белоснежным потом их окропят молоком;
Влажные кости они полотняным покровом осушат
И, осушив, наконец сложат во мраморный склеп.
Будут пролиты там товары богатой Панхеи,
Все, что Ассирия даст и аравийский Восток;
25 Слезы прольются тогда, посвященные памяти нашей:
Так бы хотел опочить я, обратившись во прах.
Надпись лускай огласит причину печальной кончины,
Пусть на гробнице моей каждый прохожий прочтет:
«Здесь почит Лигдам: тоска и скорьбь о Неэре,
30 Злая разлука с женой гибель ему принесли».

III

Много ли проку, что я, отягчая обетами небо,

Часто мольбы вознося, ладан обильный куря,

Вовсе прошу не о том, чтоб из мраморных пышных чертогов
Дома, известного всем, мне выходить по утрам,

⁵ Чтобы побольше волю мне югеров перепахали

И всеблагая земля пышный дала урожай,

Но лишь о том, чтоб с Неэрой делить все радости жизни,

Чтобы на лоне ее старость угасла моя

В час, когда наконец, распростившись с прожитыми днями,

¹⁰ Я без одежды земной сяду в летейский челнок?

Разве поможет тогда мне золота грузная тяжесть

Или могучая новь, взрытая сотней волов?

Разве поможет дворец, что стоит на фригийских колоннах,—

Хоть на твоих, о Тенар, хоть на твоих, о Карист,

¹⁵ Или сады во дворцах, подобные рощам священным,

Иль потолок золотой, или же мраморный пол?

Жемчуг ли радость мне даст, с берегов эритрейских добытый,

Шерсть ли, чей пламенный цвет—пурпур сидонских пучин,—

Все, что пленяет толпу? Но блага эти рождают
20   Зависть: многое, верь, любит бессмысленно чернь.
Нет, не богатство целит и заботы и души людские:
      Ибо Фортуна в веках прихотью правит своей.
Пусть даже бедность с тобой мне будет отрадна, Неэра,
      А без тебя не хочу царской казною владеть.
25 О, белоснежный рассвет, который тебя возвратит мне!
      О, мой счастливейший день! Он мне четырежды мил.
Если же просьбам любви о сладком твоём возвращенье
      С неблагоприятной душой внемлет неласковый бог,
Мне не поможет ни власть, ни Лидии брег златоносный,
30   Ни драгоценности все на беспредельной земле.
Пусть их желает другой, а мне да позволено будет
      В бедности весело жить с милой моею женой.
Так снизойди же, склонись, Сатурния, к робким молениям.
      В створке жемчужной плыви ты, о Киприда, ко мне!
35 Если ж ее не вернут судьба и суровые сестры,
      Вечно ведущие нить, ткущие будущий день,—
К черным болотам меня и к рекам Дита упылым
      Бледный пусть Орк призовет, вялых владыка пучин.

IV

Лучшего жду от богов! Да не сбудутся те сновиденья,
Что во вчерашнюю ночь мой отравляли покой!
Прочь вы, лживые сны, сокройтесь вы, мнимые лики,
Бросьте доверья к себе в разуме нашем искать.

⁵ Боги правду гласят, и гласят, по слову этрусков,
Нам о грядущей судьбе недра разъятые жертв;
Сны безрассудной толпой играют в обманчивом мраке,
Ложью внушая своей ужас трусливой душе.

Смертных же суетный род ублажить видения ночи
¹⁰ Полбой святою спешит, солью трескучей смирить.
Всё же, хотят ли внимать наставлениям истины люди
Нль доверяют они лживым обманчивым снам,
Да обезвредит теперь ночные тревоги Люцина,
В призрак пускай обратит мой незаслуженный страх,

¹⁵ Ибо совесть моя чиста от позорных поступков,
Да и богов не хулил благочестивый язык.
Но, хоть по своду небес промчалась на черной квадриге
Ночь и в лазурной реке оси омыла колес,

Не усыпил меня бог, исцеляющий душу большую:
80 Сон не подходит к домам, где обитает печаль,
Только когда восходил лучезарный Феб на востоке,
Очи усталые мне поздний овеял покой.
Юноша светлый, обвив чело целомудренным лавром,
Вижу, в жилище мое тихой стопою вошел;
85 Лица прекрасней его даже древние дни не видали,
И человеческий дом гостя такого не знал.
Пышные кудри лились на стройную шею, струились
Капли сирийской росы с благоуханных волос.
Весь он силл, как Луна, дитя Латоны, сияет,
80 И розовело слегка снежное тело его.
Так у невесты, впервой приведенной к мужу младому,
Красит румянец живой нежных ланит белизну;
Так горит амарант, средь белых лилий вплетенный,
Светлого яблока так осенью пурпур горит.
85 Шел он, и вокруг его ног струилась длинная палла,
И покрывала она светлое тело его.
Редкой работы была из золота и черепахи
Лира, которую он левой рукою держал.
Сразу, представ предо мной, он плектром из кости слоновой
40 Струн коснувшись, запел звонко отрадную песнь.
Но, прекративши затем переключку напева и пальцев,
Сладостным голосом речь молвил печальную он:
«Здравствуй, любимец богов: к доподлинно чистым поэтам
Вакх, Пиериды и Феб милости вечной полны.
45 Но ни Вакх, что Семелой рожден, ни искусные сестры
Не в состоянии знать тайну грядущих часов.
Мне же дозволил отец открывать веления рока:
Видят далеко в веках зоркие очи мои.
Сих прорицаний слова принимай за чистую правду,
60 Ибо у Кинфия, знай, истина льется из уст.

Та, что тебе дорога и дороже, чем матери дочка,
Чем молодая жена страстному мужу ее,
Ради кого ты мольбой властителей неба тревожишь,
Та, что мешает тебе дни без тревог проводить
55 И, когда сон своим темным плащом тебя покрывает,
Мучит напрасно толпой лживых видений почных,
Та, кого песни твои за красу прославляют,— Пеэра
Предпочитает себе мужа другого пайти;
Душу преступную ей томят иные мечтанья:
60 Твой добродетельный дом скучен Неэре твоей.
О, безжалостный род, вероломное женское племя!
О, пусть неверной жене гибель измена песет!
Все же смягчится она: изменчиво женское сердце;
Только со страстной мольбой руки ты к ней простирай.
65 Грозный Амур научил презирать и труды и лишения,
Грозный Амур приучил стойко побои сносить.
Некогда сам я пас Адмета белое стадо.
И не для шутки пустой сложен об этом рассказ:
Помню, не стало уж сил мне тешиться звонкой кифарой,
70 Струнам певучим я в лад голосом вторить не мог,
Но без конца в эти дни играл на пастушеской лудке,
Я — Юпитера сын, гордой Латоны дитя.
Нет, ты не знаешь любви, о юноша, если не можешь
Злую терпеть госпожу, брачные цени носить;
75 Так не смущайся же впредь обращаться к жалобам нежным:
Сердце жестокое ты слезной мольбою смягчишь.
Если же в храмах святых оракулы правду вещают,
То от лица моего вот что ты ей предскажи:
«В этом супружестве, знай, тебе посылает сам Делий
80 Счастье: пора перестать мужа иного искать».
Молвил — и сон отлетел, и всей грудью глубоко вздохнул я.
О, если б мне не видать столько печали и зла!

Мог ли я думать, что ты взаимные клятвы нарушишь
Иль что проступок такой в сердце гнездится твоим:
85 Ведь не пучины тебя пустынного моря родили,
И не Химера, чья пасть мечет жестокий огонь,
И не собака из бездн, с обвитой гадами шеей,
С грозной тройной головой, с жалами трех языков,
Ведь не Скиллой, чей стан оплетен свирепыми псами,
90 Или не хищною ты львицей была зачата;
Ты не на Скифской земле родилась, не на Сирте коварном,
Но в утонченном дому, где не злодеи живут,—
Мать, превзошедшая всех добротою своей несказанной,
Мягкосердечный отец, с кем не сравнится другой.
95 Пусть эти страшные сны мне бог ко благу направит,
Теплым дыханием Нот их без следа разнесет!

V

Вас полонили, друзья, ключевые этрусские воды,
Воды, к которым пути в знойные дни не ищи;
В дни же, когда земля весенним пурпуром блещет,
Байским священным струям не уступают они.
5 Мне ж Персефона, увы, недобрый час предвещает;
Сжался, богиня, молю,— юность невинна моя!
Доброй Богини святых радений, мужам недоступных,
Я не пытался открыть, дерзким желаньем смущен,
Не наливала рука в стакан смертоносных напитков,
10 Я роковых порошков не подсыпал никому;
Не поджигал по ночам святотатственным пламенем храма,
Не волновал никогда сердце преступной мечтой
Или, в безумной душе замышляя злодейскую распря,
Бреда кошунственных слов не возносил на богов.
15 Не осквернила еще седина мои черные кудри,
И не подкралась ко мне старость походкой хромой.
День рождения мой впервые увидел родитель
В год, как обоих сразил консулов день роковой.

Много ли пользы — срывать с лозы незрелые грозди,
20 Злою рукою ломать первую завязь плодов?
О, пощадите меня, властители заводов бледных,
Боги, которым вручен третьего царства престол!
Пусть Елисейские мне поля увидеть придется,
Встретить на Лете челнок и Киммерии пруды,
25 Только когда испещрит мне лицо морщинами старость
И о былых временах сказывать внукам начну.
Если б томительный жар меня лишь нугал понапрасну!
Три пятидневья уже тело страдает мое.
Вы же этрусских ключей божества прославляете ныне,
30 Неторопливой рукою плещетесь в тихой воде.
Счастливы будьте и нас в блаженстве своем не забудьте,
Буду ли жив я еще или уже час мой настал.
Диту во здравье мое чернорунных овец посвящайте,
В чашах несите вино, с белым смешав молоком.

VI

Либер пресветлый, приди (да будут с тобою вовеки
Лозы таинств твоих, плющ да венчает чело),
Прочь унеси мою скорбь, исцелив ее чашей своею:
Часто подарки твои в нас побеждают любовь.

⁵ Милый мой мальчик, стакан благородным да полнится Вакхом,
Щедрой рукою для нас струи фалернского лей!

Тяжких трудов и забот сокройся, проклятое племя,
Делий да блещет средь нас нежными крыльями птиц!

Вы ж, дорогие друзья, предложенный лад соблюдайте:

¹⁰ Буду я вашим вождем, будь мне соратником, гость,
Если же винную брань тихоня какой-нибудь бросит,
Пусть обморочит его милая дева тайком.

Бог этот полнит нам дух, необузданных он укрощает,
Деве-владычице их в полную власть отдает,

¹⁵ Он и армянских тигриц и львиц темно-желтых смиряет,
Неукротимым зверям нежность вливает в сердца.

В этом силен и Амур. Но у Вакха просите подарков:
Полюзу кому же из вас кубок сухой принесет?

- Милостив Либер идет и вовсе суров не бывает
20 С теми, кто радостно читит бога и влагу его.
Сходит он гневен лишь к тем, которые слишком угрюмы:
Тот, кто боится сердить гневного бога,— да пьет!
Как он ужасен порой и каким он грозит наказаньем,
Учит кадмейская мать страшной добычей своей.
- 25 Но да умчится от нас далеко этот страх, а иная
Да испытает, как зол в гневѣ обиженный бог...
Глупый, чего я прошу? Безрассудные эти желанья
Тучи воздушные, вихрь да разнесут над землей!
Хоть не осталось любви ко мне в твоѣм сердце, Неэра,
- 30 Счастлива будь, и светлы судьбы да будут твои.
Мы же сегодня досуг отдадим беззаботному пиру:
После бесчисленных бед выдался радостный день.
Горе мне! Трудно теперь притворяться беспечно-веселым,
Трудно шутить за столом, если на сердце печаль,
- 35 Горько губы мои улыбкой притворной кривятся,
Горько у хмурых людей пьяные речи звучат.
Жалкий, о чем я молю? Да сокроются злые заботы:
Скорбные, отче Леней, ты ненавидишь слова...
Плакала некогда ты над обманом Тезея, критянка,
- 40 Брошена им и одна средь незнакомых морей.
Дочка Миноса, была ты воспета ученым Катуллом,
Мужа преступного он неблагодарность явил.
Вам же я ныне скажу: блажен, кто из горя чужого
Опыт полезный извлек, как своего избежать.
- 45 Пусть же вас в плен не возьмут вокруг шеи обвитые руки,
Пусть вас лукавой мольбой лживый язык не смутит.
Если же лгунья тебе поклянется глазами своими,
Даже Юноной своей или Венерой своей,
Ты ей нимало не верь: смеется над клятвой влюбленных
- 50 Мудрый Юпитер, велит ветру развеять ее.

Так для чего ж без конца я на хитрые девичьи речи
Жалуюсь? Прочь от меня, скука серьезных речей!
Как бы хотел я с тобой покоиться долгою ночью,
Только с тобою одной долгие дни проводить,
55 О вероломный мой друг, о достойного враг недостойный,
О вероломный мой враг,— все же любимый вовек!
Вакх обожает наяд: что медлишь, ленивый прислужник?
Хмель многолетний вина Марция влагой разбавь!
60 Если от пира сбежит красавица вздорная эта,
Жадным желаньем горя новое ложе познать,
Целую ночь напролет не буду вздыхать я, горюя.
Ну же, мой мальчик, скорей крепкого в чашу мне лей!
Мне уж давно надлежит, обрызгав нардом сирийским
65 Голову, на волоса свежий венок возложить.

І. ПАНЕГИРИК МЕССАЛЕ

Неизвестного автора

- Буду тебя, Мессала, я петь; и хотя твою доблесть
 Зная, страшится мой дух, что ему не под силу те песни,
 Все же начну. Если стих мой сравнить с твоею заслугой,
 Будет он хил: я — жалкий певец для столь славных деяний;
- ⁶ Кроме тебя, ни один не вплетет твои подвиги в свиток
 Так, чтоб величию их и слог отвечал величавый.
 Ценно лишь рвенье мое, но ты малых даров не отвергнешь:
 Даже и Фебу принес угодный подарок критянин,
 Вакха хозяин Икар ублажил, о чем с небосвода
- ¹⁰ Ясно гласят письма созвездий, сияющих вечно,—
 Огнь Эригоны и Пса,— чтобы слава о нем не угасла;
 Да и Алкид, этот будущий бог на высотах Олимпа,
 Сам удостоил вступить охотно в жилище Молорха:
 Соли крупинка богам бывала угодна, и в жертву
- ¹⁸ Им далеко не всегда приносят быков златорогих.
 Так же и скромный мой труд да будет угоден, чтоб мог я,
 Помня дельня твои, стихи сочинять за стихами.

Пусть воспевает другой сотворение дивной вселенной,
То, как осела земля в необъятность воздушной пучины,
20 То, как, разлившись кругом, вода опоясала землю,
Как устремляются вверх повсюду кочующий воздух
И огненный эфир, всегда неразрывно с ним слитый,
Как, распростертым вверху, заключается все небосводом.
Я же, насколько мои отважиться смогут Камены,
25 Гимн, тебе равный, создам, иль больший (на то не надеюсь),
Или же меньший (увы, конечно, меньший создам я), —
И посвящу тебе песнь, да украсит та песня мой свиток.
Хоть пребывает с тобой вся гордость древнего рода,
Мало для славы твоей молвы многошумной о предках,
30 Под изваяньями их ты перечня дел не читаешь,
Жаждешь ты сам превзойти старинные почести рода:
Предок украсил тебя, а ты еще больше — потомков;
Только деянья твои вместит не под именем подпись,
Но вековых стихов большие и многие свитки,
35 И отовсюду придут, желая воздать славословья,
Связанных метров творцы и слагатели прозы свободной.
Вспыхнет о первенстве спор — пусть я победителем выйду,
Чтоб свое имя вписать в скрижали великих деяний.
Ибо кто славен, как ты, на войне или в мирное время?
40 С той и с другой стороны похвалы справедливые равно
Тянут, подобно тому, как весы с одинаковым грузом
Чашу не клонят одну и другую вверх не поднимают, —
Те же весы, что дрожат и колеблют зыбкие чаши,
Если на каждой из них покоятся разные гири.
45 Ибо, бушует ли вокруг толпы разногласной смятенье,
Кто ее лучше смирит? Судья ли свой гнев изливает,
Милость внушая ему, — ты можешь его успокоить.
Нет, не прославились так ни Пйλος, ни остров Итака
Нестором или свой град возвеличившим малый Улиссом,
50 Хоть оный славный старик и прожил три долгие века,

Кои Титан пробегал по кругу времен плодоносных,
Хоть дерзновенный Улисс и блуждал по неведомым странам,
Там, где объята земля волною предельного моря.
Славным оружием своим отразил он отряды киконов,
55 Лотос не смог отвратить его от желанной дороги,
Сын Нептуна пред ним отступил у Этны скалистой,
Зренье свое потеряв в чаду маронейского Вакха;
Ветры Эола провез Улисс по глади Нереея;
Дикого он посетил Антифата, царя лестригонов,
60 Коих струей ледяной омывает Артакии воды;
Не совратили его напитки коварной Цирцеи,
Хоть и была рождена она Солнцем и ловко умела
Зельями и колдовством изменять человеческий образ;
Он подошел без труда к киммерийским темным твердыням,
55 Где никогда не встает в сиянии ярком светило,
Мчится ли Феб над землей или бег свой влачит под землю;
Видел он, как в глубине сокрытого царства Плутона
Носятся в виде теней богов великих потомки,
И на проворной ладье миновал Сирен побережье.
70 Он проплывал меж теснин, угрожающих смертью двойною:
Не устарила его свирепую пастию Скилла,
В пенном прибое влача свой стан, опоясанный псами;
Не поглотила его своим способом страшным Харибда,
То воздымаясь вверх из бездны кипящей пучины,
75 То обнажая ей дно прорывами водоворотов;
Пастбища он осквернил, где Гелиос пас свое стадо,
Видел луга он и страсть Калипсы, Атлантовой дщери,
И феакийцев поля — предел многотрудных скитаний.
В наших ли странах свершил он высокие подвиги эти,
80 Миф ли блужданья его перенес в неизвестные земли,—
Пусть он в трудах превзойдет, а ты превзойдешь в красноречье.
Лучше тебя никто не владеет военным искусством:
Знаешь ты, где какой ров для защиты лагеря вырыть,

Или рогаток каких врагу по дороге наставить,
85 Или какие места надлежит обнести частоколом,
Где источает земля ключами пресную воду,
Чтоб легионам к ней путь был легок, врагу ж недоступен,
Чтобы кипел твой боец в борьбе постоянной за славу;
Грузным копьем кто лучше разит или легкой стрелой,
90 Кто пробивает ловчей препятствия дротиком гибким;
Может ли кто усмирить скакуна, удила затянувши,
Иль, отпустив поводья, вперед послать тиххода,
То на прямом ходу коня держать неуклонно,
То, если надо, его изогнуть крутым поворотом;
95 Кто заградится щитом искуснее слева и справа,—
С той стороны, откуда копье угрожает налетом,
Кто безошибочно в цель пращою проворной ударит.
Лишь разразится война по воле отважного Марса
И соберутся войска, готовясь с врагами сразиться,
100 Тотчас же ты умеешь создать построенье любое,
Нужно ли в битве отряд в квадратном поставить порядке,
Так, чтобы строй боевой отовсюду был равносторонним,
На два ль расставить крыла для встречи с Марсом отдельно,
Так, чтобы справа бойцы отражали левых, а слева —
105 Правых, и чтоб над тобой двойная носилась победа.
Нет, песнопенья мои не звучат похвалою чрезмерной:
Бранную былль я пою. И свидетель — страны покоренной
Храбрый боец иapid, свидетель — паннонец коварный,
Горец, какие везде рассеяны в Альпах холодных,
110 Также свидетель — бедняк, рожденный в полях Арупийских.
Право, узрев, что его не осилит и старческий возраст,
Меньше дивился бы ты трехвековой Нестора славе;
Сто плодоноснейших лет Титан обновит, пробегая,
Он же, резвый, готов оседлать быстроногую лошадь,
115 Будет отважно сидеть, управляя тугою уздечкой.
Стал ты вождем, и храбрец, не привыкший показывать спину,

Шею покорно свою склоняет под римское иго.
Ты ж недоволен и тем: предстоит тебе большее сделать,
Чем совершал до сих пор; так известно из знамений верных,
120 С коими даже Меламп Амифаонов спорить не станет.
Ибо как только надел ты одежду из ткани тирийской
В свете блистательном дня — вождя плодоносного года,
В час, когда Солнце из вод подьѐмлет главу золотую
И разноройных ветров смиряются дикие вздохи,—
125 В миг сей извилистых рек задержались в русле потоки,
Бешенство бурных морей успокоилось в ласковой зыби,
И перестали скользить по воздушным течениям птицы,
И прекратили грызню по чашам свирепые звери,
Дабы молитвы твоей не нарушить немого молчанья.
130 Даже Юпитер, летя на легкой своей колеснице,
Прибыл к тебе, покинув Олимп, граничащий с небом;
К жарким молениям твоим склоняя внимательно ухо,
Внемля обетам, кивал правдивую он головою:
Весело вспыхнул огонь над жертвой обильною в храмах.
135 Пыне берись за дела великие с помощью божьей,
Да заблестит твой триумф — иной, чем другие триумфы.
Марс — твой товарищ в боях: ни Галлия вас не задержит,
Ни безграничная ширь и горы Испании дерзкой,
Ни тот варварский край, где живут носеленцы из Феры,
140 Страны, где Нила текут иль Хоаспа державные воды,
Иль где стремительный Гинд иссякает — безумие Кира,
Многими устьями вод среди Арактейской равнины,
Иль где Томирии власть ограничена бурным Араксом,
Или вселенной конец, где, соседствуя с Фебом, падеец
145 За нечестивым столом пиры совершает свирепо,
Где Танаид и Гебр орошают магнов и гетов.
Что же я медлю? Везде, где мир окружен Океаном,
Нет ни единой страны, способной с тобою бороться.
Ждет и британец тебя, презиравший римского Марса,

150 Ждет и противная часть земли, отделенная Солнцем:
Ибо издревле земля, окруженная воздухом легким,
Делится на пять частей по всему великому кругу.
Две из них пусты всегда, разоренные лютым морозом:
Там неподвижная ночь покрывалом окутала землю,
155 Воды застывшие там не плещутся зыбкой волною,
Но, цепеня, лежат под корою ледяною и снежной,
Так как Титан никогда не восходит над этой пустыней.
А срединная часть подвержена пламени Феба,
Мчится ль он близко к земле, пробегая по летнему кругу,
160 Или же зимние дни миновать поскорее стремится.
Эта земля никогда не взрывается плугом тяжелым,
Поле хлебов не родит, а луг — зеленеющих пастбищ,
И не заботятся там ни Вакх, ни Церера о нивах,
И не единая тварь не живет в обожженных пустынях,
165 Между жарою и льдом лежит плодородная область —
Наша; а против нее другая область простерлась, —
Равноподобны они, и с небом граничащий воздух
Климат обеих смягчит, и холод и зной умеряя:
Вот оттого-то у нас и катятся годы благие.
170 Здесь научился и вол подставлять под ярмо свою шею,
И приучилась лоза по высоким ветвям подниматься;
Здесь ежегодно серпом созревшая косится нива,
Плугом железным земля и медью взрывается море;
Здесь же растут города, чьи стены сложило искусство.
175 Знай, когда дело твое увенчается светлым триумфом,
В каждой из этих земель только ты назовешься великим.
Нет, не хватило б мне сил быть глашатаем славы безмерной,
Если бы Феб Аполлон не внушал мне мои песнопенья.
Есть у тебя, кто дерзнет препоясаться делом великим, —
180 Валгий: только его сравню я с вечным Гомером.
Труд мой меня неустанно влечет, не давая покоя,
Хоть и гнетет, по привычке своей, меня злая Фортуна.

Некогда дом мой блистал обильным и пышным достатком;
Борозды желтых полей, закрома урожаем богатым
185 Полнили, житницы все набивая доверху хлебом;
Скот по вершине холмов бродил густыми стадами
(Вдосталь хватало его хозяину, вору и волку).
Ныне лишь жажду того; и новые гложут заботы,
Если больная мечта напомнит мне прошлые годы.
190 Пусть я остатков лишусь, пусть надвинутся худшие беды,
Но не устанут вовек поминать тебя наши Камены.
Нет, воздаются тебе не одни пиерийские гимны:
Ради тебя я дерзну и по бешеным волпам помчаться,
Хоть бы враждебность ветров и грозила мне зимним прибоем;
195 Ради тебя я один противился б натиску полчищ,
Сжег бы охотно себя, опустившись во пламенник Этны.
Вечно и всюду я твой. И если б крупицу заботы
Ты обо мне сохранил,— пусть мало, но все ж сохранил бы,
То не прельстила б меня над стихом мелстейским победа.
200 Если мои стихи целиком или частью только
Знаешь ты наизусть или вспомнишь порой мимоходом,
Песням во славу тебе судьба не поставит предела
Даже в ту пору, когда мои кости укроет могила;
Краткие ль годы мои принесут преждевременно гибель
205 Иль престарелым умру, я все же и в образе новом,
Буду ли резвым конем скакать по твердому полю,
Или прославлюсь, как бык, краса непроворного стада,
Легкой ли птицей начну в прозрачном воздухе реять,—
Все же чрез множество лет, когда вновь человеком я стану,
210 Буду я снова влетать о тебе песнопения в свиток.

ЭЛЕГИИ ТИБУЛЛА

II

- Март, на календы твои нарядилась Сульпиция пышно:
Если ты в этом знаток, с неба приди, подивись.
Грех твой Венера простит; но ты, необузданный, бойся,
Как бы не выронить вдруг от изумленья копье.
- ⁵ Знай же, в очах у нее, всевышних испепеляя,
Факелов пламень двойной злой зажигает Амур.
Что б ни творила она, куда бы свой путь ни держала,
Следом скользит Красота и наряжает ее.
- Если распустит косу, к лицу ей смятенные кудри;
¹⁰ Если их вместе сберет, правится узел волос.
- Жжет она сердце, когда тирийскую паллу наденет,
Жжет она сердце, когда в снежной одежде войдет.
- Так на Олимпе святом Вертумн сияет счастливый:
Сотни одежд у него, в сотне одежд он хорош.
- ¹⁵ Только она и достойна того, чтобы Тир посылал ей
Мягкую, в ценном соку дважды омытую шерсть.
Пусть обладает она благовоньями всеми, что снимет
С нивы богатый араб, пахарь душистых полей.

Пусть к ней и жемчуг идет, который на берегу красном

Смуглый собирает индус, житель Восточных морей.

Гордый, воспой ее, Феб, на своей черепаховой лире;

Славь ее, песнь Пиерид, в радостный праздник календ.

Пусть этот праздник она справляет многие годы;

Пойте ей хором привет: девы достойнее нет!

III

Юпошу ты моего,— живешь ли на пастбищах тучных
Иль на дремучих горах,— ты пощади, о кабан!
Дикий, свирепых клыков не оттачивай ты для сражений,—
Да сохранит его мне в целости сторож Амур.
Как далеко для облав заводит Дианино рвенье:
Пусть же погибнут леса, пусть разбегаются псы!
Что за безумье и бред — раскидывать в чашах тенета
И, оплетая холмы, руки царапать себе?
Что за охота — тайком проникать в звериные логи,
10 Белые ноги терзать на ежевичных шипах?
Все ж, о Керинф, если б только с тобой могла я скитаться,
Даже по склонам крутым сети таскала б сама,
Я б научилась искать следы быстроногих оленей,
С резвых снимала бы псов путы железных оков.
15 Тут-то бы лес и приятен мне стал, когда бы с тобою,
Свет мой, обнявшись, могла возле тенет я лежать;
Тут уж, к сетям подойдя, убежал бы кабан невинно,
Чтобы Венеры забав, страстной любви, не смущать.

А без меня пусть Венере не быть,— по закону Дианы,

Мальчик мой скромный, силки скромной рукой расставляй;

Если ж другая тайком к моей любви подберется,

Пусть растерзают ее страшные зубы зверей!

Так уступи же отцу свое пылкое рвенье к охоте

И возвращайся скорей снова в объятия мои.

IV

- К нам снизойди и болезнь изгони из красавицы нежной,
К нам спизойди ты, о Феб, гордый блистаньем кудрей.
Верь мне, скорей прилетай: не будет ведь Фебу зазорно
На красоте применить силу целительных рук.
- ⁵ Сделай, чтоб ей худоба не окутала бледностью тело,
Чтоб не испортился цвет матовой кожи ее.
Всякую злую беду и всякие грозные скорби
Да унесет поскорей в море проворный поток.
Вышний, приди, принеси с собою тех снадобий сладких,
¹⁰ Те заклинанья, что в нас новые силы волюют.
Юношу не истязай,— он в страхе за участь любимой,
Он за свою госпожу счету не знает мольбам.
То, о бессилье ее скорбя, он обеты возносит,
То он предвечных богов в горестной скорби клянет.
- ¹⁵ Брось свои страхи, Керинф: ведь бог не обидит влюбленных.
Только будь верен в любви: вот и здорова она.
Не к чему горько рыдать: успеешь наплакаться вдоволь,
Если, поспорясь, с тобой станет она холодна.

- Нынче твоя она вся, лишь с тобой — ее чистые думы,
20 Тщетно искатели вокруг ждут легковерной толпой.
Смилуйся, Феб: ты великой хвалы удостоишься, если,
Тело одно сохранив, вылечишь сразу двоих.
Будь возвеличен и радостен будь, когда с ликованьем
Оба тебе отдадут долг пред святым алтарем.
25 Праведный сонм богов наречет тебя дружно счастливецом,
Каждый захочет владеть дивным искусством твоим.

V

День, что тебя мне послал, о Керинф, пребудет священным
И среди праздничных дней будет блистательней всех.

Парки рождением твоим возвестили красавицам рабство
Новое, давши в удел гордое царство тебе.

⁵ Я же горю больше всех; но гореть, Керинф, мне отрадно,
Если взаимным огнем пламя палит и тебя.

Будь же взаимна, любовь! Твоею сладчайшею тайной,
Светом твоих очей, Гением жарко молю.

Гений великий, прими фимнам и внемли обетам,

¹⁰ Лишь бы пылал он, как я, в час, когда вспомнит меня!

Если ж теперь упоен он другою случайной любовью,
Ты, о пресветлый, молю, брось вероломный алтарь!

Несправедлива не будь, Венера: иль равно пусть служит
Каждый из пленных тебе или сними мою цепь.

¹⁵ Лучше пусть каждый из нас заключен будет крепко в оковы,
Пусть ни единый рассвет нас не дерзнет разлучить.

Юноша жаждет, как я, но он сокровеннее жаждет:
Стыдно ему, не таясь, вымолвить эти слова.

Ты же, рождения бог, кому все ведомы чувства,

²⁰ Внемли: не все ли равно — тайно иль явно просить?

VI

В день рожденья прими, о Юнона, ладан обильный,
    Что портецца тебе нежной приносит рукой;
В честь твою тело омыв, себя украшает, ликуя,
    Чтоб красоваться видней подле твоих алтарей.
⁵ Пусть говорит, что лишь ради тебя нарядилась сегодня, —
    Верно, кого-то еще тайно мечтает пленить.
Ты же, благая, смотри, чтоб никто не расторгнул влюбленных,
    Юношу с милой, молю, цепью взаимной связи.
Так ты их честно сведешь: ведь она ни одного мужа,
¹⁰   Он же подруги другой лучше себе не найдут.
Пусть же недремлющий страж не сумеет влюбленных настигнуть,
    Пусть им откроет Амур тысячу к плутням дорог!
О, согласись и приди в сияющей пурпурной палле:
    Трижды почтим пирогом, трижды богиню вином.
¹⁵ Дочь свою нежная мать наставляет в молитвах и просьбах,
    Та же тайком о другом молится в сердце своем.
Жарко пылает она, как пляшущий пламень алтарный,
    Но исцеленья от ран вовсе не ищет себе.
²⁰ Пусть же полюбит тебя твой юноша: летом грядущим
    Та, что в обетах звучит, старой да станет любовь!

ЭЛЕГИИ СУЛЬПИЦИИ

VII

Вот и любовь наконец; и скорее было бы стыдно
    Это скрывать, чем о ней каждому мне говорить,
Внявши Каменам моим, любимого мне Киферея
    И привела за собой, и положила на грудь.
5 Все мне Венера дала: об утехах моих пусть расскажет
    Тот, про кого говорят, что он своих и не знал,
Я не хочу ничего верить запечатанным письмам:
    Пусть их кто хочет прочтет, раньше любимого мной.
Я забываться люблю, прикрываться личиной от слетен
10 Тошно. Пускай говорят: оба они хороши.

VIII:

Близок рождения день ненавистный: в неспосной деревне

Мне без Керинфа, одной, встретить придется его.

Что мне отрадней, чем Рим? И подходит ли девушке вилла,

Воды реки ледяной меж Арретинских полей?

⁵ Не хлопочи же ты так обо мне, успокойся, Мессала,

Часто бывает, родной, нам не ко времени путь.

Если меня увезешь, я оставлю здесь душу и чувства,

Раз уж ты мне не даешь так поступать, как хочу.

IX

**Знаешь, поездка теперь уже не грозит твоей милой:
Может рождение свое праздновать в Риме она.
Будем же радостно все мы вместе справлять этот праздник,
Что неожиданно так послан судьбою тебе.**

X

Мило, что ты так уверен в себе, что тебя не заботит,
Как бы, по глупости, я не натворила беды.
Что же поделать? Тебе непотребная грязная шлюха,
Чем Сульпиция, дочь Сервия, стала милей.
5 Обеспокоены все, кому было б очень обидно,
Если любовником мне станет неведомо кто.

XI

- Нежное есть ли, Керинф, у тебя сострадание к милой,
Тело которой томит жар нестерпимый теперь?
Ах, лишь тогда победить захотела б я злые недуги,
Если бы знала, что ты этого жаждешь и сам.
- ⁵ Стоит ли, право, теперь болезнь побеждать, если можешь
Ты с безмятежной душой муки мои выносить?

XII

Пусть не буду, мой свет, тебе я такую желанной,
Как, мне казалось, была несколько дней я назад.
Если же в чем-нибудь я провинилась по юности глупой,
Это, по правде сказать, мне неприятней того,
⁵ Что я тебя одного оставила прошлую ночью,
Собственной страсти огонь скрыть захотев от тебя.

ЭЛЕГИИ ТИБУЛЛА

XIII

Нет, не разделит со мной иная женщина ложе:

Этим условием нас сразу сковала любовь.

Только тебя я люблю, и в целом городе краше

Нежно любимой моей нет для меня ни одной.

⁵ Но если б мне одному ты могла бы казаться прелестной!

Будь ты другим не мила, я бы тревоги не знал.

Дела до зависти нет; хвастовство пред толпой мне противно.

Пусть кто истинно мудр, радостен будет в тиши.

Мне бы отрадно жилось в глуши потаенной дубравы,

¹⁰ Где не пайдется тропы для человеческих ног.

Ты мне — покой от забот, ты — свет среди ночи туманной,

Ты мне дороже толны в уединенье моем!

Если бы даже с небес подруга к Тибуллу слетела,

Зря бы слетела она: не увлекла бы меня.

¹⁵ В этом клянусь я тебе священной волей Юноны,

Чтимою в сердце твоём выше всех прочих богов...

Что я наделал! Увы, залогов, безумец, теряю!

Глупо поклявшись: теперь страха не будешь ты знать,

Будешь смела ты теперь и станешь без удержу мучить.

Сколько бед натворил мне мой болтливый язык!

Что ж, поступай, как прихоть велит: твой раб я навеки,

Не убегу никуда я от моей госпожи,

Но припаду я в цепях к алтарям священным Венеры.

Любит просящих она, а непокорных клеймит.

XIV

Сплетня идет, что моя любимая мне изменяет:

О, как хотелось бы мне вовсе оглохнуть теперь!

Переносить не могу клевету эту я, не сгордая.

Что же ты мучишь меня, злобная сплетня? Молчи!

С Е К С Т
ПРОПЕРЦИЙ

К Н И Г А П Е Р В А Я

I

Кинфрии глазки меня впервые пленили, к несчастью,
А до того никакой страсти я вовсе не знал.
Очи потушило вмиг перед ней самоишенье былое:
Голову мне придавил резвой ногою Амур.
5 Он приохотил меня не любить непорочных красавиц,
Дерзкий, заставив мою без толку жизнь проводить.
Вот уже целый год любовным огнем я пылаю,
Боги, однако же, всё неблагоприятны ко мне.
Меланион, о Тулл, жестокость смирил Иасиды
10 Тем, что на подвиг любой он безболзненно шел:
Как одержимый блуждал в пещерах горы Парфенийской
И на охоту ходил он на косматых зверей;
Он и от боли стонал, оглашая аркадские скалы
В час, когда злобный Гилсей ранил дубиной его.
15 Этим он смог покорить быстроногой девушки сердце:
Значат не мало в любви подвиги, слезы, мольбы.
Мне же ленивый Амур не придумает новых уловок
Да и привычный свой путь он уж давно позабыл.

- Вы, что морочите нас, Луну низвести обещая,
20 Трудитесь жертвы слагать на чародейный алтарь,—
Сердце моей госпожи склоните ко мне поскорее,
Сделайте так, чтоб она стала бледнее меня.
Смело поверю тогда, что созвездья дано низводить вам,
Реки назад возвращать силой колхидской волишбы.
- 25 Вы ж, дорогие друзья, с запоздалым своим утешеньем
Сердцу, больному от мук, дайте лекарства скорей:
Стойко я буду терпеть и нож, и боль прижиганья,
Лишь бы свободно излить все, чем бушует мой гнев
- Мчите к чужим племенам, по волнам вы меня уносите,
30 Чтобы из жен ни одна мой не открыла приют.
Здесь оставайтесь, кому Амур, улыбаясь, кивает,
И наслаждайтесь всегда счастьем взаимной любви.
Мне же Венера, увы, посылает лишь горькие ночи,
И никогда не замрет, тщетно пылая, любовь.
- 35 Бойтесь вы этого зла: пусть каждого милая держит
Крепко, привычной любви он да не сменит вовек.
Если же вовремя вы не проникнетесь мудрым советом,
Позже с какою тоской вспомните эти слова!

II

Жизнь моя, что за нужда выступать, разукрасив прическу,
И шаловливо играть складками косских одежд?
Кудри зачем наполать ароматами мирры оронтской,
Чтоб выставлять напоказ блеск чужеземных даров,
5 И, покупной красотой убивая природную прелесть,
Телу не дать своему собственным светом сиять?
Верь мне, наружность твоя ни в каких не нуждается средствах:
Ведь обнаженный Амур хитрых не любит прикрас.
Ты посмотри, как земля в своих собственных красках блистает,
10 Как неподвластный плющ вьется по прихоти ввысь.
Разве не лучше растет земляничник в пустынных ущельях
И не привольней течет диким потоком ручей?
Берег красивой, когда он расцвечен камнями природы,
Птиц безыскусная песнь слаще гораздо звучит.
15 Кастор был покорен не убранством Левкипповой Фебы,
Не потому и Поллуке встарь Гилайру любил;
Да и не этим зажгла раздор между Идом и страстным
Фебом Эвенова дочь возле отцовской реки,

И на колесах чужих увезенная Гипподамия
20 Мужа фригийца влекла вовсе не ложной красой:
Облик живой этих лиц, самоцветами не искаженный,
В красках сумел передать кистью своей Апеллес.
Жены, подобные тем, не ищут любовников всюду:
Мерою полною им скромность дает красоту.
25 Не потому говорю, что соперников я опасаясь:
Дева вполне хороша, если влюблен хоть один.
Ты же — тем паче: тебе аонийскую лиру вручила
Мать Каллиона и Феб песни свои подарил.
Речи прелестны твои, и тебе ниспослано свыше
30 Все, чем Венера мила, все, чем Минерва горда.
Этим и будешь ты мне всю жизнь мила и любезна,
Лишь бы противна была жалкая роскошь тебе.

III

Как на пустом берегу в забвѣи критянка лежала,
В час когда уходил в море Тезсев корабль,
Как Андромеда, Кефеева дочь, без оков задремала,
Лежа на твердой скале, первым объята сном,
5 Как эдонида, ушав, утомленная долгою пляской,
Спит на ковре травяном у Апидаиовых вод,—
Так же, казалось мне, и Кинфия сладким покоем
Дышит, головку свою к зыбкой склонивши руке,
Ночью когда я пришел, отуманенный Вакхом обильным,
10 И освещали мне путь, факел колебля, рабы.
Тут я, еще не совсем потеряв помраченные чувства,
К смятой постели ее робко пытался скользнуть.
Хоть с двух сторон и Амур и Либер, страсть разжигал,
Оба жестоким огнем стали меня искушать,
15 Тихо ее приподнять, подложить ей под голову руку
И, повернувши уста, к ним поцелуем прильнуть,—
Все-таки я не посмел покой госпожи потревожить,
Помня про вспыльчивый нрав, часто терзавший меня;

Лишь неотступно в нее я внимательным взором впивался,
20 Так же, как Аргус, дивясь на Инахиды рога.
То со своей головы снимать начинал я веночки
И возлагал их тебе, Кинфия, я на чело.
То забавлялся, тебе поправляя тихонько прическу,
То осторожно тебе вкладывал в руки плоды.
25 Но равнодушному сну расточал я дары понапрасну:
Часто с высокой груди падали наземь дары.
Всякий же раз, когда ты во сне потихоньку вздыхала,
Трепетный, я цепенел, глупой приметы боясь,
Чтоб сновиденья тебе не навели страхов неожиданных,
30 Чтобы никто не посмел нагло тобой овладеть.
Так и стоял я, пока, проходя от окошка к окошку,
Не постаралась луна в очи тебе заглянуть.
Светлым раскрыла лучом луна твои сонные глазки,
И, опершись на постель, ты мне сказала тогда:
35 «Ах, наконец-то замок на дверях соперницы гордой
К мягким подушкам моим снова тебя возвратил!
Где ты часы проводил лишь мне обещанной ночи,
И на закате светил томный откуда бредешь?
О, если б сам ты терпел такие же ночи, какие
40 Ты заставляешь терпеть вечно бедняжку твою!
Долго, усталая, сон прогоняла я пурпурной пряжей,
Или гасила печаль звуком Орфеевых струн,
Или же вновь я кляла в своем одипочестве тихом
Эти свиданья твои долгие на стороне.
45 Сон победил наконец, крылами коснувшись отрадно:
Он лишь один осушил горькие слезы мои».

IV

Что восхваляешь ты, Басс, мне столько всяких красавиц?
Думаешь, я изменю милой моей госпоже?
Иль ты не в силах терпеть, чтоб судьбою мне данные годы,
Сколько бы ни было их, в рабстве привычном я жил?
5 Если б ты даже воспел Антиопу мне, дочку Пиктея,
Иль Гермiony самой, дивной спартанки, красу,
Или красавиц иных, рожденных прославленным веком,—
Кинфия все же, поверь, славой затмила бы их;
Не говоря уж о том, что в сравненье с любую красоткой,
10 Даже при строгом суде, всех она их превзойдет.
Но не фигура ее довела меня, Басс, до безумья;
Большее есть, от чего сладко сходить мне с ума:
Ум благородный ее, совершенство в искусствах, а также
Грация неги живой, скрытая тканью одежд.
15 Хоть и стараешься ты уничтожить взаимную нежность,
Все ж мы обманем тебя, верность друг другу храня.
Это тебе не пройдет: красавица, страстью пылая,
Будет, как яростный враг, громко тебя поносить;

- Не пригласит уж тебя, меня к тебе не отпустит
20 И не забудет вовек о преступленье твоём.
Примется в гневе чернить тебя красавицам всюду,
И ни единая дверь впредь уж не примет тебя.
В жалобах горьких своих никаких алтарей не забудет,
Всюду слезами она камень святой оросит.
25 Худшей беды для Кинфии нет, чем бога немилость,
Если он презрит ее и уничтожит любовь,
Главное,— если мою! Пусть вечно будет такою,
Пусть никогда мне не даст повода слезы пролить!

V

Желчный завистник ты мой, перестань наконец насмехаться
И не мешай нам идти вместе дорогой одной.

Что тебе нужно, глупец? На себе испытать мои муки?

Сам ты, несчастный, спешешь горечь страданий узнать.

⁵ Сам ты, несчастный, пойдешь сквозь огонь, незнакомый доселе,
Пить иссушающий яд всех фессалийских отрав.

Нет, не похожа она на других легкомысленных женщин:

Если рассердится вдруг, то уж пощады не жди.

Даже порою, твоим совсем не противясь желаньям,

¹⁰ Все же заставит тебя тысячи зол испытать.

Живо липит тебя сна,— и глаза тебе затуманит:

Только она покорить диких способна мужей.

Ах, сколько раз ты придешь ко мне, отвергнутый ею,—

В тяжких рыданьях твоих гордые смолкнут слова.

¹⁵ Трепетный ужас тогда породят эти горькие слезы,

Страх безобразным клеймом запечатлеет лицо;

Что ни промолвишь — из уст лишь жалобы снова польются,

Жалкий, не будешь ты знать, где ты и кто ты такой.

Скоро почувствуешь ты, как тяжело у Кинфии в рабстве
20 И как ужасно уйти изгнанным прочь от нее.
Бледности хмурой моей изумляться ты перестанешь:
Полно дивиться тебе страшной моей худобе!
Знатность рода ничуть тебе в любви не поможет:
Изображеньям отцов не покорится Амур.
25 Если же ты хоть слегка провинишься пред Кинфией,— горе!
Как запятнает молва громкое имя твое!
Где мне, внимаемая мольбам, тебе принести утешенье,
Раз я и сам не найду средства от собственных бед.
Оба несчастные мы, скорбя в одинаковой страсти,
30 Знаю, друг к другу на грудь плакать тогда прибежим.
Так не пытай же ты, Галл, что может Кинфия сделать:
Если на зов твой придет,— каяться будешь потом.

VI

Адриатический вал не боюсь я с тобою прорезать,
Тулл, и пуститься в ладье вдаль по Эгейским волнам,
Вместе с тобой я готов на Рипейские горы взбираться,
Даже зайти за предел дальних Мемноновых стран.
5 Но полонили меня объятия нежно любимой,
Страстные просьбы ее, лик, искаженный мольбой.
Ночи она напролет говорит мне о пламени сердца,
Плачет, что нет уж богов, если забыта она,
Если она — не моя, и тем угрожает в печали,
10 Чем все подруги грозят неблагодарным друзьям.
Я пред упреком ее не могу устоять ни минуты:
Горе тому, кто в любви может бесчувственным быть!
Разве так важно уж мне побывать в ученых Афинах
Иль увидеть красоту древних азийских богатств,
15 Чтобы корабль, на котором я вдаль уплыву, проклинала
Кинфия, в горькой тоске щеки терзая себе,
Счет неполученных ласк предъявляя враждебному ветру,
Плача, что нет никого жестче неверных друзей?

Дяде, о Тулл, своему уступать ты в славе не должен:
20   Нашим союзникам вновь древний порядок верни:
Ты ведь за всю свою жизнь не знавал увлечений сердечных,
      Воинской чести отцов верно ты служишь всегда.
Да не доставит тебе никогда столько слез и страданий,
      Сколько их мне преподнес резвый мальчишка Амур!

25   Мне же, кто волей судьбы оставаться в неизвестности должен,
      Душу свою мне отдать праздности вечной позволь.
Многие волей своей от длительной страсти погибли,
      В их роковое число примет могила меня.
Я не для славы рожден и не годен для битвы кровавой:

30   Рок повелел мне служить воином верным любви.
Ты же, предпримешь ли путь в Ионию нежную или
      В Лидию, где по полям воды Пактола текут,
По сухопутью ль пойдешь или пустишься морем на веслах
      В край, который под власть жребий тебе отдает,—

35   Если в какой-нибудь час ты вспомнишь меня мимолетно,
      Будь убежден, что живу я под жестокой звездой.

VII

Понтик, в то время, когда ты пишешь о Кадмовых Фивах,
О смертоносных мечах братоубийственных войн,
И — поклянусь головой! — состязаешься с вечным Гомером
(Судьбы да будут вовек ласковы к песням твоим!) —
5 Мы, как обычно, поем о сердечных своих увлеченьях,
В поисках, чем угодить грозной своей госпоже.
Не для ума я пишу, а ищу утоления скорби
И вспоминаю, грустя, жизни тяжелые дни.
Так я досуг провожу и тем добыл себе славу.
10 Пусть же я имя свое в этих прославлю стихах.
Пусть обо мне говорят, что один я был мил портессе,
Понтик, и гнев я терпел несправедливый ее.
Пусть же прилежно меня неудачный любовник читает,
Пусть пойдет ему впрок знание бедствий моих.
15 Если же мальчик Амур поразит тебя меткой стрелюю
(Боги такую беду да отвратят от тебя!),
Будешь скорбеть ты о том, что тобой воспеваемый лагерь,
Семь полководцев твоих в полном забвеньи лежат.

- Тщетно пытаться начнешь сочинять ты любовные песни:
20   Знай, запоздалый Амур уж не подскажет стиха.
Будешь тогда ты считать меня превосходным поэтом;
      Рима мудрейших сынов славою я превзойду.
Мимо гробницы моей не пройдет молодежь молчаливо:
      «Спишь ты, великий поэт наших кипучих страстей!»
25 Нет, берегись презирать надменно любовные песни:
      Явится поздний Амур — пеню заплатишь ему!

VIII

Ты не с ума ли сошла? До любви моей нет тебе дела?

Или тебе ледяной хуже Илирии я?

Или настолько тебя пленил другой,— кто б он ни был,—

Что без меня ты уплыть с ветром готова любым?

5 Ты ли способна внимать свирепому ропоту моря,

Можешь на жесткой лежать ты корабельной доске?

По снегу сможешь ли ты ступать изнеженной ножкой?

Ты ль непривычный мороз, Кивфия, сможешь терпеть?

Пусть же удвоится срок зимы ледящей и бурной,

10 Пусть же восхода Плеяд век не дождется моряк,

Пусть никогда твой корабль от Тирренских песков не отчалит,

Пусть не развеет мой ветер враждебный мольбы

И не увижу я, нет, что утихла великая буря

В час, когда волны помчат твой уходящий корабль!

15 Я же останусь один стоять на пустом побережье,

Злой называя тебя, тщетно грозя кулаком.

Но, как бы ты ни была, изменивши мне, виновата,

Пусть Галатея тебя не покидает в пути,

Чтобы, когда обогнешь ты удачно на веслах Керавны,
20 Орик тебя приласкал тихою влагой своей.
Не соблазнит меня, знай, ни единая женщина, чтобы
Я на пороге твоём, жизнь моя, жалоб не лил.
Надоедать буду я морякам, обращаясь с вопросом:
«Где же, в заливе каком милая медлит моя?»
25 Вот что скажу: «Пусть она теперь хоть в краях Атракийских
Или в Элиде живет, все-таки будет моя!»

Здесь она, здесь поклялась остаться. Пусть недруги лопнут!
Я победил: не снесла долгих молений моих.
Жадная зависть, отбрось свою бесполезную радость:
30 Кинфия, ставши моей, новых не ищет путей.
Дорог я ей, а со мной и Рим ей дороже вселенной;
А без меня, говорит, был бы немил и престол.
Хочет со мною всегда делить даже узкое ложе,
Вечно, по всякой судьбе жаждет остаться моей,
35 Хоть бы и отдали ей все царство Гипподамии
Или Элиды дары, древних ристалищ плоды.
Хоть он и много дарил и сулил подарить еще больше,—
Ради объятий моих жадности не поддалась.
Вовсе не золотом, нет, нет, не индийских морей жемчугами,—
40 Мне удалось победить вкрадчивой песней ее.
Есть, значит, Музы еще и мил Аполлону влюбленный:
Дали они мне тебя, Кинфия, счастье мое!
В высях могу я теперь поспирать небесные звезды:
Ночью ли, светлым ли днем вечно ты будешь моя.
45 Нет, нерушимой любви ни один не похитит соперник:
Даже седины мои славой покроет она.

IX

Я ведь тебе говорил, насмешник, что влюбишься скоро,
Будут не вечно звучать вольные речи твои.
Вот ты сражен и с мольбой отдался на милость любимой,
Сам ты попался теперь в рабство к рабыне своей.
5 Знай же, точнее меня не предскажет Хаонии голубь,—
Девы какие пленят юношей тех иль других.
Скорбью и горькой слезой по заслугам умножен мой опыт:
Если б, любовь позабыв, стать мне опять новичком!
Жалкий, что пользы теперь тебе в возвышенных песнях
10 Иль в погребальных слезах вокруг Амфионовых стен?
Песни Мимнерма в любви ценнее, чем строки Гомера:
Нежно-певучих стихов требует кроткий Амур.
Их находи и слагай такие же грустные строфы.
Пой о том ты, о чем девушкам хочется знать.
15 Не о чем разве тебе стихи сочинять? Да теперь ты,
Стоя по горло в реке, ищешь, безумец, воды!
Не побледнел ты еще и в жарком огне не сгораешь:
Ты только искрой задет, вестницей будущих зол.

Легче ты стал бы терпеть соседство армянской тигрицы,
20   Легче бы ты перенес пытку подземных колес,
Чем без конца ощущать в груди своей мальчика стрелы
      И не дерзнуть отказать гневной своей госпоже.
Крылья одною рукой подставляет Амур человеку,
      И в то же время его держит другою рукой.
25 Не восторгайся же в час, когда дева тебе отдается:
      Ставши, о Понтик, твоей, злей она скрутит тебя;
Трудно уж будет тебе оторвать от нее свои взоры,
      И не позволит Амур делом заняться другим;
Он незаметен, пока не дойдут до костей его руки.
80   Кто бы ты ни был, беги от увлечений любви!
Может податься и дуб и кремень обольщениям этим;
      Что ж говорить о тебе, о легкомысленный дух?
Если ты честь не забыл, поскорее сознайся в ошибке,—
      Тайну страданий открыв, можно любовь облегчить.

Х

- О, благодатная ночь, когда, как близкий свидетель
Первой вашей любви, с вами я слезы делил!
О, благодатный покой — вспоминать эту милую полночь!
О, сколько раз я хотел снова ее пережить!
- 5 Видел я, Галл, тебя умирающим в объятиях девы,
Помню я, как прерывал ты свою страстную речь.
Хоть тяготил тогда сон мои утомленные очи
И в высоту вознеслись яркие кони Луны,
Все же от ваших забав никак я не мог оторваться:
- 10 Так упителен был пламень взаимных речей.
Но, уж если тогда ты доверился мне без боязни,
То благодарность мою за наслаждение прими:
Я ведь не только молчать о страданиях ваших умею,
Я обладаю, мой друг, бóльшим, чем верность тебе.
- 15 Снова сумею свести разлученных раздором влюбленных,
Снова упрямую дверь гневной открыть госпожи;
Другу смогу залечить его незажившие раны:
Верно лекарство мое, хоть и словами лечу.

Кинфией я научен, чего мы должны добиваться
20 И опасаться чего. В этом помог мне Амур.
Остерегайся же впредь с раздраженною милою спорить,
С ней говорить свысока или упорно молчать.
Если попросит чего, не отказывай, брови нахмурив,
И не считай пустяком нежных и ласковых слов.
25 Будет сердиться она, заметивши пренебрежение,
И, оскорбившись, твоих правых угроз не простит.
Но, чем смиреннее ты и покорнее будешь Амуру,
Тем ты скорей для себя сможешь добиться добра:
Счастлив будет лишь тот со своей единственной милой,
30 Кто, о свободе забыв, будет ей верным рабом,

XI

Кинфия, помнишь ли ты, отдыхая в Байях приморских,
Где Геркулеса тропа вдоль берегов пролегла,
Морем любуюся там, омывающим царство Феспрота,
Или смотря на залив у знаменитых Мизев,—
5 Помнишь ли ты обо мне, о ночах, проведенных со мною?
В сердце остался ли след нашей взаимной любви?
Или неведомый враг своею притворною страстью
Кинфию дерзко украл из песнопений моих?
Пусть бы уж лучше сейчас, доверена маленьким веслам,
10 Тихо качала ладья в водах Лукринских тебя
Или пленяли струей тевтрантские мелкие воды,
Что поддаются легко взмахам ладоней пловца,
Чем обольщал тебе слух соблазнительный шепот другого,
На побережье пустом к неге ленивой клоня:
15 Сторож исчезнет,— и вот уж пала красавица, клятвы
Все нарушая, забыв общих обоим богов.
Не потому говорю, что забыл твою добрую славу:
Но ведь на Байских водах всякий соперник страшит.

Так что прости ты меня, если только послание это
20 Горечь тебе принесло: в этом повинен мой страх.
Разве берег бы я так даже мать свою дорогую?
В жизни, лишенной тебя, смысла не видел бы я!
Ты и отечество мне и родную семью заменяешь.
25 Счастлив я только с тобой, Кинфия, радость моя!
Грустен приду ли к друзьям или весел,— каков бы я ни был,
Я неизменно скажу: «Кинфия в этом виной».
Только как можно скорей покинь ты развратные Байи:
Многих к разлуке привел берег злокозненный их,
30 Берег, что исстари был целомудренным девам враждебен.
Сгиньте ж любви палачи — байские злые ключи!

ХИ

Ты мне все время твердишь, будто все я слоняюсь без дела,
Подозревая, что Рим не отпускает меня?

Нет, моя милая так далека от нашего ложа,
Как от Гипана далек брег Эридана-реки.

⁵ Не насыщает моей любви, как бывало, в объятиях
Кинфия, голос ее сладко в ушах не звучит.

Был я когда-то ей мил; и в то время немисливо было,
Чтобы хоть кто-нибудь мог так беззаветно любить.

Всякий завидовал нам. Неужели же бог меня предал?

Иль с Прометеевых гор нас разлучила трава?

¹⁰ Я уж не тот для нее; красавиц дорога меняет.

Как мимолетна была страстная эта любовь!

Тут я впервые узнал одинокие долгие ночи,

Тут и себя самого слушать мне стало невмочь.

¹⁵ Счастлив, кто может рыдать на глазах у собственной милой,

Как благосклонен Амур, глядя на слезы любви!

Если ж отверженный смог влюбиться снова в другую,

В новом он рабстве себе новую радость найдет.

Мне ж ни другую любить, ни от этой уйти невозможно:

Кинфия первой была, Кинфия — это конец.

XIII

Галл, ты, наверно, опять над горем моим посмеешься,
Видя, что вновь я лишен милой и снова один.
Но не хочу подражать наветам твоим вероломным:
Женщина пусть никогда, Галл, не обманет тебя.

⁵ Что же? Покуда росла обольстителя девушек слава,
Ты в самомнении своем долгой любви не искал,—
Позднею страстью пленен, пред одной ты померк, погибая,
И принужден отступить, в первой же схватке сражен.
Эта накажет тебя за женские долгие муки,

¹⁰ И за несчастных толпу сразу оплатит одна.
Эта отучит тебя любить кого ни попало,
Новых не станешь искать ты увлечений теперь.
Знаю про это, мой друг, не по сплетням, не по гаданьям —
Видел я сам: отрицать сможешь ли явное ты?

¹⁵ Видел я, как замирал, забываясь в тесных объятьях,
Видел, как плакал ты, Галл, плечи любимой обняв,
Как ненасытно впивал губами желанные губы,
Видел и то я, о чем и говорить мне нельзя.

Было не в силах моих объятья ваши расторгнуть:
20 Неодолима была эта безумная страсть.
Даже Тенарский бог, обратясь Эниеем Гемонским,
Так Салмониду свою в неге любви не сжимал;
Даже и сам Геркулес, с костра на Этейской вершине,
Гебу впервые обняв, страстью такой не горел.
25 В этот единственный день ты сумел превзойти всех влюбленных:
Ибо не дымный к тебе факел она поднесла.
Нет, не позволит она тебе, как бывало, хвалиться,
Ни изменять, и своей станешь ты страсти рабом.
Диво ли, если она достойна Юпитера, если
30 Леде подобна, ее детям и лучше всех трех.
Прелестью всех героинь инахийских она превосходит,
Речью своей покорить может владыку богов.
Ты жр, если тебе суждено от страсти погибнуть,
Помни: достоин ты, друг, именно этих дверей.
35 Снова в ошибку ты впал, но да будет на счастье ошибка:
Пусть тебе станет одна всем, чего ждешь на земле.

XIV

Пусть ты у тибровых волн, раскинувшись в неге ленивой,
Ментора кубок подняв, вина лесбосские пьешь,
То изумляясь тому, как мчатся быстрые лодки,
То, как плоты по реке медленно тащит канат,
6 То, как тянутся вверх деревьяв насаженных рощи,
Напоминая леса, что на Кавказе растут:
Все эти блага, поверь, не сравнятся с моею любовью,
Силе несметных богатств не уступает Амур.
Если со мною она разделяет досуг вожделенный,
10 Если проводит весь день в легких забавах любви,—
Тут уж под кровлю мою вливаются воды Пактола
И украшается дом жемчугом Красных морей.
Тут пред восторгом моим и царские меркнут утехи;
Пусть же он длится, пока судьбы не сломят меня.
15 Если враждебен Амур, найдет ли кто радость в богатстве?
В жизни приманок мне нет, если Венера мрачна.
Может она надломить и силы великих героев,
Может тоску породить даже в железных сердцах.

Не утрашится она рубеж перейти аравийский,
Не побойтся, о Тулл, к ложа́м пурпурным сойти
И по постели в слезах беднягу метаться заставит:
Разве утешит его шелка узорная ткань?
Если ж ко мне благосклонной придет, без боязни я буду
Царства земли презирать и Алкиноя дары.

XV

Горестей от твоего легкомыслия я опасался,

Только измены такой, Кинфия, право, не ждал.

Видишь, в какую беду злосчастье меня вовлекает;

Ты же ко мне не спешишь, видя смертельный мой страх,

⁵ И прибираешь рукой волос беспорядок вчерашний,

И, не волнуясь ничуть, свой продолжаешь наряд,

Грудь украшая себе жемчугами Востока, как будто

Девой-прелестницей ты к новому мужу идешь.

Вспомни: Калипсо в тот день, когда уходил Итакиец,

¹⁰ Горькие слезы лила возле покинутых вод:

Не убирая волос, она многие дни проводила,

Много поведала там неумолимым волнам;

Хоть понимала она, что уж больше его не увидит,

Мучилась, помня свои счастья полные дни.

¹⁵ А Гипсипила, когда Эсониды похитили ветры,

Все изнывала в тоске, в спальне оставшись пустой.

И Гипсипила с тех пор любви не ведала новой,

Как гемонийский пришлец сердце ее покорил.

Братьям отомстила своим за супруга Алфесибей:
20 Кровные связи порвал непобедимый Амур.
С мужем злосчастным своим на костре сгорела Эвадна,
Дав аргивянкам пример верной супругу жены.
Но эти жены никак не смогли изменить тебе нрава,
Чтобы и ты, как они, славною стала навеки.
25 Кинфия, брось повторять свои вероломные клятвы,
Дай ты богам позабыть те, что ты прежде дала.
Дерзкая, горько скорбеть ты будешь о нашей невзгоде,
Если тебя невзначай худшая сломит беда!
Реки скорее назад потекут из безмерного моря,
30 Лето скорее придет осени влажной вослед,
Нежели в сердце моем о тебе истошится забота:
Ты как угодно живи, только не будь мне чужой.
Пусть не окажутся мне нежеланными милые глазки,
Ради которых не раз верил я лживым словам!
35 Ими клялась ты, твердя, что, если солжешь хоть однажды,
Пусть они лучше тогда выпадут в руки тебе.
Как же ты можешь еще поднимать их к великому солнцу
И не дрожать за себя, всю свою честь потеряв?
Кто же тебя заставлял бледнеть и в лице изменяться,
40 Кто против воли твоей плакать тебя принуждал?
Вот где погибель моя, и вот совет мой влюбленным:
«Ласкам и нежным словам не доверяйте, друзья!»

XVI

Встарь отворялася я навстречу великим триумфам,
Дверью Тарпей была, славной своей чистотой.
Много золотых колесниц пред моим проезжало порогом,
И орошала меня пленников жалких слеза.
Нынче побои терплю при пьяных полуношных драках,
Горько я плачу теперь от недостойных пинков!
Нет никогда недостатка в венках у меня непристойных,
И устранившихся гостей факелы часто лежат.
Я не могу защитить госпожу от ночных безобразий,
Жертвой несчастною став всяческих грязных стишков.
Но не желает хозяйка моя пощадить свое имя,
Много развратней живя, чем в нашем веке живут.
Принуждена я терпеть поклонника стоны, который
Целую ночь напролет передо мною стоит.
Он уж моих косяков никогда не оставит в покое
И, не смолкая, твердит полные лести стихи:
«Дверь, безжалостней ты и самой госпожи бессердечной!
Что ты молчишь, затворив створки глухие свои?»

И почему никогда не раскроешься страсти навстречу,
20 Сжалившись, не передашь просьбы заветной мой?
Или не будет вовек конца неизбежному горю?
Иль мне постелью всегда будет холодный порог?
Мучает полночь меня, заходящие мучают звезды,
Ветер холодный вздремнуть мне на заре не дает.
25 Ты лишь одна никогда не сочувствуешь горю людскому,
Ты отвечаешь на все петель молчаньем немым.
Хоть бы словечко мое пробралось потихоньку сквозь щелку
И потревожило слух милой моей госпожи!
Будь она крепче камней, равнодушной сиканских утесов,
30 Будь, как железо, тверда или упорна, как сталь,—
Все же не сможет себе вполне подчинить свои глазки:
Вместе с невольной слезой вырвется вздох у нее.
Нет, она нежится там в объятьях другого счастливца,
Здесь же все стоны мои тают в зефире ночном.
35 Ты же единственный мой и злейший источник страданий,
Тщетным подарком моим не побежденная дверь,—
Не оскорбил я ни разу тебя необузданной бранью,
Бранью, какую толпа чешет себе языки,—
Что ж ты бесстрастно глядишь, как я, охрипнув от жалоб,
40 В горькой тревоге стою на перекрестке всю ночь?
Я ли не часто тебе по-новому складывал песни?
Я ль по ступеням не полз, жарко лобзая тебя?
Вспомни, злодейка,— не раз у твоих косяков я вертелся
И потихоньку рукой клал свой обещанный дар».
45 Так вот и он,— да и вы, поклонники жалкие, тоже,—
Пеньем несносным своим перекричит петухов.
Так-то терплю я теперь позор от пороков хозяйки
И от бесчисленных слез ртих влюбленных гостей.

XVII

Да, поделом, раз уж я решился красавицу бросить,
Лишь одиноких теперь я зимородков молю!
Кассиопея на мой не взглянет корабль, как бывало,
Берег пустынный к моим холоден будет мольбам.

⁵ Даже заочно тебе повинуются, Кинфия, ветры:
Видишь, какую грозой буря угрюмо шумит.

Иль никакая Судьба не придет усмирить ураганы?
Что ж, этот скудный песок станет могилою мне?

¹⁰ Все же проклятья свои смени на мольбы о несчастном,
Раз покарала меня ночь и коварная мель!

Или ты можешь без слез подумать о том, что я гибну
И что ты кости мои не понесешь на груди?

Будь же ты проклят, пловец, ладью изобретший и парус
И по враждебным волнам первый пустившийся в путь!

¹⁵ Право, не легче ль сносить было б нрав госпожи своевольной —
Пусть и жестока со мной, но несравненна она,—

Чем наблюдать берега, незнакомым поросшие лесом,
И Тиндаридов во мгле жадно, но тщетно искать?

О, если б дома судьба страдающаи мои схоронила
20 И над любовью моеи камень надгробный стоял,
Милые пряди волос принесла б она в дар погребальный
И на подстилку из роз кости сложила б мои,
Имя мое назвала б, выкликаая над прахом могильным,
Чтобы земля на меня бременем легким легла.
25 Вы же, о нимфы морей, Дориды-красавицы дети,
Ветру, попутному нам, дайте надуть паруса:
Если крылатый Амур и к вашим волнам прикасаясь,
К тихим тогда берегам другу вы дайте пристать.

XVIII

Эти пустыни молчат и жалоб моих не расскажут,
В этом безлюдном лесу царствует только Зефир:
Здесь я могу изливать безнаказанно скрытое горе,
Коль одинокий утес тайны способен хранить.

⁵ Как же мне, Кинфия, быть? С чего мне начать исчисленья
Слез, оскорблений, что ты, Кинфия, мне нанесла?
Я, так недавно еще счастливым любовником слывший,
Вдруг я отвергнут теперь, я нежеланен тебе.
Чем я твой гнев заслужил? Что за чары тебя изменили?

¹⁰ Иль опечалена ты новой изменой моей?
О, возвратись же скорей! Поверь, не топтали ни разу
Мой заповедный порог стройные ножки другой.
Хоть бы и мог я тебе отплатить за свои огорченья,
Все же не будет мой гнев так беспощаден к тебе,

¹⁵ Чтоб не на шутку тебя раздражать и от горького плача
Чтоб потускнели глаза и подурнело лицо.
Или, по-твоему, я слишком редко бледнею от страсти,
Или же в речи моей признаков верности нет?

Будь же свидетелем мне,— коль знакомы деревья с любовью,
Бук и аркадскому ты милая богу сосна!
О, как тебя я зову под укромною тенью деревьев,
Как постоянно пишу «Кинфия» я на коре!
Иль оскорбленья твои причиняли мне тяжкое горе?
Но ведь известны они лишь молчаливым дверям.
Робко привык исполнять я приказы владычицы гордой
И никогда не роптать громко на участь свою.
Мне же за это даны родники да холодные скалы,
Должен, о боги, я спать, лежа на жесткой троне.
И обо всем, что могу я в жалобах горьких поведать,
Должен рассказывать я только певуньям лесным.
Но какова ты ни будь, пусть мне «Кинфия» лес отвечает.
Пусть это имя всегда в скалах безлюдных звучит.

XIX

Нет, не боюсь я теперь, моя Кинфия, Манов унылых
И не заботит меня мой погребальный костер;
Лишь бы по смерти моей любовь ты свою не забыла.—
Страха смерти сильнее этот гнетет меня страх.

⁵ Ах, не затем заглянул мне в глаза легкомысленный мальчик,
Чтоб мой прах позабыл о нерушимой любви!

Там, на том свете, герой Филакид о супруге любимой
Помнил всегда и забыть в темном жилище не мог,

Но, чтоб отрады своей хоть призраком пальцев коснуться,

¹⁰ Он — фессалийская тень — в древний вернулся дворец.

Там я, кем бы ни стал, прослыву тебе верною тенью:

Чувство мое перейдет даже и смерти предел.

Там пусть сойдется весь хор героинь прекрасных, которых

Отдал аргивским мужам некогда Трои разгром,

⁵ Но ни одной среди них милее тебя не найду я,
Кинфия, — так да решит суд справедливой Земли.

Как бы ни долго жила ты в старости волею рока,

Даже и кости моим дороги будут слезам.

Если живая ты так к моему относилась бы праху,
20 То никакая бы смерть мне не была тяжела.
Как я боюсь, что тебя от моей позабытой могилы
Вовсе принудит уйти, Кинфия, злобный Амур
И своевольно твои осушит текущие слезы!
Верности женской невмочь выдержать силу угроз.
25 Будем же радостно мы отдаваться любви, пока можно:
Не долговечна, увы, а мимолетва любовь.

XX

Ради любви нашей, Галл, тебе совет подаю я.

Следуй ему и его на ветер ты не пусти:

Часто влюбленных судьба настигает неожиданным ударом.

Миниям страшный о том мог бы Асканий сказать.

³ Есть у тебя Гилас; он Фиодамантова сына

Напоминает, поверь, именем и красотой.

Будешь ли плыть по реке, сквозь лес тенистый текущей,

Иль Аниена волной ноги промочишь себе,

Будешь ли мирно бродить по тропам Побережья Гигантов

¹⁰ Или же возле любой сядешь реки отдохнуть,—

Всюду его береги, защищая от нимф похотливых,—

Страсти горят не слабей у авзонийских дриад.

Чтоб не пришлось тебе, Галл, постоянно блуждать по холодным

Скалам, по диким горам, меж незнакомых озер,

¹⁵ Горький познавши удел, Геркулесу знакомый, когда он

В странах безвестных рыдал перед Асканием злым.

Есть ведь преданье, что встарь из Пагасской гавани Арго

В дальний направился край, путь свой на Фасис держа.

Вот, уже миновав Афамантиды волны, к Мисийским

²⁰ Вышел утесам и к ним быстрый причалил корабль.

Здесь героев отряд, сойдя на спокойную землю,
Стал устилать берега мягким покровом листвы.
Спутник же дальше ушел от непобедимого мужа,
Думая свежей водой в скрытых ручьях запастись.
25 Следом пустились за ним Аквилона проворные дети:
Реет над ним Калаид, реет и кружится Зет.
Руки к нему протянув, поцелуи стремятся похитить,
Навзничь летя, целовать жаждет и тот и другой.
Он ускользает от них, хватая за кончики крыльев
30 И отражает, борясь, веткой воздушный набег.
Вот уж отстали птенцы Орифии Пандионий,
Да, но на горе Гилас к гамадриадам идет!
Здесь, под вершиной горы Арганта, Пега струилась,
Влажный давая приют нимфам Финийской земли;
35 Низко висели над ней, ни в каком не нуждаясь уходе,
Грозди росистых плодов, скрытых в древесной листве.
Там на поемном лугу подымались лилии всюду
Белые, а среди них алые маки цвели.
То по-мальчишески он их нежным ногтем срезает,
40 Предпочитая цветы прежней задаче своей;
То, беззаботно склонясь над красивой струею потока,
Бродит, любуясь своим образом милым в воде.
Вот он готов зачерпнуть, он ладони в поток опускает,
Правой рукой опершись, тащит он полный кувшин.
45 Воспламеняются тут его плеч белизною дриады,
Все в восхищении свой вечный забыв хоровод;
Мальчика тянут они тихонько в податливых струях.
Вскрикнул Гилас, и уже тело его под водой.
Издали кличет в ответ Алкид, но на все его зовы
50 Ветер с потока несет имени отзвук один.
Этим наученный, Галл, охранишь своего ты любимца:
Нимфам попасться и твой может красавец Гилас.

XXI

Ты, что стремишься спастись от беды соучастников грозной,
Воин, бегущий в крови прочь от этрусских валов,
Ты, что от стонов моих отвращаешь прилупшие очи,—
Помни: соратник и я ваших военных трудов.

⁵ Пусть о спасенье твоём веселится родителей сердце;
Пусть по рыданиям твоим правду узнает сестра,
Правду о том, как Галл, избежавший цезарских копий,
Все ж уберечься не смог от неизвестной руки,—

И, на какие б она ни наткнулась разъятые кости,
¹⁰ Здесь, на этрусских горах, пусть в них признает мои.

XXII

Кто я, откуда мой род, и где наш дом находился,
Просишь ты, Тулл, рассказать, помня о дружбе с тобой.
Верно, знакомы тебе в земле Перузинской могилы —
Родины кладбище то в черный Италии день,

⁵ В день, когда Рим поднимал на усобицу злую сограждан.
(Ты, о Этрурии пыль,— главное горе мое,

Ты потерпела тогда, чтоб валялись родные останки,
Тело несчастного ты горстью не скрыла земли.)

¹⁰ Знай же, меня породил граничащий с областью этой
Край плодородных полей, Умбрии благостный край.

I

Знать вы хотите, зачем про любовь пишу я так много
 И почему так легко вслух мою книгу читать.
 Ни Каллиопа, ни бог Аполлон мне стихов не внушают,
 Нет, вдохновляет меня милая только моя.

⁵ Если увижу ее в блистательной косской одежде,—
 Косскою тканью одной свиток заполнится мой;
 Если у ней на челе я замечу волос беспорядок,—
 Радуюсь, будет ходить гордо в воспетых кудрях;
 Если коснется до струн перстами кости слоновой,—
¹⁰ Я изумляюсь ее ловким, искусным рукам;
 Если же дрема смежит ее усталые глазки,—
 Сыщет поэт для стихов тысячу новых причин;
 Если нагая со мной затеет борьбу за одежду,—
 Буду я рад сочинять целые тьмы «Илиад»;

¹⁵ Что б ни сказала она и что бы ни сделала, тотчас
 Из пустяка у меня длинный выходит рассказ.
 Будь мне дано, Меценат, судьбою столько таланта,
 Чтобы героев толпу мог я на брани вести,

Я не Титанов бы пел, не Оссу над вышним Олимпом,
20 Не взгроможденный над ней путь к небесам — Пелиоп,
Древних не пел бы я Фив, ни Трои, Гомеровою славы,
Не вспоминал бы, как Ксеркс слиться двум водам велел
Или как царствовал Рем, не пел бы высот Карфагена,
Мария доблестных дел, кимвров свирепых угроз:
25 Цезаря я твоего труды восхвалял бы и войны,
Ну, а за Цезарем вслед ты был бы мною воспет.
Мутину вспомнив не раз и сограждан могилу — Филиппы,
Петь сицилийских судов бегство я был бы готов,
Или разгром очагов старинного рода этрусков,
30 Или фаросского пел берега смелый захват,
Пел бы Египет и Нил, который, во град приведенный,
В изнеможении нес семь своих скованных вод,
Или актийских носы кораблей на Священной дороге,
Или же выи царей пел в золоченых цепях:
35 Муза б моя и тебя в этих подвигах бранных воспела,
В мирные дни и в бою Августу преданный друг.
В царстве подземном Тезей, Ахиллес превозносит в небесном —
Иксioniда один, Менетиада другой.
Но ни Юпитеров бой на Флегрейских полях с Энкаладом
40 Голосом громким воспеть и Каллимаху невмочь;
Ни у меня пету сил в груди, чтоб стихом величавым
Цезаря славить в ряду предков фригийских его!
Пахари всё о волах, мореход толкует о ветрах,
Перечисляет солдат раны, пастух же — овец;
45 Я же всегда говорю о битвах на узкой постели:
Кто в чем искусен, пускай тем и наполнит свой день.
Славно в любви умереть, и славен, кто страстью единой
Мог наслаждаться; когда б милой владел только я!
Помнится мне, что она легкомысленных дев осуждает,
50 Всю «Илиаду» бранит из-за Елены одной,

Пусть мне пригубить дадут из чаши мачехи Федры,
Чаши, что пасынку встарь не причинила вреда,
Пусть отравляют меня волшебным зельем Цирцеи
Или в колхидском котле жгут на иолекском огне,—
55 Но раз всю душу свою одной я единственной отдал,
Пусть лишь из дома ее вынесут тело мое.
Все недуги людей исцелять помогает лекарство,
Только страданья любви вовсе не терпят врачей.
Вылечил встарь Махаон Филоктету распухшие ноги,
60 Также Хирон Филлирид Фениксу зренье вернул;
Критскими травами бог Эпидаврский вернул Андрогее
К жизни и вновь возвратил отчим его очагам;
И, получивши в бою от коня гемонийского рану,
Был тем же самым коньем юный миснеец спасен.
65 Если ж кто рану мою исцелить оказался бы в силах,
Он бы и Танталу мог яблоко в руку вложить,
И Данаидам помочь наполнить бездонную бочку,
С нежных девичьих плеч урны тяжелые сняв;
И от кавказской скалы отвязал бы он Прометею
70 Руки его и согнал птицу, клюющую грудь.
В день, когда наконец востребуют жизнь мою судьбы
И на могильной плите стану лишь именем я,
Ты, Меценат, краса и зависть всех всадников наших,
Верная слава моя в жизни и смерти моей,
75 Если тыпустишься в путь на британской резной колеснице
Мимо могилы моей, то придержи лошадей
И со слезою скажи, обращаясь к безмолвному праху:
«Горьким уделом была гордая дева ему».

II

Стал я свободен, и мне захотелось пожить без любовниц,
Но перемирие вновь дерзко нарушил Амур.

Место ли здесь на земле такой красоте несравненной?

Старых, Юпитер, твоих не признаю я проказ.

⁵ Станом высоким стройна, белокура, пальчики тонки,
Шествует гордо — под стать и Громовержца сестре
Или Палладе самой, в свой храм Дулихийский грядущей,
Змееволосой себе скрывшей Горгоною грудь.

Как Исхомаха она, героиня из рода лапифов,

¹⁰ Та, что кентаврам хмельным сладкой добычей была,
Или подобна Бримо, что Меркурию встарь, по преданью,
Возле бебейской волны девственный стан отдала.

Так отступите пред ней, богини, которых на Иде

Некогда видел пастух, как раздевались они.

¹⁵ О, если б старость лица не могла изменить ей, хотя бы
Кумской пророчицы век ей суждено было жить.

III

Хвастался ты, что тебя ни одна уж завлечь не сумеет,—
Вот и попался ты в сеть. Где самомнение твое?
Только на месяц тебе и досталась, бедняк, передышка,
И уж позоришься ты книгой второю стихов.

5 Думал я, сможет ли жить на высохшей отмели рыба
Иль непривычный к воде в море жить дикий кабан;
Сам я могу ли всю ночь проводить за серьезной работой?
Нет! Лишь отсрочить любовь можно, убить же нельзя.

10 Но я не столько пленен лицом, хоть оно и прелестно
(Лилии цвет не белей нежной моей госпожи.
Словно Меотии снег с иберийским в ней суриком спорит,
Или же роз лепестки в чистом плывут молоке),
Не волосами ее, что, как припято, выются вокруг шеи,
И не сверканьем очей, светочем звездным моим,

15 Даже не тем, что у дев сияет сквозь шелк аравийский
(Ведь не влюбился же я так горячо в пустыжи!),
Нет, но тем, как она танцует, плененная Вакхом,—
Так Ариадна вела бойкий, ликующий хор,—

Тем, что когда ее плектр эолийский пению вторит,
20 Звонкая лира тогда аганиппейской равна,
Тем, что поспорит легко стихами с древней Коринной,
И далеко превзошла их она в песнях своих.
Уж не чихнул ли тебе при рожденье Амур светлоликий,
Дням твоим первым подав, жизнь моя, добрую весть?
25 Эти подарки с небес ниспослали всевышние боги,
Этих небесных даров, знай, не дала тебе мать.
Нет, не людской нищете породить дарованья такие,
Благам таким не созреть в десятимесячный срок.
Славою римских дев ты единая в мир народилась,
30 Первой Юпитер тебя, римскую деву, возьмет,
Ложе людское делить со мной не вечно ты будешь,
После Елены опять прелесть на землю пришла.
Так удивляться ли мне, что юноши наши пылают?
Было бы Трое славней из-за тебя погибать!
35 Я изумлялся порой, что Европа с Азией биться
К стенам Пергама пришла из-за одной лишь жены,
Ну, а теперь, Менелай и Парис, вы оба премудры:
Ты — что ее отнимал, ты — что ее не давал.
Да, она так хороша, что и сам бы Ахилл согласился
40 Ради нее умереть, да и Приам воевать.
Если бы кто захотел превзойти живописцев старинных,
Пусть он себе образцом ставит мою госпожу:
Странам ли западным иль восточным ее он покажет,—
Он разожжет и Восход, он разожжет и Закат.
45 В этих пределах бы мне и держаться... Но что, коль другая —
Нет, пусть я лучше умру! — мной овладеет любовь?
Но как быки, что сперва из плуга отчаянно рвутся,
А, покоровшись, потом кротко идут под ярмом,
Так и влюбленный: сперва он в оковах неистово бьется,
50 Ну, а потом исполнять все он причуды готов.

Твердо сносил прорицатель Меламп позорные цепи,
Будучи пойман как вор, кравший Ификла коров;
И не корыстью он был покорен, но Перó красотою,
И Амифаона сын скоро взял в жены ее.

IV

Часто твоя госпожа досаждать тебе будет сначала,
Часто ты будешь просить, часто уйдешь со стыдом,
Будешь нередко ты грызть ни в чем не повинные погги
И в раздраженье не раз топать со злости ногой.
5 Я понапрасну себе помадил волосы, зря я
Шел, замедляя шаги, и потихоньку входил.
Тут не поможет тебе ни трава, ни ночная Китея,
Ни Перимеды рукой сваренный зелий отвар.
Ибо, где мы усмотреть не можем причины болезни,
10 Как в темноте мы искать будем источник ее?
Здесь уж не нужен ни врач, ни мягкое ложе больному,
Ветер, напасть е ему вовсе уже не вредят.
Ходит себе он и вдруг друзей изумит своей смертью:
Неосмотрителен тот, кем овладела любовь!
15 Живых каких колдунов не стал я желанной добычей?
Иль не толкуют мне сны ведьмы на десять ладов?
Только врагу своему пожелаю любить я красавиц,
Мальчика лучше пускай любит мой искренний друг.

Вниз по спокойной реке поплывешь в челноке безопасно:

20

Страшны ли волны, коль ты к берегу можешь пристать?

Словом одним ты его всегда легко успокоишь,

Сердца же той не смягчит даже кровавый поток.

V

Правда ли, Кинфия, ты по всему прославилась Риму

И не скрывашь ничуть жизни распутной своей?

Мог ли я этого ждать? Вероломная, ты мне залатишь:

Кинфия, ведь и меня ветер способен умчать.

⁵ Знай,— отыщу я себе среди многих обманщиц такую,
Что пожелает в моих песнях прославленной быть,

Правом неспособным меня не замучит, тебе на досаду,

Ты же, хоть поздно, всплакнешь, долгую вспомнив любовь!

Надо скорей разойтись, скорей, пока я разгневан:

¹⁰ Стоит досаде пройти,— право, вернется любовь.

Вдруг перекрасить нельзя Аквилонам Эгейские волны,

Светлой не сделает Пот тучу внезапно, но вот

Слово одно — и опять улыбается гневный любовник —

Выдался случай,— скорей сбрасывай с шеи ярмо!

¹⁵ Право, одна только ночь тебе и будет тоскливой:

Всякая мука любви, коль перетерпишь,— легка.

Ты ж, умолию тебя я нежным законом Юноны,

Не повреди, моя жизнь, собственной спесью себе.

Ведь не один только бык кривыми рогами бодает,
20 По нападение врага может отбить и овца.
Я ни одежды тебе не сорву с вероломного тела,
Ни твоей двери в сердцах не расшибу запертой,
Я не вцеплюсь вне себя в твои заплетенные косы
И не посмею побить грубым тебя кулаком:
25 Только мужик, головы плющом никогда не венчавший,
Не постыдится с тобой в драку такую полезть.
Лучше уж я напину, чего во всю жизнь не сотрешь ты:
«Кинфия — верх красоты, Кинфия — ложь и обман».
Верь мне, хоть ты свысока и смотришь на всякие сплетни,
80 Ты поблднеешь, прочтя, Кинфия, этакий стих.

VI

Нет, не толпилися так во дворе у эфирской Ланды,
В двери которой ломясь, Греция вся полегла;
Большей не знала толпы ни Таида Менандра, которой
Так увлекался всегда эрихтонийский народ,
5 Ни от бесчисленных мужей настолько богатая Фрина,
Что помогла возродить стены разрушенных Фив!
Мало тебе! Ты себе и поддельных родных измышляешь,
Многим на свете дано право тебя целовать.
Ах, обижают меня портреты, и юношей клички,
10 И бессловесный малыш в крохотной люльке своей;
Ах, оскорбительно мне, если мать тебя часто целует,
Если подруга, сестра спит на постели твоей.
Все оскорбляет меня: я трус (извини мою трусость!),—
Вижу и в женщинах я переодетых мужчин.
15 Слышно, с пороков таких в старину разгорались сраженья,
Смертоубийственный бой в Трое отсюда пошел.
Тот же недуг охватил и кентавров, когда Пирифоя
В диком припадке они кубками начали бить.

Что мне примеров искать у греков? Ты вождь преступлений,
20 Ромул,— вскормили тебя хищной волчицы сосцы.
Ты научил, как украсть безнаказанно чистых сабинок;
Из-за тебя в наши дни в Риме беспуден Амур.
Славься, Адмета жена и брачное ложе Улисса,
Каждая славься жена, верная мужу навек.
25 Что за нужда для жен воздвигать Целомудрию храмы,
Если любая из них быть чем угодно вольна?
Тот, кто впервые писать непристойные начал картины,
Гнусности все напоказ выставив в чистых домах,
30 Тот без стыда развратил простодушные девичьи глазки
И в ненотребства свои их захотел посвятить.
Стонет пускай под землей, кто таким искусством посеял
Столько раздоров, укрыв их под личиной утех!
Прежде стены домов не так расписаны были,
И соблазнительных там не было видно картин.
35 Видно, недаром теперь паутина опутала храмы,
Лики забытых богов сорной травой поросли!
Грозных каких сторожей у порога тебе я поставлю,
Чтобы его преступить вражья нога не могла?
Нет, против воли твоей бессильна угрюмая стража,
40 Сторож не нужен для тех, Кипфия, кто не блудит.
Нет, ни жене разлучить, ни любовнице нас не под силу:
Вечной любовницей мне, вечной ты будешь женой.

VII

Кинфия, рада теперь ты, конечно, отмене закона:
Долго ведь плакали мы после издания его,—
Как бы он нас не развел. Но, впрочем, Юпитеру даже
Любящих не разлучить против желанья их.
5 Правда, Цезарь велик, но величие Цезаря в битвах:
Покорены племена, но неокорна любовь.
С плеч себе голову снять, поверь, я скорей бы дозволил,
Нежели ради жены факел любви погасить
Или, женившись, пройти у твоей затворенной двери
10 И об измене своей горькие слезы мне лить.
Ах, какие тогда нагнала б тебе сны моя флейта,
Более скорбная, чем звук похоронной трубы!
Есть ли мне смысл нарождать детей для отчих триумфов?
Кровь моя ни одного воина не породит.
15 Вот если б я воевал в защиту и честь моей милой,—
Мал показался бы мне Кастора конь-великан.
Этим-то имя мое и списало громкую славу,
Славу, какая дошла до борисфенских снегов.
Только тебя я люблю, люби меня, Кинфия, так же:
20 Будет мне эта любовь даже потомства милей.

VIII

Ту, что давно я люблю, из рук у меня вырывают,
Ты же, мой друг, не даешь горестно плакать о том.
Кроме раздора в любви, никакая вражда не печалит:
Лучше убей ты меня, это я легче снесу!

⁵ Как перенести, коль увижу ее в объятьях другого?
И не своей назову ту, что моею была?

Знаю: меняется все. И любовь меняется тоже:
Или победа иль смерть в круговороте любви.

Много великих вождей и владык великих погибло.

¹⁰ Фивы когда-то цвели, мощною Троя была.

Сколько даров я принес и сколько стихов написал я!

Но непреклонная мне не прощентала «люблю».

Сколько лет я терпел холодность твою безрассудно

И без упрёка сносил рабство свое и тебя!

¹⁵ Разве меня хоть раз сочла ты свободным? Доколе

Будешь меня осыпать градом презрительных слов?

Стало быть, в юных годах погибнуть ты должен, Пронердий?

Что же, умри! А ее пусть твоя смерть вестит!

Душу пусть мучит мою и тень преследует злобно,
20 Пусть оскверняет костер, кости пусть топчет мои.
Иль беотиец Гемон над могильным холмом Антигоны
Разве меча своего, горестный, в грудь не вонзил,
Разве костей не смешал с костями девы несчастной,
Не пожслав без нее в отчие Фивы идти?
25 Но не уйдешь от меня, умрешь ты со мной неизбежно:
Кровью твоей и моей должен быть меч обагрен.
Хоть для меня эта смерть и будет позорною смертью,
В смерти позорной моей сгинешь со мною и ты.
Даже и славный Ахилл, любимой подруги лишенный,
30 Бросил оружие свое праздно валяться в шатре.
На побережье морском он видел бегущих ахейн,
Видел, как Гектор поджег факелом лагерь дорян,
Видел растерзанный труп Патрокла на поле сраженья,
Как разметались его кудри в кровавом песке.
35 Все перенес он в тоске по прекрасной своей Брисеиде:
Вот как терзает сердца боль разоренной любви!
Но, когда пленницу вновь запоздалая кара вернула,
На гемонийских конях Гектора он повлачил.
Так как я ниже его и по матери и по оружию,
40 Диво ль, что вправе Амур торжествовать надо мной?

IX

- Тем, кем он стал, я нередко бывал; но случай — и мигом
Этого выкинут вон, станет милее другой.
- Двадцать лет Пенелопа смогла прожить одиноко,
Хоть и достойна была всех женихов без числа;
- ⁵ Свадебный день оттянуть помогла ей обманом Минерва:
Все распускала она за ночь, что соткано днем.
Хоть не надеялась вновь она увидаться с Улиссом,
Но ожидала его все же до старости лет.
- И Брисеида, обняв бездыханное тело Ахилла,
¹⁰ Горестно белую грудь била безумной рукой;
И окровавленный труп своего господина омыла
На Симонте песке желтой струю воды,
Волосы пеплом себе покрыла она и Ахилла
Мощные кости своей слабой рукой подняла.
- ¹⁵ Не было тут ни Пелея, ни матери, нимфы лазурной,
Да и скиросской вдовы Деядами с тобой.
Греция в те времена детьми справедливо гордилась,
Даже на бранных полях жил благодетельный стыд.
- Ты ж не смогла переждать, безбожница, ночи единой,
²⁰ Дня одного не смогла ты одиноко прожить!

Больше того: хохоча, вы кубки с ним осушали,
Может быть, и надо мной вы насмехались вдвоем.
Ищешь теперь ты того, кто первый сам тебя бросит:
Пусть же — о боги! — тебе дан будет этаким муж.
25 Все это мне от тебя — за молитвы мои о спасенье
В дни, как твоей головы Стикса коснулся ручей
И у одра твоего мы — друзья — стояли, рыдая.
Молви мне, ради богов, где был, изменница, он?
30 Что, если б я, как солдат, задержался у Индов далеких
Иль в Океане корабль остановился бы мой?
Но вам легко сочинить и речи свои, и обманы:
В этом лишь деле одном женщина вечно хитра!
Сирт не меняется так в неверном ветров дуновенье,
Так не трепещет зимой бурей колеблемый лист,
35 Как переменчивы все разгневанной женщины клятвы,
Будь ли причина важна, будь ли причина смешна.
Пыне, коль мило тебе такое решенье, — я сдамся.
Мальчишки, шлите в меня тучи отточенных стрел
Наперобой! Спасите меня от этакой жизни!
40 Кровь моя будет тогда высшей наградой для вас.
Звезды свидетели мне, и утренний иней, и двери,
Что открывались порою тайно, несчастному, мне.
В жизни милее тебя ничего для меня не бывало:
Будешь такой и теперь, хоть и враждуешь со мной.
45 Нет, ни одна госпожа к моему не приблизится ложу:
Коли не быть мне твоим, буду навеки один.
Если же вместе с тобой мы блаженные прожили годы,
Пусть в объятьях твоих окаменеет другой!
Знай же, фиванцев вожди в старину не злейшим оружием
50 На материнских глазах были убиты за власть.
Если б мне только пришлось с тобой перед девою сразиться,
Смерти бы я не бежал, лишь бы погибнуть тебе!

X

На Геликоне пора нам ныне слагать песнопенья
И гемонийских коней выпустить в поле пора.
Любо мне вспомнить теперь могучую конницу в битвах,
Любо мне римский воспеть лагерь вождя моего.

5 Если не хватит мне сил, наверное будет похвальна
Смелость: в великих делах дóрог дерзанья порыв.
Пусть молодежь воспевае́т любовь, пожилые — сраженья:
Прежде я милую цел, войны теперь воспою.

10 Ныне с поднятым челом хочу выступать я важнее
И на кифаре иной Муза мне будет играть.
Ввысь, о душа, вознесись от низменных песен; воспряньте,
О Пиэриды: теперь подвига просят уста.

Бросил хвалиться Евфрат парфянской конницей ловкой
И о захвате двоих Крассов жалест теперь;

15 Индия даже главу пред тобою, Август, склоняет,
Затрепетал пред тобой вольных арабов предел.
Если ж какой-нибудь край на конце утаился вселенной,
Скоро познает и он мощь твоей властной руки.

В этот я лагерь пойду. И, слава твой лагерь, великим
20 Стану певцом. Да хранят судьбы сей день для меня!
Как богомолец, главы не доставши у статуй высоких,
Робко к подножью кладет им принесенный венок,
Так, неспособный сейчас вознестись до хвалебного гимна,
Я на свой скудный алтарь ладан ничтожный кладу.
25 Песен своих я еще не черпал в источниках Аскры,
Лишь из Пермесса всегда воду давал мне Амур.

XI

Будь ты воспета другим иль будь неизвестна — не важно:
Пусть тебя хвалит, кто рад зерна кидать на песок.
Верь мне, все груды даров с собой унесет на носилках
Сразу же сумрачный день, день роковой похороп.
⁶ Мимо останков твоих пройдет без внимания странник,
И не промолвит никто: «Здесь поэтесса лежит».

XII

Кто бы впервые ни дал Амуру обличье ребенка,—
    Можешь ли ты не назвать дивным его мастерство?
Первый ведь он увидал, что влюбленный живет безрассудно,
    Ради пустейших забот блага большие губя.
5 Он же Амура снабдил и парюю крыльев летучих,
    И человечьих сердец легкость он придал ему:
Право же, носимся мы всю жизнь по изменчивым волнам,
    Нас то туда, то сюда ветер все время влечет.
Держит рука у него, как и должно, с зазубриной стрелы,
10 И за плечами стрелка гносский привязан колчан:
Мы и не видим его, а он уже ранил беспечных,
    Из-под ударов его цел не уходит никто.
Стрелы засели во мне, засел и реблеческий образ;
    Только сдается, что он крылья свои потерял,
15 Нет, из груди у меня никогда он, увы, не умчится
    И бесконечно ведет войлы в крови у меня.
Что же за радость тебе гнездиться в сердцах иссушенных?
    Стрелы в другого мечи, если стыда не забыл!

На повичках твой яд испытывать, право же, лучше:

Ведь не меня ты, мою мучаешь жалкую тень;

Если погубишь ее, кто другой воспевать тебя будет?

Легкая Муза моя славу тебе создает:

Славит она и лицо, и пальцы, и черные очи

Той, что ступает легко нежною ножкой своей.

XIII

В Бактрах столько бойцы ахеменовых стрел не готовят,
Сколько мне их Амур в грудь остриями вонзил!
Настрою впредь запретил излишних муз презирать он
И среди них повелел в роше Аскрейской мне жить,—
5 Не для того, чтоб дубы пиэрийские мне подчинялись
Или с исмарских долин мог я зверей уводить,—
Нет, но скорей для того, чтоб дивить мою Кинфию песней:
Тут инахийского б я славою Лина затмил.
Но привлекает меня отнюдь не красивая внешность
10 Женщины и не ее гордость делами отцов;
Сладко мне было б читать в объятьях разумницы милой,
Чей утопченнейший слух песни оценит мои.
Этого лишь бы достичь, а смутные толки народа —
Ну их; мне верным судьей будет моя госпожа.
15 Если вишла бы она и мир бы со мной заключила,
Вынес бы я без труда даже Юпитера гнев!
В час же, как темная ночь навски закроет мне очи,
Слушай, какой соблюдать надобно чин похорон:

Лики предков моих пусть не тянутся шествием длинным,
20 Пусть не возносит труба жалоб напрасных судьбе.
Незачем телу лежать на ложе из кости слоновой,
Незачем спать мертвецу на атталийском одре.
Пусть с благовоньями чаши не несут вереницей; пусть справят
При погребенье моем скромный плебейский обряд.
25 Хватит мне, хватит вполне, коль в процессии будут три книги:
Как величайший свой дар их Персефоне снесу.
Ты же, ты следом пойдешь, обнаженные груди терзая,
Ты не устанешь в тот день имя мое призывать,
Хладные губы мои прощальным живить поцелуем
30 Станешь, когда принесут с миррой сирийской опикс.
После того как зажженный костер превратит меня в пепел.
Пусть невеликий сосуд скроет останки мои,
Пусть посадят мне лавр на скромном холме погребальном,
Чтоб осенил он своей тенью могилу мою.
35 Два пусть напишут стиха: «Кто ныне лишь пепел холодный,
Был когда-то рабом, верным единой любви».
Эта гробница, поверь, не менее будет известна,
Чем обгаренный курган воина Фтийской страны.
В день, как достигнешь и ты рокового предела, припомни
40 Путь и, седая, приди к памятным этим камням,
Но и дотоль берегись забывать обо мне погребенном:
Знает и верно хранит вечную правду Земля.
Если б из трех сестер хоть единая мне повелела
С жизнью расстаться, когда в люльке еще я лежал!
45 Душу зачем сберегать для такого тяжелого часа?
Нестор, три века прожив, все ж превратился во прах.
Если бы вдруг сократил его долголетнюю старость
Фригии воин любой на илионских валах,
Видеть ему б не пришлось роковых похорон Антилоха
50 И восклицать: «О Смерть, что ты забыла меня?»

Ты же, однако, не раз оплачешь почившего друга:

Вечно любили ведь те, кто безвозвратно ушел.

Это нам та подтвердит, чей охотник — светлый Адонис —

Лютым убит кабаном на Идалийской горе:

55 Ведь говорят, когда этот лежал в болоте красавец,

Ты, о Венера, ушла в лес, распустив волоса.

Но воззовешь ты вотще, о Кинфия, к телу немому:

Что тебе смогут сказать бранные кости мои?

XIV

Не был в восторге таком Атрид при дарданском триумфе
В час, как низверглась во прах Лаомедонтова мощь;
Не ликовал так Улисс, свои закончив скитанья,
В день, как открылся ему милый Дулихия брег;
8 Или Электра сестра, увидев Ореста здоровым
После того, как она мнимый оплакала прах;
Иль Миноида, когда невредимым узрела Тезея,
Коего нить провела по Дедалийским путям,—
Сколько восторга я сам испытал пролетевшею ночью:
10 Стану бессмертным и я, коль повторится она!
Прежде, когда, повесивши нос, я ходил к ней с мольбою,
Право, я был для нее хуже пустого горшка,
Нынче ж не хочется ей надо мной издеваться надменно
И безучастно сидеть, глядя на слезы мои.
15 О, если б мог я узнать полезные сердцу приемы
Вовремя! Поздно теперь зелья давать мертвецу.
Ведь у меня, у слепца, под погами мерцала тропинка:
Только в безумстве любви нам ничего не видеть.

Вот в чем победы залог: научись презирать ты, влюбленный,—
20   Нынче сама прибежит та, что отвергла вчера.
Тщетно стучась у дверей, госпожу мою звали другие;
      Томной склонясь головой, милая льнула ко мне.
Эта победа моя мне ценнее парфянской победы,
      Вот где трофей, где цари, где колесница моя!
25   Дар на колонну твою возложу, Киферей, богатый,
      И от меня тебе там будут такие стихи:
«Дань перед храмом твоим, богиня, кладу я, Пронерций,—
      Ныне в блаженстве любви целую ночь проведу».
Молви, о свет мой, теперь: дойдет ли корабль мой сохранно
30   К пристани или на мель сядет с поклажей своей?
Если ж я в чем провинюсь и ты ко мне охладеешь,—
      Тотчас в преддверье твоём мертвым меня ты найдешь.

XV

О, я счастливец! И ты, о светлая полночь! О ложе,
Негой блаженных минут благословенный приют!
Сколько мы ласковых слов сказали при свете лампы,
Что за сраженья у нас происходили во тьме!

⁵ То она, грудь обнажив, со мною борьбу затевала,
То затихала совсем, тело туникой прикрыв.
Приподнимала она мои сном отягченные веки
Прикосновением уст: «Что же ты дремлешь, лентяй?»
Разнообразили мы так часто объятий сплетения!

¹⁰ Часто сливались уста в долгом лобзанье у нас!
Нехорошо оскорблять Венеру игрою вслепую:
Помни, что очи — в любви верные наши вожди.
Ведь, по преданью, Парис нагою спартанкой пленился
В час, как из спальни ушла от Менелая она.

¹⁵ Наг был Эндимион, когда Феба сестрой овладел он,
И, говорят, возлежал также с богиней нагой.
Если ж упрямисься ты, не желая в постели раздеться,
Знай, все покровы твои руки мои изорвут;
Если ж неистовый гнев меня увлечет еще дальше,

²⁰ Матери ты покажи руки свои в синяках.

Ведь не обвисли еще, мешая играть тебе, груди,—
Пусть поглядит на них та, что постыдилась рожать.

Страстью насытим глаза, покуда судьба дозволяет:

Близится долгая ночь, твой не воротится день.

25 О, если б цепь оплела нас, тесно друг к другу прильнувших,

И ни единый рассвет больше не смог развязать!

Голуби в страсти своей тебе да послужат примером:

Самка и с нею самец — брака живой образец.

Тот, кто безумствам любви конца ожидает, безумен:

30 У настоящей любви нет никаких рубежей.

Легче обманет земля хлебопашца невиданной пивой,

Солнце погонит скорей на небо черных коней,

Реки скорее начнут к истокам катить свои воды

И в пересохших морях рыба начнет засыхать,—

35 Нежели я свою страсть смогу перенести на другую:

Мною владеет живым, будет и мертвым владеть.

Если захочет она дарить мне такие же почы,

Год и единый сочту равным всей жизни моей;

Ежели много их даст, то стану тогда я бессмертным:

40 Каждого ночью одной в бога она превратит.

Если бы так же и все проводить свою жизнь захотели

И беззаботно лежать, отяжелев от вина,

В мире не стало б мечей, кораблей не нашлось бы военных,

В море Актийском костям римским лежать не пришлось,

45 И, утомившись в боях, над собой же справляя триумфы,

Не распускала б волос Рима седая глава.

Будут, наверно, нас потомки хвалить по заслугам:

Кубки наших пиров не оскорбляли богов.

Что же! Покуда жива, наслаждайся жизнью беспечно:

50 Все поцелуи отдав, все же ты мало их дашь!

Знай, как эти листки, что слетели с венков помертвевших

И, одиноко кружась, плавают в чаше вина,

Так вот и мы: хоть сейчас любовь так много сулит нам,

Может быть, завтрашний день будет последним для нас.

XVI

Вот из Иллирии к нам явился, Кинфи́л, претор,
Что за пожива тебе, что за терзания мне!
Как это он не погиб на скалах подводных Керавна?
Жертвы какие, Нептун, ты б от меня получил!

5 Вот и пошли без меня у вас и пиры и попойки,
Вот и отворсны всем двери всю ночь без меша.
Коли умна ты, спеши собирать изобильную жатву
И, не стесняясь, руно с глупой овцы состригай;
И наконец, когда он, поплатившись добром, обнищает,

10 Ты посоветуй ему к новым Иллириям плыть!
Знатность для Кинфии — вздор, почет никакой ей не пужет:
Ценен в любовниках ей только один кошелек.
Ты же печали моей на помощь приди, о Венера:
Пусть в сладострастии он мышцы себе надорвет.

15 Что же, здесь каждый любовь купить подарками может?
Только за деньги она губит, Юпитер, себя!
Вечно гоняет меня в океане разыскивать жемчуг,
Даже из Тира она требует ценных даров.

О, если б в Риме вовек не бывало богатых и даже
20 Сам повелитель у нас в скромном бы жил шалаше!
Мы бы тогда никаких продажных не знали любовниц
И не меняли б они дóма до старости лет.
Нет, не за то, что семь дней ты, забыв обо мне, почевала,
Гнусного мужа в своих белых сжимая руках,—
25 Горько не это, поверь, а то, что всегда с красотою
Тесную дружбу ведет в женщинах ветреный нрав.
Бедрами резво трясся, явился откуда-то варвар;
Миг — и счастливцев в руках держит все царство мое!
Вспомни, к чему привели роковые дары Эрифилу,
30 Как новобрачной пришлось жутко Креусе сгореть.
О, неужель моих слез унять оскорбленье не сможет?
Иль от пороков твоих скорбь не исчезнет моя?
Сколько уж дней пронеслось, а я позабыл о театре,
О состязаньях, и мне Муза моя не мила.
35 Стыдно мне, стыдно, клянусь; но, может быть, это и правда,
Что недостойная страсть к доводам всяким глуха.
Вспомни вожди, что когда-то потряс Актийское море
Шумом пустым и обрек на смерть когорты свои.
Вспять обратить корабли бесславная страсть повелела
40 И за царицей бежать к самому краю земли.
Вот в чем Цезаря честь и вот в чем Цезаря слава:
Меч обнажил он и сам в ножны вложил, победив.
Только каких бы одежд, и каких бы тебе изумрудов,
И золотистых каких он бы топазов ни нес,—
45 Пусть я увижу, как их разносят свирепые бури,
Пусть они пылью тебе, пусть они станут водой!
Нет, не смеется всегда над изменой влюбленных Юпитер,
Не постоянно же глух он остается к мольбам.
Видела ты, как порой в громах содрогается небо
50 Или с эфирных высот молния рушится вниз?

Тут ни Плеяды, ни сам Орион неповинен дождливый,
Не без причины разит молнии гневный удар;
Этим привык неизменно карать неверных любовниц
Некогда плакавший сам, ими обманутый бог.
55 И потому не гонись так жадно за платьем сидонским,
Чтоб не робеть, когда Австр на небе тучи сгустит.

XVII

Клятвой влюбленному лгать, с ним ночь провести обещал,
Это — в невинной крови руки свои обагрять.

Вот мой обычный припев! Я не раз в одинокие ночи,
С боку на бок вертась, глаз не смыкая, лежал.

5 Хоть бы растрогал тебя над рекой изнывающий Тантал,
Чью воспаленную грудь лживая дразнит вода;
Хоть бы тебя поразил Сизифа труд непомерный,
Что́ на вершину горы тяжкую ношу влачит.

Все ж на земле ничего нет ужаснее доли влюбленных;

10 Если ты это поймешь, побережешься любви.

С завистью все лишь недавно меня называли счастливым,—
Ныне лишь раз в десять дней принят бываю с трудом.

В пропасть с утеса теперь охотно я брошусь, злодейка,
Собственноручно готов яда себе натолочь.

15 Мне приходится спать на дорогах под холодной луною
Или сквозь щели в дверях нежные речи шептать!

Все же, хоть это и так, менять госпожу я не стану:
То-то заплачет она, верность мою оценив!

XVIIIa

Ненависть часто родят бесконечные жалоб потоки;
Если мужчина молчит — женщина сдастся скорей.
Если видал что-нибудь, упорно тверди, что не видел;
Если пришлось пострадать, муки свои отрицай.

6 Чтò, если 6 годы мои убелились уже сединою
И на иссохших щеках вяло морщины легли?
Не презирала, о нет, Тифонову старость Аврора,
Не покидала его сырым в восточной стране.

10 Часто ходила она, ласкала в объятиях нежных,
Не успевая коней выкупать и привязать,
И, обнимая его, почивая вблизи от индийцев,
Вечно роптала, сердясь на возвращение дня.

На колесницу всходя, немилость богов проклинала
И неохотно несла службу свою на земле;

15 Радости больше она от живого Тифона познала,
Чем испытала скорбей в час, когда умер Мемнон.
Дева прекрасная спать никогда не стыдилась со старцем
И целовать без конца белые кудри его;

Ты же, изменница, мной, ты юношей даже гнушалась,
20   Хоть и придется самой скоро старухою стать.
Что ж! Я терзаться теперь так сильно не стану: ведь часто
      Грозен к тому Купидон, с кем он был милостив встарь.

XVIII

- Что ты, в безумье пустом расписным подражая британцам,
Глянцем заморским, смеясь, волосы мажешь себе?
В виде природном своем прекрасно всякое тело;
Римское портит лицо красок заморских позор.
- ⁵ Множество мук под землей пусть женщину ту ожидает,
Что из бессмысленной лжи кудри меняет свои.
Что до меня — без труда ты мне можешь казаться прелестной:
Всех превзойдешь красотой, будь лишь почаще со мной!
- ¹⁰ Если окрасит виски себе женщина синею краской,
Станут ли нам потому синие лица милей?
Так как ведь нет у тебя ни сына, ни брата родного,
Буду я сыном твоим, буду и братом родным.
- Пусть твое ложе само тебя охраняет надежно,
Мазать так сильно лицо живою краской не смей!
- ¹⁵ Иначе я — берегись! — поверю сплетням и слухам:
Через поля и моря скачет мирская молва.

XIX

Хоть против воли моей ты, Кинфия, Рим покидаешь,
Рад я, что будешь одна жить в деревенской глуши:
Там, в непорочных полях, обольститель не явится юный,
Чтоб добродетель твою лживою речью смущать.

⁵ Там под окошком твоим не завяжется шумная ссора,
Сна не нарушит тебе чей-нибудь страстный призыв.
Кинфия, будешь одна глядеть на одни только горы,
И на стада и поля — бедных уделы селян;
Там никакие тебя соблазнить не смогут театры

¹⁰ Или же храмы — твоих место нередких проказ.
Там ты изо дня в день увидишь, как пашут волами
Иль как искусным серпом кудри срезают у лоз.
Изредка будешь носить в часовню убогую ладан,
В час, как на сельский алтарь жертвенный ляжет козел;

¹⁵ Ноги затем обнажив, подражать хороводу начнешь ты,—
Лишь бы не видел никто из посторонних мужчин.
Я ж на охоту пойду. Теперь мне нравится больше,
Снявши Венере обет, жертвы Диане носить.

Буду ловить я диких зверей, рога их на сосны
20 Вешать и лютых собак буду натравливать сам;
Но никогда не рискну нападать на львов-великанов
Иль в опрометчивый бой ринуться с дикой свиньей:
Право, довольно с меня отваги, чтоб брать боязливых
Зайцев и, взвивши стрелу, птиц поражать на лету
25 Там, где красивый поток Клитумн осеняет своею
Рошей и моет волной снежное стадо быков.
Ты, моя жизнь, всякий раз, как задумаешь что-нибудь, вспомни,
Что через несколько дней к двери приду я твоей.
Не в состоянии, поверь, помешать ни безлюдье дубравы,
30 Ни клокотанье ручьев, льющихся с мшистых вершин,
Имени чтоб твоего не склонял мой язык постоянно,—
Лишь бы вдали, за спиной, не навредил мне никто.

XX

Что же ты плачешь сильней Брисеиды отобранной? Что ты,
Робкая духом, грустишь, как Андромаха в плену?
Что безрассудно богам моей докучаешь изменой?
Что ты скорбишь о моей верности, сгнувшей вдруг?
Так над могильным холмом соловей не поет, заглушая
В Аттике плачем ночным листьев Кекроповых шум;
Так на смятенный Сипил не лютят Ниобы тщеславной
Слезы, потоком своим мѳя двенадцать могил.
10 Руки мне пусть закуют в оковы из меди тяжелой
Или в Данаин чертог тело мое заключат,—
Ради тебя, моя жизнь, разорву я и медные цепи,
И из Данаиной я выйду железной тюрьмы.
Злая молва про тебя стучится мне в уши глухие,—
Не сомневайся и ты в стойкости твердой моей.
15 Матери прахом клянусь, клянусь я родителя прахом
(Горе мне, если солгу: тяжек мне будет их прах!) —
Верным остаться тебе, моя жизнь, до загробного мрака:
Верность единая в нас, будет единой и смерть!

Если бы слава твоя, красота бы меня не пленяли,
20 Так удержать бы могла легкость служенья тебе
Вот уж седьмая давно протекла колея полнолуний,
Как про меня и тебя на перекрестках шумят;
Мне же порой под шумок так ласково дверь отворялась,
Мне удавалось не раз ложе твое посетить.
25 Не покупал я ночей обольщеньями ценных подарков:
Счастье мое создала щедрая милость твоя.
Многим желанна была, но ко мне одному ты стремилась,
Как же забыть я могу нежную душу твою?
Мучьте тогда вы меня, трагедий Эринии, ты же,
30 Грозный Эак, осуди страшным подземным судом;
Пусть в наказание пошлют мне коршунов Тития хищных,
Пусть мне придется тогда камень Сизифов тащить.
Не унижайся же впредь предо мной в умоляющих письмах:
Верность в последний мой день будет, как в первый, свежа.
35 Правило есть у меня: единственный в мире любовник,
Не начинаю я зря и не кончаю шутя.

XXI

Как же меня этот Панф оболгал тебе в своих письмах!

Пусть же Венера ему, Панфу, за то отомстит.

Но не кажусь ли тебе я пророком правдивей додонских?

Этот красавчик-то твой, — знаешь ли? — он ведь женат!

⁵ Сколько пропало ночей! Ну, не стыдно ли? Видишь, поет он.

Вольный. Ты веришь ему? Вот и лежишь ты одна!

Стала ты басней для них; и он уверяет нахально,

Будто, хоть он и не шел, ты поджидала его.

Пусть пропаду, коль ему чего-нибудь надобно, кроме

¹⁰ Как похвалиться тобой: вот он каков, этот муж!

Некогда странник Язон обманул колхидянку так же:

Выгнал ее, а в дому стала Креуса царить.

Так в свое время провел Калипсо дулихийский любовник:

Он на виду у нее поднял свои паруса.

¹⁵ Ах вы, красавицы! Верите всем вы, развесивши уши!

Бросят вас — будете знать цену своей доброте.

Кто же остался с тобой? Ты давно уже ищешь другого.

С первым науку пройдя, глупая, остерегись!

Я же повсюду с тобой, и твой я во всякое время,

²⁰ Будешь ли свежестью цвести, будешь ли тяжко хворать.

XXII

- Знаешь, вчера у меня на красавиц глаза разбежались,
Знаешь ты, Демофоонт, сколько мне горя от них.
На перекрестках нигде безнаказанно я не топтался,
Вечным соблазном, увы, был для меня и театр.
- 8 Будут ли белыми там изящно двигать руками
Или на всяческий лад что-нибудь там распевать,
Раны в то время себе глаза мои пристально ищут
Там, где иная сидит, белую грудь обнажив,
Там, где по ясному лбу струятся небрежные кудри
- 10 И не дает им упасть с камнем индийским игла.
Если ж презрительный взгляд я суровой красавицы встречу,
Пóтом холодным тогда мой покрывается лоб.
Спросишь ты, Демофоонт, почему же я так увлекаюсь,
Но на вопрос «почему» не отвечает любовь.
- 15 Руки иной почему себе ранит священным кинжалом
И под фригийский напев бьется, в бреду опьянев?
Каждому разный порок природою дан от рожденья,
Мне же, как видно, судьбой вечно влюбляться дано.

Пусть, как Фамира-певец, ничего не способен я видеть,
20 Но, мой завистник, не быть мне на красавиц слепым.
Если ж тебе я кажусь слабоватым каким-то и тощим,
Ты ошибаешься: я с честью Венере служу.
Можешь ты сам расспросить: убеждались красавицы часто,
Что я способен любить целую ночь напролет.
25 Вместе с Алкменой провел Юпитер две долгие ночи,
В небе две ночи подряд не было вовсе царя;
Но не расслабленным бог ко громам от нее возвращался.
Собственных сил никогда не истощает любовь.
Разве, когда Ахиллес отрывался от ласк Бризеиды,
30 Меньше фригиец дрожал пред фессалийским копьём?
Иль, когда Гектор вставал с постели своей Андрوماхи,
Разве микенцев суда не трепетали в бою?
Тот и другой корабли были в силах разрушить и стены:
Оба во мне — я Пелид, Гектор неистовый я.
35 Ты посмотри: небеса то луна освещает, то солнце, —
Вот точно так же и мне женщины мало одной.
Пусть же вторая меня согревает в объятиях пылких,
Если у первой себе места я вдруг не найду;
Или же, если одна на слугу моего разозлится,
40 Пусть она знает, что я страстно желанен другой.
Ибо на двух якорях корабль обеспечен надежней,
Меньше тревожится мать, если растит близнецов.

Коль холодна — откажи; а нет — приходи на свиданье!
Что за охота тебе попусту тратить слова?
45 Правду сказать, ничего для любовника нет нестерпимей
Той, что, надежду подав, вдруг отказалась прийти.
Как, с боку на бок вертясь на постели, он тяжело вздыхает,
Думая, где же она и почему не пришла?
Он донимает раба, повторяя все те же вопросы,
50 И заставляет сказать то, что боится узнать.

XXIII

Мне, кто старался бежать с дорог неотесанной черни,
Сладостна стала теперь даже из лужи вода.

Кто-нибудь знатный раба подкупает нередко чужого,
Чтоб обещанья его передал тот госпоже,

5 И повторяет вопрос: «В каком она портике нынче?»

Или: «На Марсовом где поле гуляет она?»

Это затем, чтоб, свершив, как у нас говорят, Геркулесов

Подвиг, в ответ получить: «Что же подаришь ты мне?»

Чтоб любоваться ты мог на сторожа кислую рожу

10 И, укрываясь, в его грязной каморке сидеть!

Да, и за целый-то год ты одну только ночь и получишь!

Ну вас совсем, коли вам дверь запертая мила!

Нет, только та, что гулять может вольно, отбросив накидку,

И никаких сторожей нет при ней,— та мне мила;

15 Что не боится башмак замарать на Священной Дороге

И не заставит совсем ждать, коли к ней подойдешь.

Мучить не станет она и, болтая, того не попросит,

Что тебе дать пожалел старый твой скряга-отец.

20 Не завопит: «Я боюсь! Вставай же скорей, умоляю:
Горе, сегодня ко мне муж из деревни придет!»
Те, каких мне Евфрат и каких мне Оронт присылает,
Эти по мне: не хочу робких, украденных ласк.
Право, теперь никакой не осталось любовникам воли:
Тот, кто захочет любить, сразу же станет рабом.

XXIVa

«Ты ль это все говоришь? Ты, прославленный собственной
книгой!

Ведь твою Кинфию здесь весь уже форум прочел.

Но от признаний таких чей лоб не покроется потом?

Где тут скрытность любви, где благородство стыда?»

5 Да! Если б Кинфия мне уделяла и нежность и ласку,

То не прослыл бы у вас первым беспутником я;

Я не ходил бы теперь ошельмованным в городе нашем,—

И хоть бы страстью пылал, имя свое бы я скрыл.

Не удивляйся же впредь, что ищу я охотно дешевых:

10 Эти бесчестят не так. Это, по-твоему, вздор?

То опахало ей дай из хвостов горделивых павлинов

Иль прохладительный шар в руки ты ей положи;

Я раздражен, так достань из слонового зуба ей кости,

Всякую дрянь, что блестит в лавках Дороги Святой!

15 Ах, да совсем, я клянусь, не в расходах тут дело! Но, право,

Стыдно игрушкой мне быть лживой своей госпожи.

XXIVb

Этим ли должен был я, по-твоему, так восторгаться?

Иль при твоей красоте можно и ветреной быть?

Ночь иль две ночи любви еще не успели промчаться,

Я же, как видно, уж стал в тягость постели твоей.

⁵ Ты ведь хвалила меня, стихи мои часто читала;

Так почему ж твой Амур вдруг от меня улетел?

Пусть в дарованье другой, пусть в искусстве со мною поспорит,

Пусть-ка научится он вечно подругу любить;

Если потребуешь ты,— пусть сразится с Лернейскою гидрой

¹⁰ И от дракона примчит плод гесперидских садов;

Ядом насытится пусть и волною кораблекрушенья,

И за тебя пострадать пусть не откажется он

(Если б, о жизнь моя, ты меня в тех трудах испытала!):

Трусом окажется вмиг неустрашимый хвостун,

¹⁵ Что похвалюбою достиг раздутого ныне почета.

Знай, наступающий год вам подготовит разрыв.

Но не изменит меня ни древний возраст Сивиллы,

Ни Геркулеса труды или погибели день.

Ты похоронишь меня и скажешь: «Здесь прах твой, Проперций,
20   Вот он! увы мне, увы! верен мне был только ты;
Верен ты был мне, увы, хоть и знатностью дедовской крови,
      Древностью рода, казной ты похвалиться не мог».
Все я готов претерпеть: меня не изменит обида,
      И от красавицы я всякую тягость снесу.
25 Верю, что многих из нас наружность ее покоряла,
      Да, но немногие ей были подолгу верны.
Только на краткий срок полюбил Тезей Миноиду,
      Филлиду — Демофоонт: оба коварно ушли.
Также Язонов корабль хорошо ты узнала, Медея:
30   Мужа спасла ты,— и вот он покидает тебя.
Та холодна, что дарит любовь притворную многим
      И отдается легко поочередно другим.
Не отдавай же себя ни знатым ты, ни богатым:
      Ведь ни один не придет кости твои хоронить.
35 Я лишь останусь с тобой; но лучше оплачь, умоляю,
      Ты меня, грудь обнажив и распустив волоса.

XXV

Мне появилась одна прекрасная в скорби утеха,
Раз, по веленью судьбы, смолкло: «Почаще ходи!»
Пусть ее образ затмит все другие в моих песнопеньях,
Если согласен ты, Кальв, если дозволишь, Катулл.
5 Воин в преклонных летах, доспехи сложив, отдыхает,
Вол престарелый в полях плуга не хочет влачить,
Остов гнилой корабля лежит на мелях пустынных,
Старый воинственный щит праздно во храме висит;
Но не отводит меня от любви к тебе даже и старость,
10 Хоть бы Тифоном самим, хоть бы я Нестором был.
Разве не легче служить жестокому было б тирану
Или в твоем мне быке мучиться, злобный Перилл?
Разве не легче застыть перед грозным ликом Горгоны
Или же яростный клюв птицы кавказской терпеть?
15 Все-таки я устою. Клинки железные точит
Ржавчина, камни долбит малая капля воды;
Но у порога моей госпожи любовь не тускнеет,
Все оскорбленья ее вынесет рта любовь.

20 Просит отверженный ласк, на себя преступленья возводит
Ею обиженный; вновь к милой безвольно спешит.
Ты ж, кто кичиться привык, легковерный, счастливой любовью,
Помни: у женской души нет постоянства в любви.
Кто же в смятении бурь обеты свои выполняет,
Ежели часто в порту гибнет разбитый челнок?

25 Или кто станет просить награды, не кончивши бега,
Прежде чем в круге седьмом столб обойдет колесо?
Ветер попутный в любви грозит вероломной игрою;
Страшной бывает беда, коль запоздает она.
Даже когда ты любим, ты все-таки будь осторожен,
30 Крепко замкнувши в груди, радость свою затаи:
Помни, ко всякой любви не в меру хвастливые речи,
Сам я не ведаю как, ей постоянно вредят.
Пусть она часто зовет, ты, помни, ходи к ней пореже:
Недолговечно, поверь, то, за чем зависть следит.

35 Были б теперь те века, что нравились женщинам древним,
Был бы я счастлив, как ты: временем я побежден.
Но и теперешний век мне нравов моих не изменит:
Каждому надобно знать путь, по какому идти.
Вы, что привыкли дарить любовной услугою многих,
40 Сколько мучений своим вы принесете глазам!
Видели девушку вы с белоснежною нежною кожей,
Видели смуглую вы: оба вам цвета милы.
Видели вы, как идет гречанка, гордая станом,
Видели наших: влечет вас одинаково к ним.

45 В платье ль плебейском она, в роскошный ли пурпур одета,—
Та и другая равно к мукам тебя приведет;
Если довольно одной, чтоб глаза ты бессонницей мучил,
Каждый найдет и в одной скопище всяческих зол.

X XVI

Видел я сон, моя жизнь: ты после кораблекрушенья
По ионийским волнам, силы лишаясь, плыла,
Ты во всех былых клеветах на меня признавалась
И приподнять не могла тяжких от влаги волос.
5 Так же с пурпурной волной боролась некогда Гелла,
С мягкой спины соскользнув золоторунной овцы.
Как я боялся, что вдруг назовут твоим именем море,
Что над твоею волной слезы прольет мореход!
Как я Нептуна молил, молил я и Кастора с братом,
10 Как умолял я тебя, о Левкотей, тогда!
Ты же, ладони свои из пучины едва поднимая
И утопая уже, имя твердила мое.
Если на глазки твои случайно бы Главк загляделся,
То в ионийских волнах нимфою быть бы тебе.
15 И Кимфое тогда лазурной и светлой Несее —
Всем Нерендам морей зависть внушала бы ты.
Но я увидел, дельфин спешит оказать тебе помощь,
Тот же, наверно, какой и Ариона спасал.

Вот уж с вершины скалы готов был я кинуться в море,
20 Как разогнал у меня все сновидения страх.

Пусть удивляются все моей над красавицей власти
Полной и пусть по всему Риму о том говорят.
Даже коль к ней притекут все богатства Камбиза и Креза,
Я не услышу: «Поэт, прочь от постели моей!»
25 Вслух мои строки твердит, говорит, что не терпит богатых;
Нет, ни одной не найти, чтоб так читала стихи.
Многое значит в любви постоянство, многое верность,
Тот же, кто многим дарит, многих готов полюбить.
Ежели милой моей захочется плыть через море,
30 Следом пушусь, и один ветер двух верных умчит,
Мы на одном берегу, под одной мы уляжемся кровлей
Дерева, будем мы пить из одного ручейка.
И на одной доске влюбленные могут улечься,
Будет ли ложем корма или же нос корабля.
35 Все я готов претерпеть: жестокий ли Эвр забушует,
Австр ли знобящий помчит парус неверным путем,
Бури ли те зашумят, что несчастного гнали Улисса
Или данайцев суда подле Евбейских берегов,
Или сойтись берега заставляли, когда аргонавтам
40 Голубь дорогу открыл по незнакомым морям.
Словом, коль с глаз у меня она никогда не исчезнет,
Может Юпитера гнев испепелить мой корабль.
Да, мы нагие вдвоем на один будем брошены берег:
Пусть меня волны умчат,— суша укрыла б тебя!
45 Но к нашей страсти Нептун, однако, жестоким не будет,
Он, как Юпитера брат, также изведал любовь:
По воду шедшую бог Амимону обнял и трезубцем
Он на Аргосской земле выбил Лернейский родник.

Веря обетам своим, за объятья любви переполнил
50   Влагой божественной он девы сосуд золотой.
Так Орифия в плену отрицала жестокость Борей:
      Сушу и бездну морей преодолагает Амур.
Верь мне, смирится для нас и Скилла, и грозной Харибды
      В водоворте стремнин дико разверстая хлябь,
55   Даже небесных светил никакие не скроют туманы.
      Будет сиять Орион, будет Козленок сиять.
Если в объятьях твоих я с жизнью должен расстаться,
      Этот конец для меня будет желанным концом.

XXVII

Тайну хотите узнать своего вы последнего часа,
Смертные, и разгадать смерти грядущей пути,
На небе ясном найти путем финикийской науки
Звезды, какие сулят людям добро или зло;
5 Ходим ли мы на парфян или с флотом идем на британцев,—
Море и суша таят беды на темных путях.
Сызнава плачете вы, что своей головы не спасете,
Если на схватки ведет вас рукопашные Марс;
Молите вы и о том, чтобы дом не сгорел и не рухнул
10 Или чтоб не дали вам черного яда испить.
Знает влюбленный один, когда и как он погибнет:
Вовсе не страшны ему бурный Борей и мечи.
Пусть он даже гребцом под стигийскими стал тростниками,
Пусть он, мрачный, узрел парус подземной ладьи:
15 Только бы девы призыв долетел до души обреченной,—
Вмиг он вернется с пути, смертный поправши закон.

XXVIIIa

- Сжался же ты наконец, Юпитер, над бедной больною:
Будешь лишь ты виноват, если красotka умрет.
Вот уж настала пора, когда опаляющий воздух
И огнедышащий Пес землю иссохшую жгут.
- 5 Но не жара тут виной, не жестокость преступная неба,—
Нет, поплатилась она за непочтенье к богам.
Вот что губит теперь, как и раньше губило бедняжек:
Все, в чем клянутся они,— ветер умчит и вода.
Или, сравнив с Венерой тебя, оскорбили богиню? —
- 10 Ведь ненавидит она тех, кто красивей ее.
Разве был презрен тобой алтарь пеласгийской Юноны,
Или осмелилась ты очи Паллады хулить?
Нет, не умеете вы, красавицы, сдерживать речи:
Вот как вредна красота, вот как опасен язык!
- 15 Но для тебя, что снесла так много превратностей в жизни,
Вместе с последней зарей час утешенья придет.
В юности телкою став, Ио мычала и воду
Нила пила, а теперь стала богиней она.

И молодая Ино́, скитаясь, по свету блуждала;
20 К ней, к Левкотее, теперь жалкий взывает моряк.
Чудищам моря была обещана встарь Андромеда,
Но достославной женой стала Персею она.
По аркадийским полям Каллисто бродила медведем;
Ныне ночным парусам путь указывает звездой.
25 Если бы даже судьба поспешила тебя успокоить,
То погребения день будет твоим торжеством:
Сможешь Семеле открыть, что за зло красоте угрожает:
Эта поверит тебе, беды сама испытывав.
Первое место займешь ты среди героинь меонийских,
30 И никогда и ни с кем ты не разделишь его.
Ныне же сердце смири пред судьбою, насколько сумеешь:
Сжалится бог над тобой, черный развеется день.
Даже Юнона-жена отпустила б твои прегрешенья:
Горько Юноне, когда женщине гибель грозит.

XXVIIIb

Вот и волчок перестал вертеться под звуки заклятий,
И на потухшем уже лавр не трещит очаге;
И не желает Луна с небес многократно спускаться,
И погребальную весть карканье ворона шлет.
5 Но на ладье роковой любовники верные вместе,
Темный парус подняв, к водам подземным уйдут.
Не об одной я молю — двоих пощадить умоляю:
Будет жива — буду жив; если умрет — я умру.
10 За исполненье мольбы я священную песнь обещаю:
«Милую спас, — напишу, — вышних владыка богов».
Жертву тебе принося, у ног твоих она сядет,
Сиди расскажет про все долгие беды свои.

XXVIIIc

Пусть, Персефона, твоя с ней милость останется; ты же,
О Персефоны супруг, грозную ярость смири!
Боги подземные, вы много тысяч красавиц пленили,
Пусть же из них хоть одна здесь, на земле, расцветет.
5 Там ведь Иола у вас, Тирó белоснежная с вами,
С вами Европа, и там грех Пасифаи сокрыт.
Все, что цвели красотой в Ахайе древней и в Трое,
В царстве погибшем, где Феб правил и старец Приам,
С ними бесчисленный сонм красавиц римских, которых
10 Смерть унесла и костра жадное пламя сожгло.
Нет, не бессмертна краса, и счастье длится не вечно:
Рано иль поздно, но всех ждет беспощадная смерть.
Ты же, мой свет, избежав теперь опасностей грозных,
Ты учреди хоровод, дар свой Диане воздай,
15 Бдение ты учреди Изиде — бывшей телице,
Да уж и мне заплати должные десять ночей.

XXIXa

Свет мой, когда я бродил вчерашнею ночью, подвыпив,
И не хранила меня верная свита рабов,
Вдруг повстречалась со мной малорослая стая мальчишек
(Сколько — того не скажу: страх помешал сосчитать);
5 Факелы были у них, у других же в руках были стрелы,
Третьи, почудилось мне, цепи несли для меня.
Все на подбор нагишом. Из них один побойчее
Крикнул: «Держите его! Он вам отлично знаком!
Он — тот самый, кого подруга в сердцах отдала нам».
10 Молвил — и тотчас аркан шею мою затянул.
Кто-то меня приказал тащить в середину, и слышу:
«Пусть тот погибнет, кто нас не признает за богов!
Ждет ежечасно тебя голубка твоя, недостойный,
Сам же невесть ты каких ищешь, безумец, дверей.
15 Лишь на сидонском чепце, на ночном, она ленты распустит,
Только раскроет глаза, отягощенные сном,
Как на тебя аромат повеет не трав аравийских,
Но фимиам, что возжег собственноручно Амур...

20   Братцы, простите его: он крепко любить обещает,
            Мы же до цели дошли — вот и указанный дом».
Снова накинувши плащ мне на плечи, так они молвят:
            «С миром ступай и учись дома сидеть по ночам!»

XXIXb

Близилось утро, и мне поглядеть захотелось, одна ли
Спит моя милая. Да, Кинфия, вижу, одна.
Замер я весь: мне еще она не казалась ни разу
Краше, ни даже когда, в пурпур одетая, шла
5 Девственной Весте свои рассказывать сны, вопрошая,
Не принесут ли они бедствия ей или мне;
Как же прекрасна была она тут при самом пробужденье,
Право, чарует сильнее прелесть без всяких прикрас!
«Что ж ты чуть свет,—говорит,—подглядывать стал за подругой?»
10 Или считаешь меня нравом похожей на вас?
Вовсе не ветрена я: одного мне любовника хватит,
Будь это ты иль другой, кто повернее тебя.
Нет, не отыщешь ты здесь следов на измятой постели,
Знаков объятий и ласк: здесь не лежали вдвоем.
15 И у меня, посмотри, никакой не исходит от тела
Запах, который всегда может измену открыть».
Молвила так и, вскочив, отстраняя рукой поцелуи,
Ножкою легкой скорей в туфли скользнула она.
Так-то вот изгнан я был, любви ненарушенной сторож!
20 Ночи счастливой с тех пор больше уж я не знавал.

XXXa

Что ты, безумец, бежишь? Не скроешься! Если бы даже
До Танаиса дошел, всюду настигнет Амур!
Хоть бы по воздуху ты на хребте у Пегаса умчался;
Хоть бы подошвы твои крылья Персея несли;
⁵ Пусть даже гонит тебя на летучих сандалиях ветер,—
Все ж не поможет тебе горний Меркурия путь.
Над головой у влюбленных стоит Амур неотступно.
Да и у вольных людей крепко на шее сидит.
¹⁰ Он неусыпно тебя сторожит, ни за что не позволит
Раз покоренных твоих глаз от земли приподнять.
Правда, коль ты изменил, не останется он непреклонным,
Ежели ты умолять искренне будешь его.

XXXb

Пусть ворчуны-старики пирушками нас попрекают,
Мы же пойдем, моя жизнь, избранным нами путем.
Пусть отягчают им слух решения древних законов:
Место нашли мы, где ты, страстная флейта, звучи!
5 Несправедливо была ты заброшена в воды Меандра,
В день, когда, щеки надув, стала Паллада дурна.
Но не напрасно! Пошла ты гулять по волнам фригийским
И по знакомым краям моря Гирканского плыть,
Кровью взаимных убийств забрызгивать общих пенатов,
10 Страшной добычей волны ларов родных ублажать!
Стыдно ли будет мне жить, одной утешаясь подругой?
Если и есть в том вина, это — Амура вина:
Не в чем меня обвинять; пожелай же, о Кинфия, вместе
В гротах росистых прожить на обомшелых хребтах.
15 Там ты увидишь сестер, сидящих на скалах отвесных;
Песнями славят они шашки Юпитера там:
Как он к Семеле пылал, и как тосковал он по Ио,
Птицею как, наконец, мчался к троянским домам.

Если же нет никого, кто сразил бы крылатого бога,

20 То почему ж я один в общей вине виноват?

Ты не заставишь краснеть, не смутишь ты дев вдохновенных:

Знает ведь их хоровод, что это значит — любить,

Если одна из них впрямь в объятьях любовных Эагра

Некогда с ним возлегла на Бистонийских горах.

25 Здесь, если музы меня во главе хоровода поставят,

А посредине него Вакха с чудесным жезлом,

Голову я соглашусь священным плющом разукрасить...

Но без тебя пропадет все вдохновенье мое.

XXXI

- Хочешь ты знать, почему пришел я так поздно? Сегодня
    Феба дворец золотой Цезарь великий открыл.
Стройный ряд пунийских колонн его окружает,
    А между них дочерей старца Даная толпа.
- ⁵ Тут же и мраморный Феб (он мне показался прекрасней
    Феба живого) поет с лирой безгласною гимн,
По четырем же углам алтаря из Миронова стада
    Дивной работы быки словно живые стоят.
- Посередине же храм из блестящего мрамора сложен,
¹⁰   Фебу дороже теперь отчей Ортигии он.
Солнце над кровлей его в золотой колеснице сияет,
    В нем из ливийских клыков двери тончайшей резьбы:
Видны на створке одной, с Парнаса низвергнуты, галлы,
    Тантала дочь на другой, смертью детей сражена.
- ¹⁵ Дальше Пифийский бог, меж сестрою и матерью стоя,
    Длинной одеждой покрыт, вещие гимны поет.

XXXII

Тот, кто увидел, погиб; лишь тот, кто не видел, тобою
Не увлечется: в соблазн вводят нас наши глаза.
Что тебе смутных искать в Пренесте, Кинфия, жребьев?
Что к Телегона стенам в Тускул торопишься ты?
5 На одноколке зачем в Геркулесов Тибур ты мчишься?
Древний Аппиев путь чем привлекает тебя?
Здесь бы на месте тебе беззаботно гулять на досуге,
Но не дает мне толпа, Кинфия, верить тебе!
Видит она, как спешишь ты меж факелов благоговейно
10 В рошу, и Тривии ты светочи эти несешь,
Видно, тебе надоел затененный столбами Помпеев
Портик в убранстве завес из атталийских дворцов,
Жалки платанов стволы, вереницею ровной стоящих,
Воды, которые льет дремлющий сладко Марон,
15 С легким журчанием струй, наполняющих звоном весь город,
Если внезапно Тритон воду задержит в устах.
Ты не обманешь,— твой путь говорит про любовные тайны:
Не от столицы бежишь: с глаз моих хочешь уйти!

Попусту все это: мне напрасные строишь ты козни,
20 Умному, глупая ты, ставишь знакомую сеть.
Что обо мне толковать! Но бесстыдницей ты назовешься,
Ты, о бедняжка моя,— и по заслугам, поверь.
Вот и недавно еще мне больно резали уши
Слухи, которыми был полон весь город у нас.
25 Но никогда доверять болтовне не следует злобной:
Сплетни ведь были всегда бедных красавиц бичом.
И не судили тебя за то, что ты с ядом попалась:
Будет свидетелем Феб — рук не марала ты им.
Если ж в забавах любви провела ты ночь-другую,
30 Право, не могут смутить эти меня пустяки.
Тиндара дочь отдала за любовь иноземца отчизну,
Но возвратилась опять без осужденья домой;
Даже Венера сама, обольщенная похотью Марса,
Чести своей в небесах не потеряла ничуть;
35 Хоть и Анхиса она, пастуха полюбила (что Пда
Знает), отдавшись ему прямо у стада его,
Это смотреть собрались всей толпою и нимфы лесные,
Старцы силены и сам вождь хоровода всего.
Вместе ведь с ними плоды у Идейского грота сбирала
40 Ты, о Венера,— найд в руки ловила дары.
Спросит ли кто при таком изобилии любодеений:
«Что так богата она? Кто ей дает? Почему?»
Что за счастье в наш век для великого нашего Рима,
Коль из красавиц одна не по закону живет!
45 Лесбия раньше нее безнаказанно делала это:
То, что позднее цветет, зависти меньше родит.
Древних кто татиев здесь иль суровых ищет сабинов,
Тот, уж наверное, к нам в город недавно пришел.
Право, ты можешь скорей осушить морские пучины,
50 Смертной рукою сорвать звезды с небесных высот,

Но не добьешься у нас, чтоб красавицы жили невинно:

Строгие нравы цвели в дни, когда правил Сатурн.

После, когда разлились Девкалиона воды по миру

И прекратился затем Девкалионов потоп,

55 Ты мне скажи, кто сумел сохранить целомудренным ложе,

Что за богиня смогла с богом единственным жить?

Некогда, как говорят, супругу владыки Миноса

Яростный бык соблазнил блеском своей красоты,

И не могла отказать Юпитеру даже Даная,

60 Хоть и блюла чистоту дева за медной стеной.

Что ж! Подражай хоть римлянкам ты, хоть гречанкам,—

и все же

Вот что скажу я тебе: вольною жизнью живи.

XXXIII

Праздники снова пришли; для меня они полны печали:

Кинфия десять ночей будет служенье свершать.

Ах, да погибнет совсем Инахида, что с теплого Нила

Женам Авзонии в дар этот прислала обряд!

⁵ Эта богиня у нас всегда разлучает влюбленных,

Кем бы она ни была, слишком сурова она!

В тайной ты, Ио, любви с Юпитером, верно, узнала,

Что это значит блуждать долго по многим путям

В дни, как Юнона тебя обратила в рогатую деву

¹⁰ И повелела тебе не говорить, а мычать.

О, сколько раз ты свой рот терзала дубовой листвою,

Пастбищ бросала луга, в стойле стояла своею!

Иль потому, что с тебя Юпитер снял облик звериный,

Ты, о богиня, теперь стала надменной такой?

¹⁵ Или же мало тебе темнолицых питомцев Египта?

Что повлекло тебя в Рим долгой дорогой идти?

В чем же тут радость, скажи, если девушки спят как вдовицы?

Ах, отрастут у тебя снова, поверь мне, рога

Или прогоним тебя мы из нашего города, злая:
20 С Нилом твоим никогда дружбы наш Тибр не водил.
Ты же, которую я своей скорбью чрезмерною тронул,—
В ночи свободные мы трижды наш путь совершим.
Но не внимаешь ты мне, забавляясь моими словами,
Хоть уже звездный Икар медленных клонит быков.
25 Медленно пьешь ты: тебя не может и полночь осилить.
Иль не устала еще, кости кидая, рука?
Пусть пропадет, кто впервые открыл пьянящие грозди,
Нектаром сладким вина добрую воду растлил!
Сам ты, Икар, поделом убитый народом Кекропа,
30 Ведал, как горько для нас благоухание лоз.
Да ведь и ты погиб от вина, кентавр Эвритион,
Соком исмарским и ты был побежден, Полифем.
Губит вино красоту, и годы вино сокращает;
Спьяну подруга узнать мужа не может порой.
35 О я несчастный! Ее не меняют потоки Лиэя!
Пей! Ты прекрасна: вино вовсе не портит тебя
В час, как, спустившись, венки над чашей твоей повисают,
В час, как вполголоса ты песни читаешь мои.
Пусть орошают твой стол все шире потоки фалерна,
40 Легче пусть пенится он в кубке твоим золотом!
Но ведь из вас ни одна не пойдет на постель одинокой:
Хочется вам отыскать то, к чему тянет Амур.
Только к тому, кого нет, ваша страсть разгорается жарче:
Долгая близость с одним вас пресыщает всегда.

XXXIV

Кто же доверит теперь красоту госпожи своей другу?
Так вот подруги моей чуть не лишился и я!
Опытом я научён, что честных в любви не бывает:
Редко красавицу друг не для себя достает.
5 Дружбу ломает Амур и кровную связь оскверняет,
Злобно к оружию влечет он даже верных друзей.
Гостем прелюбодей под кров Менелая прокрался;
Не с чужеземцем ли встарь и колхидянка ушла?
Как ты решился, Линкей, на подругу мою покуситься,
10 Как твои руки, злодей, не задрожали тогда?
Ну, не будь она мне такой постоянной и верной,
Разве ты мог бы тогда так опозоренным жить?
Лучше мечом ты пронзи мне грудь, лучше дай мне отраву,
Только уйди поскорей прочь от моей госпожи!
15 Спутником жизни мне будь, закадычным будь ты мне другом,
Распоряжайся моим ты, как хозяин, добром,
Только постели моей, постели моей ты не трогай:
Даже Юпитер и тот мне как соперник невмочь.

Нет никого, но тогда я и к собственной тени ревную.
20 Глупо. Я знаю. Но все ж в страхе я глупом дрожу.
Все-таки вот почему тебе я, пожалуй, прощаю:
Ты опьянел, от вина твой заплетался язык!
Но не обманут меня ни строгий старик, ни морщины:
Знают решительно все, что за блаженство любовь!
25 Даже и друг мой Линкей хоть и поздно, но все же влюбился;
Радуюсь я, что и ты молишься нашим богам.
Чем же поможет теперь тебе вся Сократова мудрость
Книжная? Или же все знание путей мировых?
Или что пользы тебе от чтенья афинских вещаний?
30 Старец ваш пылкой любви вовсе бессилен помочь.
Лучше уж музыкой своей подражай-ка теперь ты Филету
И не напыщенным сном ты Каллимаха внимай.
Бег не пристало тебе этолийского петь Ахелоя,
Петь, как течет сей поток, страстной тоской удручен,
35 Как во фригийских полях блуждают Меандровы волны
Лживые и обмануть тщатся свой собственный путь;
Как победил Арион — Адрастов конь говорящий
На состязанье, когда был погребен Архемор.
Что тебе пользы в судьбе колесницы Амфиарая,
40 В том, как погиб Капаней, теща Юпитера взор.
Брось ты свои слова обувать в котурны Эсхила,
Брось — и руки свои в нежный вплети хоровод.
Тонко обтачивать стих на токарном станке приучайся,
Собственным пламенем ты, строгий поэт, загорись!
45 Ни Антимах, ни Гомер ничем тебе не помогут:
Гордой красавицы взор может смутить и богов.
Но ведь и бык не пойдет под ярмо тяжелого плуга,
Раньше чем крепкий аркан схватит его за рога.
Так добровольно и ты жестокой любви не поддашься:
50 Твой необузданный нрав надобно мне укротить.

Ведь из красавиц никто о законах вселенной не спросит,
Иль о затмениях Луны силою братних коней,
Или останемся ль мы чем-нибудь за Стигийской пучиной,
И не случайно ли бьет молний громовый удар.

55 Ты посмотри на меня, у которого нет ни наследства,
Ни полководцев в роду, ни триумфальных побед, —
Как я царю на пирах, окруженный толпою красавиц,
Тем вдохновьем горя, что так презренно тебе,
Как мне приятно мечтать, во вчерашнем венке отдыхая,

60 Чувствуя в сердце своем меткого бога стрелу!
Пусть же Вергилий поет побережье Актийского Феба,
Пусть воспевает он нам храброго Цезаря флот,
Он, кто брани теперь воскрешает троянца Энея
И воздвигает в стихах стены Лавиния вновь.

65 Римские смолкните все писатели, смолкните, греки:
Нечто рождается в мир, что Илиады славней.
Любо тебе на стволах свирели своей у Галеза,
В гуще сосновых лесов Тирсиса с Дафнисом неть.
Учишь, как дев соблазнять десятком каким-нибудь яблком

70 Или козленком, что взят от материнских сосцов.
Счастлив, кто за любовь дешевыми платит плодами!
Ну, а бесчувственной пусть Титир сам песни поет.
Счастлив пастух Коридон, Алексиды жаждущий страстно,
Кто, непорочный, дарил радость владельцу полей!

75 Хоть он, усталый, свою свирель пастушью покинул,
Легкие нимфы лесов славят его и теперь,
Ты наставленья поешь седого поэта-аскрейца, —
Как процвитают в полях всходы, а лозы — в горах.
Можешь искусно брицать ты на лире своей вдохновенной,

80 Точно сам Кинфий тебе струны настроил ее.
Но из чтецов никому не будут противны те песни,
Будь он еще новичком иль искушенным в любви.

Чувство не мало мое, да и голос не меньше, но, право,
Коль загогочет гусак, лебедь певучий молчит.

85 Песни любовные пел и Варрон, закончив Язона,
Тот, что Левкадию пел, страстным охвачен огнем.
Этот же слышен напев и в игривых листочках Катулла,
Лесбия милостью их стала Елены славней.

Чувством таким же полны и страницы ученого Кальва.
90 Так воспевал он своей бедной Квинтилии смерть.
Только недавно лишь Галл, Ликоридой прелестной изранен,
Сколько мучительных язв там, под землею, омыл!
Кинфию тоже теперь прославит стихами Проперций,
Ежели к этим певцам Слава причтет и меня.

I

Ты, Каллимахова тень, ты, Филета Косского призрак,
 О, разрешите, молю, в вашу мне рошу войти!
 Первым жрецом прихожу, чтоб с источника чистого ныне
 Греческий хор привести в круг италийских торжеств.
⁵ Молвите: в гроте каком одинаково стих вы точили?
 Ритмом вступили каким? Пили какую струю?
 Ах, распрощаемся с тем, кто держит в оружии Феба!
 Пусть же стремится мой стих, тонкою пемзой лощен,—
 С ним меня Слава взовьет над землей, и рожденная мною
¹⁰ Муза воздвигнет триумф в беге венчанных коней,
 И в колеснице моей молодые помчатся амуры,
 Той же дорогой вослед хлынут поэты толпой.
 Что вам, бразды отпустив, со мной состязаться напрасно?
 Нам ведь просторным путем к музам идти не дано.
¹⁵ Многие впишут, о Рим, хвалы в твою летопись, новый
 Римской державы предел — Бактры — в грядущем воспев,
 Мне же творенье мое — да прочтешь его в мирное время! —
 Дали Камены в горах: стиль не касался таблиц.

Мягкие дайте венки певцу своему, Пегасиды!

20 Будет ли грубый венец в пору моей голове?
То, чего буду лишен при жизни толпою ревнивой,
После кончины моей вдвое воздаст мне мой труд.
После кончины всегда значительней древняя слава:
Громче гремя на устах, имя идет с похорон.

25 Кто бы о стенах узнал, еловым конем сокрушенных,
Иль о борьбе, что вдвоем с грозным Ахиллом вели
Рек божества — Симорэнт и Скамандр, Юпитера отпрыск?
Или как Гектора труп мяли колеса в полях?
О Деифобе, Гелене, о Полидаманте, и даже

30 Кто был воитель Парис — край бы родной не узнал.
Мало бы нынче речей Илион прославляло и Троию,
Взятую дважды в веках богом Этейской горы.
Да ведь и сам Гомер, глашатай ее разрушенья,
Чувствует, как его труд в сердце потомства растет,

35 Так вот и Рим прославит меня меж поздних потомков;
Славы предчувствую день: он после смерти придет.
То, что на кости мои не с презрением камень укажет.
Предугадал я давно: Ликии бог так вещал.

40 А в ожиданье того вернёмся в круг наших песен:
Деве привычен их звон, но сердцу будет он ей.

II

Некогда, молвят, Орфей трепетанием лиры фракийской
Диких зверей укрощал, ход останавливал рек.

Молвят, искусство тогда и камня влекло с Киферона,
В звенья фиванской стены сами сцеплялись они.

⁵ Также на песни твои, Полифем, под Этною дикой
Встарь Галатея гнала влагой покрытых коней:

Если мне милость дарят Аполлон и Вакх благосклонный,
Диво ль, что девушек рой чтит песнопенья мой?

Пусть небогатый мой дом не стоит на тенарских колоннах.

¹⁰ Свод — не слоновая кость, нет и стропил золотых,

Пусть плодovitый мой сад не сравнится с лесами феаков,
Гrotов затейливых в нем Марциев ключ не кропит,—
Все же Музы со мной, и милы читателю песни,

И Каллиопу давно мой хоровод утомил.

¹⁵ Счастлива та, что навек прославлена книгой моею!

Каждая песня моя — памятник вечной красе.

Тяжким усилием до звезд вознесенная ввысь пирамида,
Славный Юпитера храм, вышних подобье небес,

Склеп Мавзола в своем роскошном великолепье —

Участи общей они — гибели обречены,

Или потоки дождей, иль пламя лишит их величья,

Или под тяжестью лет сами, сломившись, падут.

Но не погибнет в веках талантом добытое имя:

Слава таланта и блеск вечным бессмертьем горят.

III

Снилось мне, будто лежу я в спокойной тени Геликона,
Там, где струится поток Беллерофонта коня,
Будто твоих я царей и деяния царские, Альба,
Доблестных подвигов ряд струнами славить могу.
5 Слабые ближу уста к тому многоводному руслу,
Струи которого пил жаждущий Эний-отец,
Пел Куриациев я и оружие Горациев славил,
Быстрый Эмилия флот с царским трофеем воспел,
Фабия медленный шаг к победе и мрачную битву
10 Каннскую, славил богов, чутких к обетам святым,
Ларов, от римских жилищ прогнавших войска Ганнибала,
Как был Юпитера холм криком гусиным спасен.
Феб, заприметив меня из чаши лавров кастальских,
Так мне у грота сказал, к лире склонясь золотой:
15 «Что тебе делать с такой великой рекою, безумец?
Кто тебе взяться велел за героический лад?
Нет, не надейся ты здесь снискать себе славу, Проперций;
Лучше по мягким лугам в малой двуколке носись,
Чтобы почаще брала со скамьи твою книжку красотка,
20 Снова читая ее в час, когда милого ждет.

Что же страницы твои за круг предначертанный вышли?
Незачем перегружать челн дарований твоих.

Пусть уж из весел твоих одно за песок задевает,
Так уцелеешь: в морях бури погубят тебя».

25 Молвил, и мне указал его плектр из кости слоновой
Место, где свежая шла мшистой долиной тропа.
Здесь из зеленых камней раскинулась сводом пещера,
На ноздреватых камнях бубны висели кругом,
30 Были из глины там Муз и Силена-отца изваянья,
Рядом, Тегейский Пан, видел твою я свирель.
Здесь же — о стайка моя! — Венеры владычной голубки
Красные клювы свои мочат в Горгонском ключе.

Девушки девять полей по жребию тут поделили:
Каждая собственный дар нежной готовит рукой.

35 Эта плющом обвивает свой тирс, та музыку ладит
К песням, а третья рукой розы слетает в венок.

Вот из числа богинь одна ко мне обратилась
(Думаю я по лицу, то Каллиопа была):

40 «Впредь будь доволен ездой на своих лебедях белоснежных!
Дерзкое ржанье коня пусть не влечет тебя в бой!

Хриплым рожком выводить не берись ты морские сигналы,
С Марсом не тщись обагрять рощу святых Аонид

Или поля прославлять, где Мэрия видны знамена,
Где победительный Рим войско тевтонов громит,

45 Петь, как варварский Рейн, насыщенный кровию свефов,
Мчит в своих скорбных волнах груди израненных тел.

Впредь влюбленных ты пой в венках у чужого порога,
Изображай ты хмельных, бегство их ночью глухой,—

Чтобы узнал от тебя, как выманивать песнями женщин

50 Тот, кто ревнивых мужей хочет искусством сражать».
Молвив так, из ручья Каллиопа воды зачерпнула,
Звучной Филета струей мне окропила уста.

IV

Цезарь, сей бог, возжелал воевать против индов богатых,
Хочет судами рассечь волны жемчужных морей.

Мзда, о мужи, велика. Край света готовит триумфы:

Тигр и Евфрат потекут ныне под волей твоей.

⁵ Поздно, но все ж этот край Авзонийской провинцией станет,
С римским Юпитером тут свыкнется парфский трофей.

Старых судов боевых скорей паруса распустите,

Верных ведите в узде вооруженных коней.

Я предрекаю успех. Искупите несчастье Крассов.

¹⁰ В путь! Постоите за Рим, славу его и судьбу.

Марс, наш отец, и священный огонь пророческой Весты,

Пусть раньше смерти моей день тот настанет, молю,

День, когда Цезаря я колесницу с добычей увижу,

Трепет смятенных коней средь рукоплещущих толп.

¹⁵ Буду, на грудь к любимой склоняясь, на все любоваться,

Гордо названья читать взятых в бою городов,

Стрелы считать беглецов и варварских воинов луки

И под оружьем своим сонмы плененных вождей.

20 Ты же, Венера, храни любимого внука, да зришь ты
Вечно цветущей главу, чей прародитель — Эней.
Дайте добычу тому, кто ее заработал трудами,
Я ж на Дороге Святой буду лишь славить триумф.

V

Знаем, бог мира — Амур, и, влюбленные, мир почитаем.

Сыт я жестокой войной с грозной моей госпожой:
Сердце мое никогда на презренный металл не польстится,
Кубков не надобно мне из драгоценных камней.

5 Сотни волов для меня не пашут Кампании тучной,
Бронзы, бедняк, не ишу в бедах твоих, о Коринф!
О, как был Прометей, из глины лепя, неудачлив!

Неосмотрительно он выполнил дело свое:

Он, создавая тела, в искусстве духа не видел,

10 Дух же должен был стать первой заботой творца.

Ныне нас бури в морях швыряют, все ищем врага мы,
К браням былым приплетать новые брани спешим.

Нет, никаких ты богатств не захватишь к брегам Ахеронта;

Глупый, к подземным ладьям голым тебя повлекут.

15 Там победителя тень сольется с тенями сраженных:

С консулом Марием ты, пленный Югурта, сидишь;

Ир дулихийский там сравняется с Крезом лидийским,

Лучше всего — умереть в Паркой назначенный день.

Мне бы в годах молодых почитать Геликона вершину
20 И с хороводами муз руки свои сочетать.
Мне бы рассудок терять в обильном потоке Лиэя,
Вечно главу обвивать розами юной весны.
А когда старости груз Венеру мою обессилит
И окропит сединой черные кудри мои,
25 Пусть полюблю я в те дни изучать законы природы
И познавать, что за бог всем мирозданьем вершит
Или откуда встает, где гаснет и как, что ни месяц,
В круг переходит Луна, тесно сдвигая рога;
Бури откуда в морях, за чем устремляется, дуя,
30 Эвр, почему облака вечно водою полны;
Может ли день наступить, когда рухнет твердыня вселенной,
Воду пьет для чего радуги красочный свод
Иль отчего задрожал хребет перребского Пинда;
Солнце обьяло зачем трауром скорбных коней,
35 Или так поздно Боот волов и телегу возвращает,
Или Плеяд хоровод в рой сочетает огни;
И почему никогда из пределов не выльется море,
Из четырех частей год почему состоит;
Есть ли в подземных мирах суд божий и муки Гигантов,
40 Точно ль в венце из гадюк у Тисифоны чело,
Вправду ль постится Финей, а Фурии мстят Алкмеону;
Есть ли утес, колесо, есть ли и жажда среди вод;
Верно ли, что сторожит подземные входы трехглавый
Цербер, а Титию там югеров девять тесны,—
45 Иль только вымысел злой несчастных людей одурманил
И за последним костром ужасов более нет.
Здесь да застанет меня кончина; а вы, кому милы
Битвы, несите с собой Красса знамена домой.

VI

- Мне о любимой моей поведай правдиво что знаешь:
Иго своей госпожи этим ты снимешь, Лигдам!
Или ты хочешь меня обманывать радостью ложной,
То мне болтая, чему сам я поверить бы рад?
- 5 Помни же, вестник всегда обязан служить без лукавства.
Честным превыше всего должен быть трепетный раб.
Все, что известно тебе, теперь начинай по порядку,
Буду я слушать тебя, уши свои наострив.
- 10 Видел ты впрямь, как рыдаст она, волос не прибравши?
Вправду ль из милых очей слезы обильно лились?
Зеркала не было впрямь, Лигдам, на разостланном ложе?
И не видал ты камней на белоснежных руках?
Нежные плечи свои она скрыла под скорбной одеждой,
И возле ложа, в ногах, замкнутым ларчик стоял?
- 15 Вправду ли грустен был дом, и грустно девушки пряли
Пряжу, и, сидя меж них, вправду ткала и она?
Шерсть прижимая к лицу, осушала влажные очи
И на размолвку со мной горько пеняла тебе?

«Так ли меня наградить, Лигдам, при тебе обещал он?
20 Злая вина — нарушать верность свою при рабе!
Может бедняжку, меня, он без всякого повода бросить
И содержать у себя ту, что и знать не хочу?
Рад он тому, что томлюсь одиноко на ложе пустынном,
Будет над смертью моей он издеваться, Лигдам.
25 Не благонарием, нет,— ворожкой одолела злодейка:
Кружится, водит его нитью своею волчок;
Мерзостной жабы влечет раздутое чарами брюхо,
Косточек тайный набор из рассеченной змеи,
На погребальных кострах найдённые перья сипухи
30 И шерстяные тесьмы, ленты со смертных одров.
Если мне сны, о Лигдам, не ложно пророчат,— хоть поздно,
Все же дождется, клянусь, кары у ног он моих.
Затхлой паук пелешой затянет их ложе пустое,
И безотрадный их сон ночью любовь не прервет».
35 Если красавица так при тебе от души изнывала,
То поспеши, о Лигдам, той же дорогой назад,
Ей передай от меня привет, орошенный слезами:
Гнев, а совсем не обман правит любовью моей.
Тот же палащий огонь, клянусь, и меня пожирает,
40 Два шестидневья уже я не изведал любви.
После раздоров таких коль узнаю согласие и счастье,
Ты с моей легкой руки станешь свободен, Лигдам.

VII

- Так-то, о деньги, всегда вы — источник житейской тревоги,
Ранее времени вы к смерти приводите нас.
Вы пороки людей питаете страшною пищей,
Всяких забот семена произрастают из вас.
- 5 Так, когда Пет направлял паруса к Фарийскому порту,
Трижды, четырежды вы в море топили его.
Вот и погиб молодым злосчастный, за вами гоняясь,
И пожирают его рыбы в далеких краях.
- Мать не властна почтить его горстью земли благочестной,
10 Похоронить его прах между родимых могил.
Птицы морские теперь кружат над твоими костями,
Моря Карпафского ширь — ныне могила твоя.
- Ты, роковой Аквилон, ты, страх Орифии плененной,
Что за добычу, скажи, в нем ты себе отыскал?
- 15 Ты, о Нептун, почему разбитой ладье веселишься?
Вез этот малый челнок благочестивых мужей.
Пет, для чего считаешь года? И зачем, утоная,
К матери милой взывать? Нет божества у волны!

Ибо причалы твои от бури полночной с утесов
20 Падают, крепкий канат в петлях давно перетерт.
Берег свидетелем был Агамемнона яростной скорби,
Там, где прославлен Аргини, жертва жестокой воды.
Юношу здесь потеряв, Атрид не отплыл с кораблями;
Рок Ифигении был в этой задержке сокрыт.
25 Тело верните земле погибшего в бурной пучине;
Юношу, скудный песок, скрой пеленою своей,
Чтобы моряк, проходя над скорбною Пета гробницей,
Молвил: «И храбрым сердцам можешь ты ужас внушить».
Гнутые стройте суда, питайте источники смерти:
30 Собственной близит рукой гибель свою человек.
Мало земли роковой: мы к ней прибавили волны.
Множим искусством своим скорбною судьбины пути.
Сдержит ли якорь тебя, когда не сдержали пенаты?
Молви: чего заслужил тот, кому мало земли?
35 Ветер развеет труды: до старости не доживают
Лодки, обманы таит даже спокойный залив.
Море для жадных людей расстелила коварно природа:
Вряд ли удача тебе в волнах хоть раз суждена.
Кормы победных судов Кафарейские камни разбили,
40 И по соленым зыбям плавало греков добро;
Плакал Улисс, всех друзей одного за другим растерявши:
В море помочь не могли хитрые козни ему.
Если б отцовским волон, довольный, он вспахивал поле,
Если бы смысл находил в увещеваньях моих,
45 Перед пенатами он с друзьями спокойно бы прожил —
Бедно, зато на земле жил и не ведал скорбей.
Вот и не смог перенести наш Пет завывания бури,
Нежные руки свои грубым капатом терзать!
Голову мог он склонять на подушку из пестрого пуха
50 И на кровати своей мог драгоценной лежать.

Волны при жизни ему до корня ногти истерли,
В горло вливалась ему горечь соленой воды,
Видела грозная ночь, как он плывал на бревнышке малом:
Злобные силы сошлись, чтоб погубить тебя, Пет!

55 Плача, в таких словах издавал он последние стоны
Ночью, перед тем как водой он захлебнулся вконец:
«Боги пучин, и вы, о моря властители, ветры,
Волны, что клоните мне слабую голову ниц,—
Что похищаете вы мои бедные юные годы?

60 Долго я простираю руки к смятым валам.
Горе кидает меня к зимородкам на острые скалы!
Вот уж трезубец подъял бог голубой на меня.
Лишь бы волпы меня к италийскому берегу примчали,—
Счастьем уж было бы мне — к матери мертвым прильнуть!»

65 Водоворотом крутясь, те мольбы поглотила пучина.
Тщетные, были они словом последним его.
Вы, о сто дочерей Нерея, девы морские.
Ты, о Фетида, сама знавшая матери скорбь.
Вам бы рукой поддержать его подбородок усталый:

70 Телом своим бы не мог он ваших рук отягчить.
Ты же, о злой Аквилон, моих парусов не увидишь:
Праздным в могилу сойду возле дверей госпожи.

VIII

- Сладкой мне ссора была при мерцанье вчерашних светил,
Милым — неистовый звук злых обвинений твоих.
Что, разъярясь от вина, тебе опрокидывать столик,
Буйной рукою в меня полные кубки швырять?
- ⁵ Нет! Ты в волосы мне вцепляйся пальцами злее,
Погтем изящным сильнее мне расцарапай лицо,
Выжечь глаза мне грозись, швырнув мне в лицо головнею,
И обнажи мою грудь, платье на ней разорвав.
Этим покажешь ты мне несомненные признаки страсти:
- ¹⁰ Только ведь в этом видна в женщине мука любви.
Если женщина вдруг начнет бушевать и браниться,—
Та у богини любви будет валяться в ногах,
Если за милым следить подсылает она провожатых
Иль как менада за ним по переулкам бежит,
- ¹⁵ Если ревнивые сны постоянно терзают бедняжку
Или портреты других мучат красавиц ее,—
Я тех душевных тревог безошибочный истолкователь:
В них я нередко встречал признаки верной любви.

- 20 Верности прочной там нет, где ее не питают измены,
Только врагу посулю милую с вялой душой.
Пусть на шее моей укусы сверстники видят,
Пусть им докажет синяк близость любимой моей.
Мучиться сам я хочу в любви или слышать о муках,
Слезы увидеть свои или же слезы твои.
- 25 Если бровлями подчас ты выскажешь тайное слово,
Или же пальцами ты скрытно беседу ведешь.
Мне нестерпимо, когда мне вздохи спать не мешают:
Вечно желал бы бледнеть я перед гневом твоим.
Жарче Парис пламенел, когда, несмотря на сраженья
30 С греками, мог он внушить страсть Тиндариде своей.
Пусть данайцы громят и буйный упорствует Гектор,—
Он же, Елену обняв, бóльшие битвы ведет.
Или с тобою самой иль с соперником буду я биться
Вечно ради тебя: мира не надобно мне.
- 35 Радуйся: по красоте нет равной тебе, ты страдала б,
Если б такая нашлась, ныне по праву гордись.
А у тебя, кто сплетал вокруг ложа нашего сети,
Вечно пусть в доме сидит тесть, да и теща при нем!
Если ж почная тебе и досталась добыча, как вору,—
40 Это со зла на меня, а не от страсти к тебе.

IX

Отпрыск царей, Меценат, из этрусского племени всадник,
Вечно желающий быть собственной ниже судьбы,
Что посылаешь меня в необъятное море писанья?
Нет, для таких парусов мал мой убогий челнок.
5 Стыдно себе возлагать непосильную на плечи тяжесть
И отступить, когда груз ноги в коленях согнет.
Каждое дело не всем в одинаковой мере подходит,
И не на всяком холме равный пылает огонь.
Слава Лисиппу за то, что живые ваял он фигуры,
10 Хвалится мне Каламид лепкой прекрасных коней;
Ликом Венеры достиг Апеллес вершины искусства,
Мелочью всякой себе место Паррасий снискал;
Много разных картин на сосудах Ментор чеканил,
И увивает аканф скромную Мия тропу.
15 Костью слоновой одет у Фидия вышний Юпитер,
Славу Пракситель снискал мрамором отчих Афин.
Тот победную ветвь добывает элидской квадригой,
Резвостью бега себе славу стяжает другой.

Этот для мира рожден, а тот для военного стана:
20   Следует каждый тому, что от природы дано.
Я же твои, Меценат, наставления в жизни воспринял,
      Твой же поможет пример мне опровергнуть тебя:
Римский сановник, ты мог бы на форуме ставить секиры,
      Властью своею в суде произносить приговор,
25   Мог бы свободно пройти сквозь копья мидян ратоборных
      И украшать свой дворец пленным доспехом врага,—
Так как на подвиги те дает тебе Цезарь и силу,
      И без помехи всегда льются богатства к тебе,—
Все же уходишь ты в тень, себя выставляя ничтожным,
30   Сам подбираешь края бурей надутых ветрил.
Верь мне, решеньем таким ты сравнишься с великим Камиллом,
      Имя твое у мужей будет звучать на устах;
С Цезарем вместе пойдешь единой дорогою славы:
      Верность твоя, Меценат,— вот твой бессменный трофей!
35   Робкий, крылатой ладьей я моря не рассекаю.
      Но безопасно плыву вдоль по реке небольшой.
Кадма твердынь не пою, упавших в отеческий пепел,
      Или похода семи, равно погибших в бою.
Скейских не славлю ворот, ни пергамских твердынь Аполлона,
40   Ни возвращенья судов после десятой весны,
После того как прошел Паллады конь деревянный
      С греческой вражьей сохой высью нептуновых стен.
Хватит с меня, если тем, кому мил Каллимах, я понавляюсь.
      Песню свою на твой лад, косский поэт, запою.
45   Юношей пусть они жгут, и девушек жгут эти песни,
      Пусть меня богом сочтут, пусть воздадут мне почет!
Будь мне вождем, воспою Юпитера битвы: как небу
      Кей с Флегрейских вершин, Эвримедонт угрожал,
Или как римлян быки паслись на холме Палатинском,
50   Стены могу описать — гибелью Рем их скрепил,—

Или царей-близнецов, вскормленных грудью волчицы:

От повелений твоих да возрастет мой талант.

Вслед колесницам пойду, с двух сторон триумфы несущим,

Стрелы лукавых парфян, в бегстве забытые, петь,

55 Лагерь Пелусия петь, разрушенный римским железом,

Тяжкий Антония рок — гибель от собственных рук.

Ты, покровитель благой, браздами направь мою юность

И при отъезде подай добрый напутственный знак.

Слава моя, Мэценат, — только быть под твоим руководством;

60 Сам ты повинен, что я лишь подражаю тебе.

X

Я удивлялся, о чем мне поведают нынче Камены,
Встав перед ложем моим, чуть загорелся восток.
День рожденья они мне милой моей возвещают,
Рукоплесканьем тройным благостный подали знак.
5 Пусть этот день без туч пролетит, пусть ветры затихнут,
Пусть свои гребни волна мягко на берег кладет;
Пусть за сегодняшний день я хмурых душой не замечу,
Камень Ниобы самой слезы да сдержит свои;
Пусть, про плач позабыв, отдыхает гортань зимородков
10 И об утрате своей Итиса мать не скорбит.
Ты ж, дорогая моя, при счастливых рожденная знаках,
Встань и мольбу вознеси, как подобает, к богам.
Прежде всего разгони свой сон ключевою водою,
Светлые кудри себе ловкой рукой расчеши;
15 После надень ты наряд, пленивший Проперция взоры
Некогда, и без цветов не оставляй головы;
Бога проси, чтоб была твоя красота долголетней,
Чтоб над моей головой вечно царила она.

Ладан когда принесешь и жертвенник свой увенчаешь,
20 В праздничном доме твоём радостный свет заблестит;
Ужин пускай подадут, и за чашами ночь пронесется,
Ноздри шафраном у нас да услаждает оникс;
Пусть, полночным звеня хороводам, флейта охрипнет,
Полную волю своим ветреным дай ты речам;
25 Пир жизнерадостный наш да разгонит несносную дрему,
Ближнюю улицу пусть говор гостей огласит.
Пусть нам укажет судьба, лишь бросим игральные кости,
Кто всех больше задет мальчика грозным крылом.
После того как мы вдоволь с тобой вином насладимся,
30 Вместе Венере свершим таинств полночных обряд:
В спальне мы поздней порой отпразднуем вновь годовщину:
Светлый рождения день так мы с тобой завершим.

XI

О, не дивись, что моей всей жизнью женщина правит,
Что я, плененный, влачусь, воле ее покорясь.
Надо ль позорить меня обвинением в слабости духа,
Если, ярмо сокрушив, свергнуть цепей не могу?
5 Бурю ночную моряк, конечно, предскажет вернее,
Раны научат бойца в битвах испытывать страх.
Так же, как ты, я и сам похвалялся в юности давней,—
Пусть же тебя мой пример страху научит теперь.
Сталью ярма усмирила быков пламеносных Медея,
10 Битв возрстила посев на копыеносных полях,
Пасть заградилла она свирепому сторожу — змею,
Чтоб золотое руно в царство Эсона ушло.
Стрелы с коня своего меотидская Пентесилея,
Дикая, смела метать против данайских судов;
15 Но когда шлем золотой с чела ее пал, победитель
Был без сраженья сражен светлой ее красотой.
Также почет принесла красота и царице Омфале,
В Лидии мывшей лицо влагой гигейской струи;

Успокоитель земли, над морем столпы водрузивший,
20 Начал суровой рукой мягкую пряжу плести.
В Персии град Вавилон построила Семирамида
И окружила его толстой кирпичной стеной,
Так что, поверху мчась, могли бы там две колесницы
Встретиться, не зацепив осью друг другу колес;
25 А посреди провела Евфрат и крепость воздвигла;
Бактры сломила она и подчинила себе.
Что мне богов обвинять и зачем упрекать мне героев?
(Ведь и Юпитер свой дом, да и себя запятнал.)
Разве оружие нам не покрыла недавно позором
30 Женщина, между рабов стыд затрепавшая свой?
Требуя римских твердынь ценою зазорного брака,
Наших желала отцов власти своей подчинить!
Родина козней и лжи, вредоносная Александрия,
И обгаренный не раз римскою кровью Мемфис,
35 Где под песками погиб Помпей, тройной триумфатор!
Этого злого пятна, Рим, не сотрешь ты вовек!
Быть бы уж лучше тебе погребенным на поле флегрейском
Или в те дни, когда тесть игом тебе угрожал.
Как же! Развратная тварь, царица канонского блюда
40 (Черное это пятно в славном Филиппа роду),
Пёсий Анубиса лик с Юпитером нашим равняла,
Тибр принуждала не раз Нила угрозы терпеть,
Римские трубы гнала глухим дребезжанием систра,
Мчалась с баграми вослед легким либурнским ладьям,
45 Полог раскинуть стремясь над Тарпейской скалою и править
Суд, где изваян не раз Марий во славе своей.
Что было пользы свергать секиры Тарквиния, молви,
Коему гордая жизнь Гордого имя дала,
Если терпеть от жены? О Рим, исполнись триумфа
60 И, невредимый, проси Августу многих годов!

Хоть и бежала она к стремнинам смятенного Нила,
Все же на руки ее римлянин цепи надел.
Видел я — плечи ее священные жалили змеи,
Медленно смертный сон в тело вливался ее.
55 Рим, с гражданином таким ты мог бы ее не бояться,
Как и вождя с языком, похороненным в вине.
Город семи холмов и всей земли повелитель,
Марсом испуганный вдруг, женских страшился угроз!
О, Ганнибала разгром, о, знаки побед над Сифаксом,
60 Пиррова слава, во прах павшая к нашим ногам!
Памятник Курий себе воздвиг, низвергнувшись в пропасть:
Деций сраженье решил, ринувшись в бой на коне;
Нам о разбитых мостах тропа возвещает Коклеса;
Есть и такой, что хранит ворона имя досель.
65 Боги построили Рим и боги хранят эти стены:
Что нам Юпитера гнев, ежели Цезарь здоров!
Где Сципионов флот, где ныне знамена Камилла?
Где ты, Боспор, лишь вчера взятый Помпея рукой?
Войск опрокинутый строй воспоеет Аполлон Левкадийский:
70 Сколько доспехов тогда день роковой загубил!
Ты же, стремишься ли в порт, моряк, иль его покидаешь,
Цезаря помни всегда на ионийских волнах,

XII

Как это мог ты в слезах свою Галлу, Постум, покинуть
И за знаменами вслед с Августом храбро лететь?
Стоила ль, право, труда вся слава парфянской добычи,
Если не делать того Галла молила тебя?
Сгинуть бы лучше вам всем, корыстные, жадные люди,
Вам, что могли предпочесть верному ложу войну!
Но, несмотря на мольбы, усталый, плащом обернувшись,
Будешь из шлема ты пить воду Аракса, глупец.
Ищешь ты славы пустой, а дева меж тем изнывает,
¹⁰ В страхе, чтоб доблесть тебе горести не принесла,
Чтобы убийством твоим не гордились мидийские стрелы,
Всадник в железной броне на зелоченом коне,
Чтобы останков твоих не вернули нам в урне печальной:
Так возвращаются все, павшие в той стороне.
¹⁵ Чистую Галлой своей счастливый четырежды Постум!
Нравом своим заслужил ты не такую жену.
Женщине что предпринять, оставшись без всякой острастки,
Если разврату начнет Рим ее сам обучать?

Все ж уходи без тревог. Не сломят Галлу подарки,
20 Черствости жесткой твоей помнить не будет она.
Знай же, когда бы тебя невредимым судьба ни вернула,
Галла, как прежде верна, крепко обнимет тебя.
Постум, ты с дивной женой вторым назовешься Улиссом:
Не причинили тому годы отлучек вреда,
25 Десятилетний поход, Исмары киконские, Кальпа,
Также единственный твой выжженный глаз, Полифем,
Лотос, Кирки дурман и все приворотные травы,
Скилла с Харибдой — двух вод буйства одно за другим,
Рев лампетийских тельцов на его вертелах итакийских
30 (Там, где Лампетия, дочь Фебова, стадо пасла),
Также из спальни побег от эйской рыдающей девы,
Стольких плаванье дней, стольких ненастных ночей,
И нисхождение во тьму, в жилище теней молчаливых,
И с оглушенным гребцом путь мимо бухты Сирен,
35 Старый Улиссов лук, в крови женихов обагранный,—
Тем положивший конец долгим блужданьям его.
И не напрасно жена в воздержанье ждала его дома.
Но Пенелопы самой Элия Галла — верней.

ХІІІ

Спросите вы: почему у красавиц так дороги ночи
И от Венеры всегда терпит богатство урои?
А ведь известна меж тем и ясна разоренья причина.
Роскоши крайней теперь слишком открыты пути.
5 Золото в недрах земных муравей добывает индийский,
Ценный из Красных морей перл Эридины плывет,
Кадмов Тир нам везет в изобилие пурпурные краски,
И аравийский пастух иранный несет киннамон.
Даже затворниц-девиц покоряет оружие это,—
10 Тех, что затмить твой почет могут, Икария дочь.
Гордо матрона идет, разодега в имущество мота,
Носит у нас на глазах срамом добытый трофей.
Стыд ни тому, кто дает, ни той, что просит, неведом:
Если ж сомнение и есть — деньги преграду сметут.
15 В странах, где мир заливают лучи румяной Авроры,
Славен обычай — жене с мужем в могилу идти.
Там, лишь на одр мертвеца подбросят факел последний,
Встанет, власы распустив, жен богомольных толпа,

Вспыхнет о гибели спор, — кому за супругом живую
20 Следовать: стыдно жене, коль умереть не дадут.
Те, чья победа, горят, обрекая пламени тело
И обожженным лицом к мужу прижавшись тесней.
Здесь же неверность царит, и среди жен ни одна не сумеет
Быть, как Евадна, верна, как Пенелопа, чиста.
25 Прежде блаженно цвела земледельцев спокойная юность,
Были богатствами их только посевы да сад.
Милой любили дарить айву, сорвав ее с ветки,
Или плетенку из лоз с красной малиною в ней;
Или фиалок нарвать, иль лилий, в девичьей корзине
30 Блещущих между цветов яркой своей белизной,
Иль виноградную гроздь в одежде из собственных листьев,
Или же птицу поднести с пестрым на диво пером.
А за любезности те дарили украдкой в пещерах
Девушки ласки свои жителям диких лесов.
35 Шкуры оленей молодых в те дни покрывали влюбленных,
Ложе природное их было в высокой траве.
Сосны склоненные их осеняли широкою тенью,
Но почиталось виной — видеть нагими богинь,
И к пастуху своему баран в пустые овины
40 Сам, рогоносный вожак, сытых овец приводил.
Боги с богинями — те, под чьею защитою нивы,
Над очагами вели благоприятную речь:
«Странник какой ни явись, — на охоте добудешь ты зайца
И на тропинке моей птицу, коль будешь искать.
45 Лишь призывай со скалы меня ты — Пана — на помощь,
Сворой ли псов ты начнешь, сетью ль дичину ловить».
Ныне же храмы стоят, разрушаясь, в покинутых рощах
Все, благочестье презрев, только лишь золото чтут.
Золотом изгнана честь, продается за золото право,
50 Золоту служит закон, стыд о законе забыл.

Вспыхнув, порог в старину обличил нечестивого Бренна

В миг, когда он проникал к Фебу в пифийский чертог;
Лавровенчаный Парнас, потрясая своею вершиной,

Галлам засыпал тогда снегом суровым доспех.

55 Золото взяв, фракиец — злодей, Полиместор бесчестный
Сына Приама вскормил в доме коварном своем.

Чтобы ты руки свои, Эрифилы, украсила золотом,

Некогда Амфиарай вместе с конями исчез.

Я предрекаю, — когда б лжепророком я стал для отчизны! —

60 Будет заносчивый Рим сломлен богатством своим.

Правду твержу, но не верит никто: не верила Троя

Тоже менаде своей, зревшей Пергама беду.

Фригии только она предсказала конец от Париса,

Видела только она гибель в проникшем коне.

65 В пользу пошло бы отцу и отчизне ее иступленье, —

Тщетные речи ее ведали правду богов.

XIV

Многим палестры твоей дивимся мы, Спарта, законам,
Пользе же больше всего женских гимнасиев, где
Тело нагое свое игрой укреплять не зазорно
Девушке между мужей в соревнованье борьбы,
5 Если бросает мячи своею рукою проворной,
Иль крючковатым жезлом обруч звенящий крутит.
Вот у последней меты она стала, покрытая пылью,
Вот и в жестокой борьбе терпит удары она;
То для кулачных боев ремнем обовьет себе руки,
10 То запускает легко тяжкий метательный диск;
Гонит по кругу коней, к бедру белоснежному вяжет
Меч и под полую медь прячет девичье чело;
Как амазонки она, что груди свои обнажают
И в Термодонта струях моются смелой толпой.
15 То с волосами в снегу по долгому гребню Тайгета
Быстро несется вослед своре отеческих псов:
Так по Эвроты пескам Поллукс носился и Кастор:
Первый — отважный в борьбе, резвый наездник — второй.

И между них, говорят, с обнаженной грудью Елена
20 Тоже оружие брала, братьев-богов не стыдись.
Также спартанский закон запрещает разлуку влюбленных:
Можно по улице там с милою рядом ходить;
Страха не ведают там, ни надзора докучного девы,
И не боится никто мести ревнивых мужей.
25 Там без подсланных лиц говорить о деле сердечном
Можешь ты сам: не ведет к долгой задержке отказ.
Взоров, уродство прикрыв, не обманут тирские платья,
Нет там тяжелых забот о благовонных кудрях.
Ну, а вот наша идет, окруженная тесной толпою:
30 И в переулке-то к ней не дотянуться рукой.
Здесь для сердечной мольбы ни слов, ни лица выраженья
Не подыскать: как сленой ищет влюбленный пути.
Если бы ты подражал законам и битвам лаконским,—
Этими благами ты стал бы милее мне, Рим.

XV

Нет, не хочу я терпеть никаких любовных волнений
И без тебя проводить в муках бессонную ночь!
В дни, как ребяческих лет и стыдливость робкую бросил
И на любовных путях воля была мне дана,
5 Тотчас Ликийна меня, новичка, посвятила умело
В первые ночи, совсем не на подарки польстясь.
Третий без малого год с той далекой поры протекает,
Мы же и дюжины слов не перемолвили с ней.
Страсть же к тебе поглотила меня: под нежное иго
10 Женщина после тебя шею не гнула мою.
Дирка смотрела в сердцах, грехом раздраженная явным,
Как с Антипою Лик, с дочкой Никтея, лежал.
Ах, сколько раз ей рвала царица прелестные кудри,
Била жестокой рукой нежные щеки ее!
15 Ах, сколько раз утомляла рабу непосильным уроком,
Да и на голой земле спать заставляла ее!
Часто ее она жить заставляла во тьме, в нечистотах,
Часто лишала ее даже загнившей воды.

Иль никогда не придешь Антиопе на помощь, Юпитер,
20 В стольких страданиях? Цепь руки ей стерла давно!
Если ты бог, то любимой твоей быть рабыней зазорно.
Коль не тебя, то кого ж звать Антиопе в цепях?
Все же, оставшись одна и собрав последние силы,
Плача, она сорвала царских наручников гнет.
25 Робкой стопою затем взбежала на холм Киферона;
Полночь была, и мороз голое ложе сковал.
Часто тревожил ее Асопа текучего ропот:
Чудилось, что за собой слышит хозяйки шаги.
Зет оказался жесток, Амфиона же тронули слезы
30 Матери, все же открыть хлев перед ней он не мог.
Как в ту минуту, когда затихает волнение моря,
С Нотом противным в борьбу Эвр не желает вступать
И на немом берегу все тише песка шелестенье,—
Так, на колени склонясь, на землю пала жена.
35 Позднее чувство пришло: сыновья заблужденье признали.
Старец, достойный пестун Зевсовых малых детей,
Мать ты вернул сыновьям; сыновья же затем привязали
Дирку под морду быка, чтобы размякать в пыли.
Мощь Громовержца познай, Антиона: тебе в прославленье
40 Дирку влекут, чтоб она в тысяче мест умерла.
Пастбище Зета — в крови, и сам Амфион-победитель
Громко пеаны воспел на Аракинтской скале.
Ты же терзать перестань неповинную эту Ликинну:
Право, не может никак остановиться ваш гнев!
45 Да не встревожат твой слух обо мне никакие рассказы:
Даже на смертном одре буду любить лишь тебя.

XVI

Полночь — и вот получил от моей госпожи я посланье:

Мне повелела она тотчас же в Тибур прибыть,
Где воздымают свои белоснежные главы две башни
И Апиена струя льется в большой водоем.

⁵ Как же тут быть? Довериться ль мне непроглядным потемкам
И за себя трепетать перед злодейской рукой?

Если ж не выполню я из страха ее повеленье,
Будут мне слезы ее злее ночного врага.

Я согрешил только раз — и на год изгнанию подвержен:

¹⁰ Были руки ее немилосердны ко мне.

Но не посмеет никто посягнуть на святость влюбленных:

Мимо Скирона — и то могут открыто идти.

Каждый любовник гулять да дерзнет и по скифским пределам.

Варвар не будет так дик, чтобы его погубить.

¹⁵ Путь озаряет луна, под звездами видны ухабы,

Сам же Амур впереди факел горящий несет.

Рассвирепевшие псы остаются с разинутой пастью,

Племени любящих путь вечно повсюду открыт.

Кто, нечестивый, себя запятнает любовника кровью
20   Скудной? Отвергнутый друг тоже Венерой храним.
Если б решенье мое привело меня даже к кончине,
      Вознагражденье вполне мне окупило бы смерть.
Мазей любимая мне принесет, венками украсит
      Холм и сядет сама хладный мой пепел стеречь.
25   Боги да сделают так, чтобы кости мои не лежали
      Там, где вечной ходьбой чернь пролагает стезю.
Чернь оскверняет, увы, после смерти могилы влюбленных:
      Пусть меня в роще глухой скроют деревья листвою.
Или засыпят мой прах пески безвестных прибрежий.
30   Радости нет — начертать имя на торной тропе.

XVII

Ныне покорно, о Вакх, к твоим алтарям припадаю:

Сердце смилив мне, пошли ветер полутный, отец!

Можешь всегда укротить ты гордыню безумной Венеры,

И от печалей дано нам исцеленье в вине.

⁵ Ты сочетаешь сердца и ты разлучаешь влюбленных:

Смой же злосчастный недуг, Вакх, с этой скорбной души!

Что многоопытен ты, про то говорит Ариадна

Звездами, в горнюю высь въехав на рысах твоих.

Жар, что в костях у меня огнем стародавним пылает,

¹⁰ Сила вина твоего или же смерть исцелит.

Трезвая полночь всегда томит одиноких влюбленных:

Или надежда иль страх душу им кружит вшотьмах.

Если твоими, о Вакх, дарами рожденная дрема,

Разгорячив мне чело, кости пронижет мои,—

¹⁵ Лозы я сам посажу и холмы обсажу по порядку,

Буду кусты охранять, чтоб не обгрызло зверье.

Только бы кадки мои багряным пенились суслом,

Сок бы все новых кистей тек с отжимающих ног,—

Сколько б ни жил я еще, тобой и мощью твоею
20 Жил бы я, Вакх, лишь твоих доблестей славный певец.
Вспомню, как был порожден ты матерью в молниях Этны
И как индийцев прогнал Нисы твоей хоровод.
Я бы Ликургово пел против новой лозы беснованье,
Гибель Пенфея, что трех вызвала толп торжество:
25 Пел бы тирренских гребцов, как они, превратившись
в дельфинов,
В море попрыгали вдруг с лодки, обвитой лозой,
И благовоние струй, текущих по Наксоса землям,
Где из потока вино толпы наксосские пьют.
Буду я петь, как плющ вокруг выи висит белоснежной,
30 Митру лидийскую петь на бассарейских кудрях,
Спину, что блещет, струя аромат благовонного масла,
Ткани текущих одежд на обнаженных ногах.
Мягко в тимпаны свои забьют диркейские Фивы,
И козлоногие вокруг паны в тростник загудят;
35 Рядом великая мать Кибела с главой башненосной,
В хоре идейском несясь, в хриплый ударит кимвал.
Жрец, при входе во храм освящая тебе приношенье,
Будет из чаши златой в жертву вино возливать.
Все расскажу, что должно с высокого петься котурна, —
40 Словно из Пиндара уст мой понесется восторг.
Только избавь ты меня навеки от рабства гордыне,
И поскорей победи думы тревожные сном.

XVIII

Там, где играет залив, зажатый тенистым Аверном,
С теплой стоячей водой дымного озера Бай;
Там, где троянский трубач Мизен опочил под песками
И Геркулеса трудом сложенный славится путь;
5 Где, когда он, благой, по смертным странствовал селам,
Фивского бога встречал радостным звоном кимвал
(Ныне ж великим грехом нам всем ненавистные Байи,—
Что за губительный бог в ваши вселился струи?),—
Там он, сокрывшись, свой лик погрузил в Стигийские воды,
10 Озера вашего вокруг бродит сегодня как дух.
Чем помогли ему — род, иль доблесть, иль дивная мать.
Или что он обнимал Цезаря славный алтарь,
Или же трепет завес над доверху полным театром
И материнской руки подвиги все и дела?
15 Умер,— а бедный достиг лишь утра двадцатого лета:
Сколько вместила добра в тесный предел эта жизнь!
Что же, ступай, и духом пари, и праздную триумфы,
Пусть тебя тешит театр рукоплесканьем толпы,

Ткани Аттала затми, и пусть на игрищах пышных
20 Камни цветные блестят: всё ты подарить огню.
Все придем мы сюда, придут и последний и первый:
Хоть и безрадостен путь, каждый пройдет по нему.
Надобно пса умолять, рычащего пастью тройною,
В общую надо ладью хмурого старца сойти.
25 Пусть осторожный себя закрывает железом и медью:
Но все равно извлечет скрытую голову смерть.
Не помогла красота Нирею, а сила — Ахиллу,
Крезу — бесчисленный клад, данный Пактолом ему.
В древние дни красота беду навлекла на ахеи:
30 Цену большую Атрид новой любви заплатил.
Ты же, гребец, что везешь людей богомольные тени,
Ты да получишь одно тело его без души:
Так же, как Клавдий ушел — Сикульской земли победитель,
Так же, как Цезарь, — она к звездам с земли отошла.

XIX

Сколько уж раз ты меня сладострастьем моим попрекала:

Верь мне, над вами оно больше гораздо царит.

Вы, как порвете узду, последний стыд презирая,

Так одержимой душе нет уже меры ни в чем.

5 Пламя заглохнет скорей в колосьях на ниве зажженной,

Реки скорей потекут снова к истокам своим,

Гавань спокойную Сирт и берег удобный доставит

Злая Малей пловцам гостеприимством своим,—

Но не сумеет никто обуздать желанья ваши

10 Или стрекало сломить ваших горячих безумств.

Та — вам в пример, что, быка изведав критского наглость,

Лживо надела себе телки еловой рога;

Иль Салмонида, чей пыл фессалийского звал Энипея,

Что пожелала отдать богу морскому себя.

15 Грешницей Мирра была, к отцу воспылавшая старцу

И обреченная стать деревом с новой листвою.

Что о Мееде сказать? Увы, материнского сердца

Гнев утолила любовь смертью родимых детей.

Как с Клитемнестрою быть, из-за блуда которой в Микенах
20 Славный Пелопа очаг темным бесчестьем покрыт?
Также, о Скилла, и ты, еоблазнившись красею Миноса,
С пурпурным волосом вмиг срезала царство отца.
Вот уж приданым каким врага наградила девица!
Нис, ворота твои отпер обманом Амур.
25 Вы ж, незамужние, впредь возжигайте счастливей свой факел:
Ведь за кормой корабля критская дева висит.
И по заслугам Минос восседает в судилище Орка:
Хоть он врага победил, был он к нему справедлив.

XX

Ты полагаешь, что тот надолго твой образ запомнит,
Кто, как ты видишь, твое ложе сменил на корабль?
Грубый, он девушку смог променять на соблазны наживы!
Стоит ли Африка вся слез неутешных твоих?

⁵ Думаешь, глупая, ты,— за обман отомстят ему боги;
А ведь, быть может, его сушит иная любовь!
Ты красотою сильна и строгой Паллады искусством:
Деда ученого блеск славой тебя осенил.
Благословен твой дом, только верного друга найди ты.

¹⁰ Верь мне, красавица: я верен, ко мне ты беги!
Ты же, чьи летом огни горят на небе так долго,
Феб, сократи, я молю, этот медлительный путь!
Первая ночь для меня! В эту первую ночь, умоляю,
Дольше, Луна, озаряй первое ложе мое!

¹⁵ Надо сперва заключить договор, подписать по закону,
Чтобы для новой любви крепкий союз утвердить.
Пусть закрепит договор Амур свою печатью:
Будет свидетелем весь звездной богини венец.

Сколько несчетных часов пронесется еще в разговорах,
20   Прежде чем в сладостный бой даст нам Венера вступить!
Там, где, ложе деля, мы не связаны прочным союзом,
      Там бессонная ночь мстящих не встретит богов.
Узы, что похоть крепит, сама она вмиг расторгает;
      Будем же верность хранить с первых обетов своих!
25   Так, кто нарушит союз, пред свитым алтарем заключенный,
      Таинство брака сквернить ложем случайным начнет,—
Тот да познает всю скорбь, которая в страсти бывает,
      Сплетням крикливым свою да обречет он главу.
Ночью на слезы его не раскроются окна любимой;
30   Вечно пусть любит, любви вечно лишенный плодов.

XXI

- В дальний собираюсь я путь, в ученые еду Афины,
Чтобы оковы любви в долгих скитаньях разбить.
Если на деву смотреть, возрастают сердечные муки:
Пищу обильную здесь жадный находит Амур.
- ⁵ Средства я все испытал, какими прогнать его можно,
Но отовсюду меня этот преследует бог.
Редко к себе допускает она, после многих отказов,
Ну, а придет, так и тут, не раздеваясь, заснет.
Тут мне спасенье одно: едва с переменою места
- ¹⁰ Кинфия скроется с глаз, страсть от души отлетит.
Живо, друзья! Поскорей корабль мой в море гоните.
Жребий кидайте в пути, чтобы посменно грести;
Выше на мачте своей подымайте на счастье нам парус:
Ветер попутный пловцам путь безмятежный сулит.
- ¹⁵ Римские башни и вы, друзья дорогие, простите!
Ты, с вероломной душой, милая, тоже прости!
Я же, моряк-новичок, по водам Адриатики ринусь,
Буду молиться теперь волношумящим богам.

Дальше, пройдя ионийскую зыбь, когда парус усталый
20 Спустит спокойно ладья, в бухту Лехея войдя,
Мне остается пешком одолеть, — не ленитесь вы, ноги, —
Землю, где Истм положил грань меж обоих морей.
После, когда берега замкнут меня в гавань Пирея,
Буду Тезея путем вдоль длинных стен я идти.
25 Душу я там примусь выправлять иль трудами Платона,
Или же тенью твоих мудрых садов, Эпикур.
Там я начну изучать красноречье, доспех Демосфена,
Либо приятную соль книг твоих, мудрый Менандр.
Там, вероятно, мой взор либо краски картин очаруют,
30 Либо изделия резца — медь иль слоновая кость.
Долгих годов череда иль моря великие грани
Раны мои заживлять будут в затихшей груди.
Если ж там ждет меня смерть, я умру не от страсти постыдной:
Верь мне, я с честью умру в этот погибельный день!

XXII

Что же так долго, мой Тулл, тебя радует Кизик прохладный,
Где Пропонтиды волна вокруг перешейка шумит,
Диндим, где из лозы изваяли образ Кибелы,
Путь, по которому гнал Дит-похититель коней?
5 Если пленяют тебя города Афамантиды Геллы,
Страстной тоскою по мне ты не томишься, мой Тулл,—
Хоть бы ты смог увидеть Атланта ль, держащего небо,
Лик ли Форкиды, что был срублен Персея рукой,
Иль Гериона хлевà, иль от битв Геркулеса с Антеем
10 След, уцелевший в пыли, иль хоровод Гесперид;
Хоть со своим бы гребцом в колхидский Фасис заплыл ты,
Сам совершая теперь путь пелионской ладьи,
Коиm плыла между скал за голубкой Язона младая
В образе новом сосна, вид восприяв корабля;
15 Хоть бы Ортигию ты посетил или берег Каистра,
Место ль, где воды себе семь пролагают путей,—
Слава всех этих чудес померкнет пред Римской землею,
Ибо она собрала все, что природой дано.

Почва удобнее здесь для оружия, не для злодейства,
20   Славу преданий своих не опозоришь ты, Рим!
Мы благочестьем сильны, насколько сильны и железом,
      И, побеждая, свой гнев наша смиряет рука.
Ты здесь течешь, Аниен, и Клитумн от Умбрийской дороги,
      И нерушимый в веках Марция водопровод.
25   Возле Альбанских озер Неморенские плещутся волны,
      Ключ, где Поллукс напоил влагой целебной коня.
Змеи рогатые там не ползут на чешуйчатом брюхе,—
      Гладь италийских вод чудищ в себе не таит,—
И из-за матери там не гремят кандалы Андромеды,
30   И от авзонских пиров Феб, трепеща, не бежит.
Здесь никому головы не сжигало далекое пламя
      В час, как отважилась мать гибели сына предать.
Здесь за Пенфеем в лесу не гонялись злые вакханки.
      И не давала здесь лань воли данайским судам.
35   В гнев Юнона рогов сопернице не прикрепляла,
      Мордой коровьею ей не заменяла лица.
Синиса нет здесь крестов и грекам враждебных утесов,
      Нет и древесных стволов, гнутых ему на беду.
Вот твоя родина, Тулл, вот прекрасная видом обитель;
40   Здесь за свой доблестный род можешь ты чести искать.
Граждан найдешь себе тут для витийства, надежду на внуков
      И благодатную страсть будущей нежной жены.

XXIII

Значит, пропали они, заветные эти таблички?

Сколько прекрасных моих с вами пропало стихов!

Пользуясь ими, давно меж пальцами их истрепал я,

Так что им верила ты и без печати моей.

5 К милости деу склонить они без меня успевали

И без меня разговор красноречивый начать.

Дороги были они совсем не златою оправой:

Грязным был воском покрыт бук их дощечек простой.

Только, какие ни есть, всегда они верно служили

10 И нерушимый успех мне приносили всегда.

Эти таблички несли такое, пожалуй, посланье:

«Я рассердилась, что ты не был, ленивец, вчера.

Или другая тебе показалась красивее? Или

В гневе напрасном меня ты клеветою пятнишь?»

15 Либо писалось: «Приди, и вместе досуг проведем мы:

Нынче уют до утра нам приготовил Амур».

Все, что могла сочинить красавица умная с горя,

Там выводила она в ласковый час болтовни.

О, я несчастный! На них напишет скупец свою смету!

Сунет их между своих грубых вседневных счетов!

Тот, кто их мне возвратит, золотую получит награду.

Разве кто, деньги презрев, станет дощечки беречь?

Мальчик, ступай и скорей на любой это выставь колонне;

Твой господин, напиши, на Эсквиллине живет.

XXIV

Милая, на красоту твою напрасна надежда:

Взоры прельстивши мои, стала ты слишком горда.

Кинфия, столько хвалы тебе моя страсть расточала!

Ныче стыжусь, что тебя в песнях я так превознес.

⁵ Часто твоей красоты воспевал я чудесную живость,

Даже и тем, чего нет, я любовался в тебе,

Сравнивал цвет твоих щек я нередко с румяной Авророй,

Хоть и сияли они блеском фальшивых румян.

То восхваляя, от чего ни друзья меня не отвратили,

¹⁰ Ни в многоводных морях ведьма омыть не могла.

Пусть хоть огонь меня жжет, угрожают мечи, пусть я даже

В море Эгейском тону, лгать я не стану тебе,

Пленный, я долго кипел в котле у жестокой Венеры,

Связаны были узлом руки мои за спиной.

¹⁵ Но наконец мой причалил корабль, увитый венками,

Сирты уже миновав, якорь я бросил в порту.

Только теперь я вздохнул, усталый от грозного жара,

Тяжкие раны мои зажили снова теперь.

Если ты — божество, в твой храм, Здравый Смысл, прибегаю!

²⁰ Прежде Юпитер мольбам вовсе моим не внимал.

XXV

Общий я смех возбуждал за столом многолюдного пира:
    Всякий, кто только хотел, мог надо мною трунить.
Сил у меня набралось пять лет прослужить тебе верно:
    Ногти кусая, не раз верность помянешь мою.
5 Слезы не тронут меня: изведал я это искусство,—
    Ты, замышляя обман, Кинфия, плачешь всегда.
Плачу и я, уходя, но слез сильнее обида.
    Нет, не желаешь ты в лад нашу упряжку влечь!
Что же, прощайте, порог, орошенный слезами молений,
10 Гневной рукою моей все ж не разбитая дверь.
Но да придавит тебя незаметными годами старость,
    И на твою красоту мрачно морщины падут!
С корнем тогда вырывать ты волосы станешь седые —
    Но о морщинах тебе зеркало будет кричать!
15 Будешь отверженной ты такое же видеть презренье
    И о поступках былых, злая старуха, жалеть.
Эта страница тебе возвестила беду роковую:
    Так научись трепетать перед концом красоты,

I

Странник, смотри: этот Рим, что раскинулся здесь перед нами.

    Был до Энея холмом, густо поросшим травой.

На Палатине, где храм возвышается Феба Морского,

    Прежде изгнанник Эвандр пас лишь коров да быков.

⁵ Не воздвигались тогда, как теперь, золоченые храмы:

    Было не стыдно богам глиняным в хижинах жить.

С голых утесов скалы гремел Тарпейский Юпитер,

    И водопоем скоту Тибр-чужестранец служил.

Где на подъеме горы стоит дом Рема, когда-то

¹⁰   Общий для братьев очаг был и державою их.

Где заседает сенат в окаймленных пурпуром тогах,

    Там собирался старшин попросту, в шурах, совет.

Сельский рожок созывал на сходку древних квиритов,

    Сотня их всех на лугу и составляла сенат.

¹⁵ Не волновались еще над изгибом театра завесы,

    Не орошал в старину сцену душистый шафран.

Не было нужды искать никому богов иноземных,

    Раз трепетала толпа перед святыней отцов,

Иль ежегодно справлять Палилии, сено сжигая,
20   Вместо чего в наши дни куцега режут коня.
Скромная Веста была венчанному ослику рада,
      Скудные жертвы везли, тощих впрягая коров,
Кровью жирной свиньи перекрестки тропинок святили,
      Печень овцы под свирель в жертву пастух приносил.
25 В шкуре козлиной хлестал всех плетью ременною пахарь:
      Священнодействует так Фабий Луперк и теперь.
Грубый боец не блистал, врагов устрашая, доспехом:
      Все обожженным дубьем попросту бились тогда.
В шапке волчьей Лукмон впервые лагерь устроил,
30   Татию больше хлопот было тогда средь овец.
Тити следом пошли, Солонийские Луцеры, Рамны,
      Белых коней четверню Ромул отсюда погнал.
Город был мал и вдали подгородные были Бовиллы,
      В Габиях, жалких теперь, густо толпился народ,
35 Имя по белой свинье получившая, высилась Альба,
      Даже и путь до Фиден долгим казался тогда.
Римляне имя свое получили от города Рима,
      Но не стыдятся они крови волчицы своей.
Счастье, что ты привела сюда своих, Троя, Пенатов:
40   Видно, дарданский корабль вещая птица вела!
Было приметой благой уже то, что его не разрушил
      Конь из еловых досок, чрево раскрывший свое
В час, как на шее повис у сына дрожащий родитель
      И остерегся огонь плечи сыновние жечь.
45 Деция дух возник, вознеслись и Брута секиры,
      Меч Венера сама Цезарю здесь подала,
В гордой победе неся воскресающей Трои доспехи:
      Древле богов твоих, Юл, к счастью земля приняла,
Если треножник вещал смятенной авернской сивиллы,
50   Что авентинский Рем жертвой искупит поля,

Если гласили слова пергамской пророчицы внятно,
 Позднюю правду неся древней Приама главе:
 «Бросьте, данайцы, коня! Не к добру вам победа: Юпитер
 Вновь Илион воскресит, пеплу оружие даст».

55 Марса волчица, о ты, кормилица лучшая Рима,
 Дивные стены взросли от твоего молока!
 Стены я эти воспеть попытаюсь стихом благочестным:
 Горе мне, жалок в устах звук славословий моих!
 Но, как ничтожен ни будь из груди текущий источник,

60 Всем, чем я только могу, родине рад он служить.
 Энный колючим венком пускай свою речь украшает:
 Вакх, на меня простирай листья плюща твоего,
 Чтобы творенья мои возвеличили Умбрию нашу,
 Умбрию, где родился римский теперь Каллимах!

65 Пусть же, кто из долин посмотрит на наши твердыни,
 По дарованьям моим судит об их высоте.
 Внемли мне, Рим: я пою тебе в честь! Пожелайте успеха,
 Граждане, замыслу: пусть справа мне птица поет!
 Таинства, дни восною, названия древних урочищ:

70 Пусть к этой дальней мете в пене стремится мой конь.
 «Что ты судьбу прорекать, опрометчивый, тщишься,
 Проперций?
 Нет, не дано тебе прясть нить из кудели такой!
 Горькие слезы прольешь, запев вопреки Аполлону,
 Требуешь песен от струн только к досаде своей.

75 Точно я все говорю по точным приметам: пророку,
 Мне ли не знать, как вести звезды по медным кругам?
 Мне отец — вавилонский Ороп, сын Архиты; зовусь я
 Гором и древний свой род я от Конона веду.
 Боги свидетели мне, что родню я свою не унижил:

80 В книгах ученых моих — истина прежде всего.
 Боги за деньги теперь, и за золото даже Юпитер
 Предан, и весь Зодиак сбит на кривом колесе —

Сбит и Юпитер благой, и звезда грозящая Марса,
И предвещающий всем гибель Сатурн роковой,
85 Рыбы сместились, и знак надменного Льва ненадежен,
И Козерог не идет в глубь гесперийской волны.
«Троя,— скажу я,— падешь, но Римом Троянским воскреснешь!
Я по морям и земле много могил воспою».

Я предрекал, когда Аррия двух сыновей провожала
90 (Их облакая в доспех, хоть это бог запретил),
Что не вернут они вновь свои копья к отцовским пенатам:
Ныне мою правоту два подтверждают холма.
Ибо Луперк, охраняя коня обгагренную морду,—
Горе! — с ним вместе упав, плохо себя оберег.

95 Галл же, знамя в бою защищая, врученное станом,
Там и погиб, под своим окровавленным орлом.
Бедные юноши, вы — две гробницы для матери жадной!
Прав я, но это сбылось против желаний моих.
Я же, когда не давала родить Кинаре Люцина
100 И тяготилася та бременем в чреве своем,
Тайно Юноне сказал о воле судьбы непреложной:
Роды настали, я прав, слава писаньям моим.
Так и Юпитера грот не вещает в ливийской пустыне,
Или те жилки, в каких видны решенья богов,

105 Или великий знаток движенья крыльев вороних,
Или волшебной водой вызванный призрак могил.
Истинный путь надлежит искать в небесах, и стезею
Звездной в пяти поясах вечную правду пытаться.
Служит примером Калхас: от священных утесов Авлиды
110 Некогда он корабли верной рукой отвязал;
Он и железо вонзил Агамемнона дочери в шею,—
Поднял в ту пору Атрид холст обгагренных ветрил;
Но не вернулись вовек данаи. Рыданья уйми ты
И на Эвбейский залив, павшая Троя, взгляни!

- 115 Мстительный Навплий в ночи перед ним огни воздвигает,
И под добычей своей Греция еле плывет.
Вещую деву схвати и люби, Олид-победитель,
Хоть бы Минерва ее скрыла одеждой своей...
Древность оставим; твои теперь наблюдаю я звезды:
- 120 Новым слезам начинай ты терпеливо внимать.
Умбрией древнею ты порожден у почтенных пенатов
(Ложь это? Или твою родину я угадал?),
Где напоены луга Мевании мглою росистой
И нагревает жара озера Умбрского гладь,
- 125 Где, возвышаясь, встают на вершине Асизия стены,
Стены, что стали славны дивным талантом твоим.
Кости отцовские ты собирал, хоть по возрасту рано
Было собирать их, и был в бедности жить принужден:
Ибо угодья твои и волов, твое поле пахавших —
- 130 Все у тебя отобрал мрачный земли передел,
Только ты ладанку снял золотую с ребяческой шеи,
И пред богами своей матери тогу надел,
Тотчас же стал Аполлон понемногу внушать тебе песни
И запретил в судах вздорным оратором быть.
- 135 Строй же элегией ты приманки (вот где твой лагерь!);
Пусть в подражанье тебе прочая пишет толпа.
Будешь Венере служить и ходить в любовных доспехах,
Будешь желанным врагом ты для ее детворы.
Сколько победных ты пальм ни стяжал бы трудами своими,
- 140 Помни,— красавица все их у тебя отберет;
Как ни трясى бородой, а попался на удочку,— помни,
Что не удастся тебе вытащить жало крючка.
По произволу ее и дни будешь видеть, и ночи;
Даже и слезы твои будут по воле ее.
- 145 Тысячи стражей ночных и печать на двери не будут
В помощь тебе: для измен хватит и щелки с нее.

Ну, а когда твой корабль с волной состязается в море,
Иль на оружие врага ты безоружным идешь,
Иль, содрогаясь, земля разверзает зияние пасти,—
150 Плохо: зловещий тебе Рак осминогий грозит».

II

В теле едином моем что дивишься ты образам многим?
Отчие признаки ты бога Вертумна узнай.
Родом и племенем я — этруск, но нимало не горько
Было мне в бегстве от войн бросить волсинский очаг.
5 Рад я толпе, не угоден мне храм из кости слоновой:
Взорам отраден моим римского форума вид.
Некогда здесь Тиберин свой путь пролагал, и толкуют,
Будто плескались там весла по мелкой воде;
После того же, как он уступил свое место питомцам,
10 Зваться Вертумном я стал от повернувшей реки;
Иль от того, что, плоды во вращении года предвидя,
Их посвященными мнит богу Вертумну народ.
Первыми лишь у меня синеть принимаются грозди
И наливаться начнет колос мохнатый хлебцов;
15 Сладкие вишни ты здесь и осенние сливы увидишь,
Тутовых ягод багрец, зреющих в летние дни;
Здесь прививатель обет воздает венком плодоносным,
Если искусством его яблоня груши родит.

Ложные толки вредны; иным объясняется имя:
20   Верь, когда бог про себя станет рассказывать сам.
Благоприятна моя природа для всех превращений:
      Как ты меня ни верти, буду хорош я всегда.
В коские ткани одень — я девушкой нежною стану;
      Тогу накину — и кто мужем меня не сочтет?
25   Дай ты мне косу и лоб увенчай мне спутанным сеном —
      Ты поклянешься, что сам эту траву я косил.
Я и доспехи носил, и помню — меня в них хвалили;
      Также бывал и жнецом с полной кошницей зерна.
В тяжбах судебных я трезв; но только венок я надену,
30   Ты закричишь, что вино кинулось в голову мне.
Голову митрой укрась — я стану похож на Иакха;
      Феба я образ приму, если подаришь мне плектр.
С сетью в руках — я ловец, когда же тростинку возьму я,
      Богом я стану опять: буду я Фави-птицелов.
35   Был и возницей Вертумн, и всадником также, который
      Может совсем без труда прыгать с коня на коня.
Случай представится — рыб на крючок наловлю и пойду я
      Щеголеватым кунцом в длинной тунике бродить.
С посохом, будто настух, могу надзирать я и даже
40   В цирке порою носить розы в корзине большой.
Разве прибавить еще (я в этом особенно славен),
      Что приношенья садов сладко держать мне в руках:
И голубой огурец, и, как чрево, распухшая тыква,
      Связки канустных кочней — это приметы мои.
45   Нет и цветка на лугах, который не стал бы, красиво
      Мне обвивая чело, томно на нем увядать.
Так как, единый всегда, я во все превращался обличья,
      Метко родной мне язык имя впоследствии дал.
Ты же, о Рим, ты и сам присудил моим тускам награду:
50   Целая улица здесь Тусской зовется поднесь

С давней поры, как пришел Ликомед с дружиной союзной,
Лютотог Татия строй, войско сабинов разбил.
Зрел я колеблемый строй и копий падение видел,
Как показали нам тыл в бегстве позорном враги.

55 Сделай лишь так, о родитель богов, чтобы граждане Рима
В тогах густою толпой шли предо мною в веках.
Шесть остается стихов (тебя, что на суд поспешаешь,
Не задержу: вот предел всех пояснений моих).

Был я кленовым пнем, топором, обтесанным наспех,
60 Нищим до Нумы я был богом во граде родном.
Пусть же, Мамурий, тебе, чеканщику статуи медной,
Осков земля не натрет сильной в искусстве руки,
Если сумел ты меня отлить столь способным на дело.
Это творенье — одно, но не одна ему честь.

III

Это письмо своему Ликоту шлет Аретуза,—
Только, далекий всегда, можешь ли зваться моим?
Если при чтенье тебе покажутся строки неясны,
Помни, моею слезой стерты такие места.

⁵ Если ж неверной чертой собьет тебя буква иная,
Знай, замирающих рук это отчаянный знак.
Видели Бактры твоё многократное в них появленье,
Видел и невр-супостат, в броню одевший коня,
Геты с холодной зимой и бритт в расписной колеснице,
¹⁰ Смуглый, восточной водой будто сожженный индус.
Это ли брачный союз, договором скрепленные ночи
В час, когда пылкому я юноше — дева — сдалась?
Как провожали меня, предо мною пророческий факел
От разоренных костров мрачное пламя зажег,

¹⁵ И окропили меня из стигийских озер, и повязка
Криво на косы легла: замуж без бога я шла.
Тщетно у храмов висят, увы, все мои приношенья:
Вот уж четвертый теперь тку тебе воинский плащ.

Горе тому, кто сгубил для военного тына деревья,
20 Кости хрипящие смог в горестный рог превратить!
Пусть он томится, как Оки, что плетет, согнувшись, канаты
И утолять обречен вечно твой голод, осёл!
Разве, скажи мне, не жгут тебе нежные плечи доспехи,
Разве тяжелым копьем ты не натер себе рук?
25 Лучше пусть это вредит, чем какой-нибудь девушки зубы
В шею вонзают тебе метку, несносную мне!
Ты, говорят, и лицом похудел; но я бы желала,
Чтобы ты сох и бледнел лишь от томленья по мне.
Я ж, когда горькую ночь приводит томительный вечер,
30 Страстно целую в тиши твой позабытый доспех,
Жалуюсь я, что твой плащ постели моей не закроет
И не поют для меня птицы, предвестницы дня.
В долгую зимнюю ночь над лагерной пряжей тружусь я,
Тихо на ткацком станке тянется тирская шерсть.
35 Знать я хочу, где течет Аракс, покоряемый нами,
Много ли миль без воды скачет парфянский скакун;
Привуждена изучать я по картам раскрашенным страны,
Всё, что премудрый творец вырастить там порешил,—
Где цепенеет земля от морозов, где сякнет от зноя,
40 Или какие ветра парус в Италию мчат.
Рядом со мною — сестра да кормилица, с горя бледнея,
С клятвой твердит: лишь зима так задержала тебя.
Как Ипполите везло! Доспех обнаженные груди —
Варварке — ей покрывал, голову нежную — шлем.
45 О, если б воинский стан был открыт и для женщины Рима!
Верной подмогой тебе я бы в походе была.
Скифские горы меня задержать не могли бы, хоть кренкий
Волею бога до дна реки сковал бы мороз.
Сила любви велика, а тем боле к законному мужу:
50 И раздувает огонь этот Венера сама.

Что же мне в том, что горит твой пурпур пунийским багрянцем,

А на руках у меня — камни чистой воды?

Глухо вокруг всё молчит, лишь привычной рукой приоткроет

Только в Календы одни ларов служанка моя.

55 Кравга, собачка моя, заскулит — вот мое утешенье:

Вместо тебя лишь она греет мне ночью постель.

В храмы ношу я цветы, покрываю ветвями распустья,

И можжевелник трещит в старом у нас очаге.

Если сова закричит, усевшись на крыше соседней,

60 Или запросит вина скудный светильник ночной,

То предвещает сей день закланье молочной овечки,

И, подпоясавшись, ждут свежей поживы жрецы.

Славой, молю я, не льстись взойти на бактрийскую крепость

Или, вождя победив, снять раздушенный наряд

65 В час, когда пращи начнут метать свинцовые ядра

И с обращенных коней лук вероломный звенит.

Но да смиришь ты скорей питомцев парфянского царства

Да понесешься с копьем вслед за победным конем.

Век нерушимо храни обеты нашего ложа:

70 Лишь под условием таким жду я обратно тебя.

И, принеся твой доспех по обету к воротам Капенским,

Сделаю надпись: «Жена дар сей за мужа внесла».

IV

Буду тарпейскую сень и могилу Тарпеи презренной
    Петь и захваченный в плен древний Юпитера храм.
В роще тенистой была плющом сокрыта пещера,
    Там, где плеск родников с шумом сливался дубрав,—
5 Тихий Сильвана приют, куда овец зазывала
    Часто в полуденный зной ласковым звоном свирель.
Татий источники те обнес частоколом кленовым
    И, наваливши земли, лагерь надежный возвел.
Чем в эту пору был Рим, когда рядом Юпитера скалы
10 Звуком протяжным своей дудки курет оглашал?
Там, где диктуют теперь областям покоренным законы,
    Римскую площадь копьём воин сабинский стерег.
Горы служили стеной; где теперь сенат и комиций,
    Там из источника пил некогда конь боевой.
15 Воду богине брала отсюда Тарпея; но деве
    Голову обременял глиняный тяжко кувшин.
Разве довольно одной было смерти для девы преступной,
    Что захотела твои, Веста, огни осквернить?

Татий пред ней гарцевал на поле песчаном, красуясь
20 Пестрым оружием, припав к холке буланой коня.
Так поразил ее вид и царя и царских доспехов,
Что опустила она руки и выпал кувшин.
Часто винила она напрасно Луну за предвестья
И говорила: «Иду волосы в речке омыть»;
25 Часто носила благим серебристым лилии нимфам,
Чтоб не пронзили лицо Татия римским копьем,
И возвращалась в туман Капитолия с дымом вечерним,
Руки себе изодрав на ежевичных шипах,
И на Тарпейской скале о ранах своих сокрушалась,
30 Ранах, которых простить близкий Юпитер не мог.
«Лагеря дальний огонь, и Татия в поле палатки,
И покоривший мне взор чудный сабинский доспех,—
О, если б пленницей мне остаться у ваших пенатов,
Пленницей, но моего Татия видеть лицо!
35 Римские горы, и Рим на их вершинах, и Веста,
Та, что позором моим будешь покрыта,— прости!
В лагерь пусть мчит мою страсть тот конь, которому Татий
Собственноручно всегда гриву направо кладет.
Диво ль, что Скилла волос отца своего не щадила
40 И превратились в собак белые чресла ее?
Диво ль, что предан был брат с головою рогатого зверя
В день, когда долгая нить путь указала во тьме?
Что за великий позор Авзонийским я девам готовлю,
Грешная дева, чей долг — девственный пламень блюсти!
45 Если кого поразит, что угасли огни пред Палладой,
Пусть он простит: алтари залили слезы мои.
Завтра, как слухи идут, весь город охватит сраженье;
Ты ж опасайся всегда терний росистых горы.
Скользок, увы, этот путь и коварен: на всем протяженье
50 Он под коварной тропой скрытые воды таит.

О, если б ведала я заклятья магической музы,
 В помощь, красавец, тебе были бы эти слова!
 Шитая тога к лицу — тебе, не тому, кто позорно
 Не материнскую грудь — вымя волчицы сосал.
 55 Гость мой, царицею я рожать при дворе твоём стану —
 Выйдет приданым честным мной тебе преданный Рим.
 Если же нет — не покинь без отмщенья сабинянок пленных:
 Ныне похить и меня, мерой за меру воздав.
 Сомкнутый строй я разрушить могу: а вы, о супруги,
 60 Вы заключите союз с помощью паллы моеи.
 Музыкой грянь, Гименей: трубач, не труби ты так грозно:
 Брачное ложе мое, верьте, сраженья уймет.
 Вот уж четвертый рожок возвещает зари приближенье,
 Вот и созвездья, склонясь, тихо скользят в Океан.
 65 Я попытаюсь уснуть, о тебе я ищу сновидений:
 Ты перед взором моим благостной тенью предстань».

Молвила — и предала тревожному сну свое тело,
 Не сознавая, увы, новых безумий во сне:
 Ибо бессменный страж пепелища троянского — Веста
 70 Множит вину и своим факелом кости ей жжет.
 Так, как стримонка бежит, что возле струй Термодонта,
 Платье свое изорвав, с грудью несется нагой.
 Праздник в городе был (Палилии назван у предков,
 С этого первого дня начали стены расти):
 75 У пастухов годовые пиры, по городу игры,
 Сладкой едой и питьем сельские полны столы,
 Через лежащие врозь охалки зажженного сена
 Пьяная скачет толпа, ноги измазав в грязи.
 Ромул в ту ночь приказал распустить всю стражу на отдых,
 80 В лагере всем тишина, грозные трубы молчат.
 Время пришло для встречи с врагом, — решила Тарпея.
 И, заключив договор, стала ему помогать.

Трудно подняться на холм, но был он в праздник безлюден:

Меч ее быстрый разит звонкоголосых собак.

85 Все погрузилось в сон, не дремал, однако, Юпитер,
Чтобы тебя покарать за преступленье твое.

Стражу ворот предала и спавшую мирно отчизну:

Брака желанного день требует ей указать.

Татий же (ибо и враг не воздал измене почета)

90 «Вот,— говорит он,— тебе царское ложе: взойди».

Так он сказал, и ее завалила оружием свита:

Вот тебе свадебный дар, дева, за службу твою!

Имя Тарпей-вождя у нас гора получила:

Не по заслугам твоим названа эта гора!

V

Пусть зарастет вся могила твоя колючками, сводня,
Пусть на мученье тебе жажда томит твою тень,
Да не таятся в золе твои маны, но мстительный Цербер
Мерзкие кости твои воем голодным страшит!

5 Ты, что смогла б склонить Ипполита-упрямца к Венере,
Ты, для согласия в любви злейшая птица из всех,
Ты Пенелопу могла б за пустого хлыща Антиноя
Вынудить замуж пойти, весть о супруге презрев.
Если захочет она, магнит не притянет железа,
10 Даже голубка и та мачехой станет итепцам.
Только она соберет во рву коллинские травы,
Тотчас же бурный поток все за собою умчит.
Смела она ворожкой Луне давать предписанья.
Спину взерошив, она кралась волчицей ночной;
15 Чтобы лукавством своим обманывать бдительность мужа,
Дергает ногтем она бедным воронам глаза.
Вот и о крови моей по совам она ворожила
И у жеребых кобыл воды брала для меня.

Дело словами она уснащала, подобно потоку,
 20   Что пролагает себе путь сквозь камень, журча.
 «Если прельщает тебя Восток золотой доризантов
       И под тирийской волной пурпурных раковин сок,
 Иль эврипилевская ткань тебе нравится Косской Минервы,
       Иль с Атталейских одров снятый старинный покров,—
 25   Всякий товар, что за деньги нам шлют пальмоносные Фивы,
       Или из мурры фиал, жженный в парфянской печи,—
 Верность отринь, богов прогони, да царствует лживость,
       Пусть разорительный стыд прочь отлетит от тебя!
 Выгодно выдумать вдруг соперника: пользуйся этим;
 30   Если отсрочила ночь,— жарче вернется любовь.
 Если ж тебе волоса он растреплет в злобе,— на пользу:
       Тут-то его и прижми, пусть он заплатит за мир.
 Если им куплен уже восторг продажных объятий,
       Ври ему, будто настал праздник Изиды святой.
 35   Пусть об апрельских тебе напомнит Нола, о майских
       Идах Амикла, твердя «скоро рождение твое».
 Он умоляя стоит: а ты, раскинувшись в кресле,
       Все что угодно пиши: коль заподозрит — он твой.
 Шею держи в синяках от недавних как будто укусов:
 40   Он их сочтет за следы страстной любовной борьбы.
 Бегать не вздумай за ним, подобно срамнице Медее
       (Знаешь ведь, как презирать стали за это ее),
 Алчной Таиде скорей у изящного следуй Менадра:
       С Гетой лукавым она ловко на сцене хитрит.
 45   Вкусу мужчин потакай: если песню твой милый затянет,
       Вторь ему, будто и ты тоже, как он, напилась.
 Пусть тороватого ждет привратник; а нищий толкнется,—
       Пусть он задвинет засов и непробудно храпит.
 Пусть и солдат тебе не претит, для любви не рожденный,
 50   Или матрос, у кого деньги в корявой руке,

Или же тот, кто носил дощечку на варварской шее
И намелённой ногой прыгал толпе напоказ.

Надо на деньги глядеть, не на руку, дающую деньги!

Что, кроме слов, получить можно от жалких стихов:

55 «Жизнь моя, что за нужда выступать, разукрасив прическу,

И шаловливо играть складками косских одежд?»

Если кто дарит стихи, не даря тебе косских нарядов,

К лире без денег всегда ты оставайся глухой.

Коль горяча еще кровь и лицо не изрыли морщины,

60 Пользуйся! — завтрашний день щеки засушит твой.

Видела в самом цвету я душистого Пестума розы:

Утренний ветер подул, — сразу увяли они».

Так вот вводила в соблазн подругу мою Акантида,

Ну, а сама-то она кожа да кости была.

65 Но в благодарность тебе, о царица Венера, голубку

Я приношу, и на твой жертву кладу я алтарь:

Видел я, — кашель сводил старушечью шею в морщинах,

Меж дупловатых зубов с кровью сочилась слюна;

Дух испускала она гнилой на отцовской рогоже,

70 Стыла в лачуге глухой перед пустым очагом;

А похоронный убор был шнурок на вылезших космах,

Краденый, с ветхим чепцом заплесневелым в грязи;

Да на беду мне еще тут залаяла чуткая сука

В час, когда, крадучись, я пальцем засов отпирал.

Сводне урною будь посудина с горлом отбитым,

Дикая фига пускай сверху придавит ее.

Каждый, кто любит, кидай на могилу ей острые камни

И непременно еще крепко ее изругай!

VI

Жертву приносит певец: да смолкнут уста перед жертвой,
Пусть пред моим алтарем телка падет под ножом;
Римские ныне венки с плющом да поспорят Филета,
И киренейской струей урна да плещет моя.
Коста и ладана мне вручите дары всеблагие,
Трижды пусть круг шерстяной днесь опояшет алтарь.
Влагой кропите меня, пусть новый алтарь освящает
Флейты слоновая кость, этот мигдонский сосуд.
Прочь отлети ты, обман, и ветер да развеет опасность:
¹⁰ Пусть непорочный лавр путь устилает певцу.
Муза, мы храм воспоем Палатинского днесь Аполлона,—
Вот, Каллиопа, предмет, взоров достойный твоих!
Цезаря песней своей хвалить я буду, а если
Цезаря славят — молю, ты, о Юпитер, внимай!
¹⁵ Фебова бухта есть, что врезалась в брег афаманский,
Гул ионийской волны там наполняет залив;
Эта актийская гладь — кораблей твоих памятник, Юлий,
Путь, где внимателен бог к жарким обетам пловца.

Здесь собрались со вселенной войска: сосновые глыбы
20 Встали в морях; прорекли птицы им разный удел.
Был и другой здесь флот, осужденный Тевкром Квирином,
Римские копья — позор! — взятые женской рукой;
Августа были суда, ведомы Юпитера знаком, —
Их значки уж не раз родине славу несли.
25 Выгнул Нерей наконец ряды двойною дугою,
И отраженных мечей блеск засиял на волнах.
Феб же, Делос забыв, его повеленьем недвижимый
(Ветрами гневными был по морю встарь он гоним),
Вдруг над кормою возник у Августа; новое пламя
30 Вспыхнуло, трижды сверкнув факела яркой дугой.
Он не принес сюда ни кудрей, текущих на плечи,
Ни черепашей своей лиры, ни песен любви, —
Ликом таким он грозил Агамемнону, внуку Пелопа,
Мертвых из стана дорян к жадным кострам выводил,
35 С ликом таким он рассек Пифона ползучие кольца, —
Змея (смолкали тогда звуки незлобивых лир).
Ныне он рек: «О ты, блюститель вселенной из Альбы,
Август, ты славой затмил предков троянских своих!
Волны смири: земля уж твоя. Мой лук тебе служит
40 И помогает доспех, плечи гнетущий мои.
Родины страх разгони, которая ныне, о мститель,
За корабли, за тебя к небу возносит мольбы.
Если защиты не дашь, то Ромул, воздвигнувший стены,
Встарь увидал не к добру птиц палатинских полет.
45 Дерзостны весла врагов. Латинскому морю зазорно
Парус царицы терпеть там, где начальствуешь ты.
Да не страшит тебя флот, окрыленный сотнями весел
Вражьих: он морем скользит против желанья волн.
Хоть на носу кораблей — кентавры, грозящие камнем,
50 Бревен раскрашенных вид не напугает тебя.

- В войне силу крушат иль множат — его побужденья,
 В деле неправом из рук вышибет совесть копьё.
 Срок твой настал; высылай корабли: я, время назначив,
 Сам лавроносной рукой Юлия флот поведу».
- 55 Молвил — и луком своим истощает запасы колчана,
 Следом за луком его Цезаря копьё блещет.
 Рим победил, как Феб обещал; а женщине — гибель:
 Сломанный скипетр ее мчит ионийская зыбь.
- А с идалийской звезды восхищается Цезарь-родитель:
 60 «Бог я! Я вижу, моя кровь в твоих жилах течет!»
 Следом Тритон вострубил, и дружно морские богини
 Все рукоплещут вокруг наших свободных знамен.
 К Нилу стремится она, злополучная, в лодке поспешной,—
 Лишь бы к ней смерть не пришла в день, предрешенный
 врагом.
- 65 Боги судили не так! Жене пройти ли триумфом
 Путь, где некогда шел пленный Югурта в цепях?
 Феб Актийский воздвиг себе памятник здесь, поразивши
 Ныне одною стрелой десять ее кораблей...
- Пел я довольно войну: Аполлон победитель кифару
 70 Требует, снявши доспех для сладкозвучных стихов.
 Светлые ныне пиры да начнутся в приветливой чаше,
 Нежные розы теперь с шеи да вьются моей,
 Пусть заструится вино, что выжато прессом Фалерна,
 Пусть киликийский шафран трижды волосы окропит.
- 75 Пусть у портов хмельных вдохновение Муза разбудит:
 Вахх, под покровом твоим Феб плодоносен всегда.
 Пусть вспоминает один покоренье болотных сиграмбров.
 Славит Мервю другой — край твой, о смуглый Кефей.
- Третий поет, как позже на мир согласился парфянин:
 80 «Рема значки да вернет; скоро отдаст и свои.
 Только затем и щадит еще Август колчаны Востока,
 Чтобы своим сыновьям эти трофеи отдать.

Радуйся, Красс, если ты под темным песком еще мыслишь:

Можем к холму твоему мчаться мы через Евфрат»,

⁸⁵ Так проведу я всю ночь за чашей, за песней, доколе
День не зажжет над вином яркие стрелы лучей.

VII

Маны не выдумка: смерть не все за собою уносит;
Над похоронным костром бледная тень восстает.
Мне у постели моей явился Кинфии призрак,
Похороненной в конце шумной дороги на днях.
5 Тяжек был сон у меня; о любви погребенной я грезил,
Холод постели моей царственный я проклинал.
Волосы те же у ней, с какими ее выносили,
Те же были глаза; край у одежды сожжен,
Пламенем был опален на пальце берилл неизменный,
10 И омертвила уста влага летейской струи.
Словно живая дыша, как живая она говорила,
Но на бессильных руках пальцы хрустели слегка.
«О вероломный, никто из женщин тебе не поверит,
Спишь ты! Неужто же сон может тобою владеть?
15 Ты неужели забыл проделки бессонной Субуры?
И под окном у меня все похождения свои?
Как то одной, то другой рукою хватая веревку,
Я опускалась по ней прямо в объятья твои?

На перепутьях сходясь, мы честно Венере служили,
20 И согревали плащи нам на дороге постель.
О, молчаливый союз! Его вероломные клятвы,
И не услышавши их, ветер с собой уносил.
Но не оплакал никто моего потухавшего взора,
Будь это ты, я хоть день вымолить лишний могла!
25 Подле меня не дудел на тростинке прорезанной сторож.
Вместо подушки лежал жесткий кусок кирпича.
Разве кто видел тебя на моем погребенье печальным,
Разве слезой ты согрел темную тогу свою?
Если ленился пройти за ворота, до них бы велел ты
30 Тише носилкам моим шествовать с прахом родным.
Неблагодарный, зачем ты ветров не звал на костер мой?
Нардом зачем не дышал мой погребальный огонь?
Трудно ли было тебе в него ирисов бросить дешевых
Или очистить мой прах, винный разбивши сосуд?
35 Огненной пытке предай Лигдама, клеймо ему выжги
(Раб этот, знаю, с вином бледной отравы мне дал);
Хитрой Номаде плевки чародейные пусть не помогут:
Вмиг раскаленный кирпич руки ее уличит.
Та, что недавно была всем доступной ночной потаскухой,
40 Пыль поднимает теперь платьем с каймой золотой
И непосильный урок задает той пряхе несчастной,
Что о моей красоте как-нибудь сдуру сболтнет;
Старой Петале за то, что венком убрала мне могилу,
Надо тащить за собой мерзкой колодки ярмо;
45 Да и Лалагу секут, скрутив ей косы тугие,
Так как посмела она имя мое помянуть.
Ей переплавить ты дал золотое мое изваянье,
Чтобы приданое дать ей от костра моего.
Но я тебя не виню, хоть того ты и стоишь, Проперций:
50 Долго ведь в книгах твоих власть процветала моя.

Неотвратимых судеб клянусь перушимым заклятьем,—
Ласков да будет ко мне лай трехголового пса,—
Верной была я тебе. Если лгу,— на могиле гадюка
Пусть у меня зашипит, кости мои тяготя.

55 Знай же, две области есть по ту сторону мрачной стремнины:
В разные заводи там толпы на веслах плывут.

Здесь угоняют валы Клитемнестру распутную, рядом
Волны критянку несут, телки принявшую вид.

Вот и другие летят в ладье, обвитой цветами,

60 В край, где под ветром благим розы Элизия спят,

Где и кифары звучат, и медные бубны Кибелы,

Лидии плектром звенит хор митроносный в садах.

Где Андромеда, а с ней Гипермистра — истинным браком

Славные жены — ведут чистосердечный рассказ:

65 Первая плачет о том, что чернели в цепях материнских

Руки и холод скалы плечи безвинно томил.

Речь Гипермистра ведет, на что ее сестры решились

Смело идти, но она зла не могла совершить.

Так мы посмертной слезой исцеляем любовь каждой жизни,

70 Я ж об изменах твоих не говорю никогда.

Но умоляю теперь, коль словами моими ты тронут,

Коль не совсем завлекли чары Хлориды тебя.

Няню Парфению ты не покинь в ее старости хилой:

Жадной была она, да, но бескорыстной к тебе.

75 Пусть и подружка моя, дорогая Латрида, не служит

Новой твоей госпоже, зеркала ей не подаст.

Стихотворенья свои, которые мне посвятил ты,

Ради меня ты сожги, а не храни у себя.

Плющ ты с могилы срывай, ведь он, разрастаясь кистями,

80 Нежные кости мои душит, вокруг них оплетаясь.

Там, где сквозь купы деревьев течет Аниен плодоносный,

Там, где слоновая кость волей Геракла светла,

Там на могильном столбе стихи в мою честь ты напишешь
Кратко, чтоб мог их прочесть с ходу из Рима ездок:
85 «В лоне Тибурской земли золотая здесь Кинфия дремлет:
О Аниен, возросла слава твоих берегов».
Не презирай ты и снов, из блаженных ворот исходящих:
Эти блаженные сны смыслом великим полны.
Ночью мы странствуем (ночь выпускает плененные тени).
90 Даже и Цербер тогда бродит, отринувши цепь.
Утром законы велят возвращаться к заводям Леты:
Мы возвращаемся, счет нам перевозчик ведет.
Ты отдавайся другим: но я скоро тобой завладею,
Будешь со мной, твой костяк кости обнимут мои».
95 Так укоряла она, но горькие смолкли упреки:
Тая в объятьях моих, скрылась прозрачная тень.

VIII

Слушай, что в прошлую ночь Эсквилин многоводный смутило,
Как соседи толпой ринулись в новый квартал.
Некий старинный дракон охраняет издревле Ланувий,
Стоит пойти посмотреть зрелище редкое здесь:
5 Спуск там таится крутой в заветную темную пропасть
Дева нисходит туда (бойся подобных путей!)
В праздник голодной змеи, когда, требуя яств ежегодных,
С грозным шипеньем она вьется по недрам земли.
Девы бледнеют, когда их спускают для жертвы священной,
10 И наудачу суют руку в змеиную пасть.
Жадно хватает змея принесенные девою яства,
Даже корзины дрожат в нежных девичьих руках.
Если невинны они, обнимают родителей снова,
А земледельцы кричат: «Год урожайный идет!»
15 На иноходцах сюда подстриженных Кинфия мчалась:
Ради Юноны... да нет: ради Венеры скорей.
Аппия путь, расскажи, каким же это триумфом
Было, когда по твоим плитам она пронеслась,

Как в потаенной корчме загремела позорная драка
20 Мне на бесчестье, хоть я и не участвовал в ней.
Всех поразила она, у самого дышла красуясь,
Дерзко приехать решив в гнусные эти места.
Я уж молчу о шелковом возке безволосого мота,
Об ожерельях его лютых Молосских собак:
25 Видно, придется ему продаться в откорм непотребный,
Если на голых щеках вновь отрастет борода.
Раз уже наша постель постоянно терпела измены,
Снявшись с постоя у ней, вздумал я ложе сменить.
Знал я,— Филлида живет вблизи авентинской Дианы:
30 Трезвой она не мила; выпьет — прелестна во всем!
Возле Тарпейских дубрав — другая прелестница — Тейя:
Чудо! А как подопьет — мало уж ей одного.
Их-то, чтоб ночь скоротать, позвать я туда и решился,
С ними изведать хотел новые тайны любви.
35 Сделал в укромной траве для троих я единое ложе.
Спросишь, как мы возлегли? Я поместился меж них.
Черпал кравчий Лигдам из летней чаши стеклянной,
Кубки для нас наполнял чистым метимнским вином,
Был там и нильский флейтист, кастаньеты в руках у Филлиды,
40 И в беспорядке вокруг свежих я роз накидал.
Был там и карлик смешной: кривляясь коротеньким телом,
Тряс он обрубками рук флейте играющей в лад,
Но не пылали светло, хоть полны были маслом, лампы,
И опрокинулся стол навзничь и ножками вверх,
45 Да и «Венеру» не мог я выбросить, кости кидая,
Мне выпадали к беде только «собаки» одни.
Пели глухому и грудь обнажали девчонки слепому;
Мысли мои были все у Ланувийских ворот.
Но неожиданно тут заскрипела входная калитка,
50 И в отдаленных сенях легкий послышался шум:

Кинфия, вихрем влетев, внезапно дверь распахнула,
Волосы не причесав, но и во гневе мила.
Выскользнул кубок тотчас у меня из дрогнувших пальцев,
Я и глотнуть не успел, как побелели уста.

55 Молнии мечут глаза — свирепеют от ярости жены!
Зрелище — будто войска штурмом на город идут!
Злобно Филлиде лицо она раздирает ногтями,
В ужасе Тейя вопит, клича соседей: «Воды!»
Сонных квиритов огни, сверкая на улицах, будят,

60 Грозным смятеньем в ночи весь переулок гудит.
Обе тут в космах волос, в растерзанных, смятых туниках
В улице темной скорей в первый укрылись кабак.
Кинфия, мщеньем горда, возвращается как победитель
И разъяренной рукой бьет меня прямо в лицо,

65 Метку зубами кладет, мне до крови шею кусает,
Хлещет большее всего — по виноватым глазам.
Лишь когда руки она притомила, меня избивая,
И за Лигдама взялась: он, притаившись, лежал
За изголовьем, — и вот ко мне, извлеченный, взывает.

70 Чем помогу я, Лигдам? Сам я в плену, как и ты.
Руки подьемля с мольбой, я тогда лишь добился пощады,
Как разрешила свои тронуть колени она,
Молвив: «Уж если ты ждешь за свое преступление прощенья,
Слушай, законом каким будет скреплен договор.

75 Больше не будешь ходить, разрядившись, под портик Помпея,
Иль меж соблазнов топтать форума свежий песок.
Поберегись на верхи озираться, сидя в театре,
И у носилок чужих полуоткрытых стоять.
Первым же делом — Лигдам, всегдашний предмет моих жалоб

80 Должен быть продан: ему — обе ноги заковать».
Так изрекла приговор. Я сказал: «Приговору покорен».
И засмеялась она, властью безмерной горда.

Ну, а потом все, к чему прикасались чужие девчонки,
Все окурила, омыв чистой водою порог.

⁸⁵ И, приказавши затем мне сейчас же сменить все одежды,
Серным коснулась огнем трижды моей головы.
И лишь тогда, когда все на постели сменили покровы,
Снова на ложе моем мир заключили мы с ней.

IX

Некогда, стадо тельцов Амфитриониад похищал,
Выгнал его из хлевов, о Эрится, твоих
И к Палатинским холмам подошел, изобильным стадами,
И утомленных быков, сам утомлен, распустил
5 Там, где Велабры своей затоплялись рекою, и там, где
Зыбь волны городской резали грудью челны.
Но не осталось оно под кровом лукавого Кака
Целым: Юпитера взор он оскорбил воровством.
Был похитителем Как, в ужасной таился пещере,
10 Яростный рев издавал пастью тройною своей.
Он, чтоб следы утаить вполне очевидной покражи,
Оборотив, за хвосты стадо в пещеру втащил,—
Только от бога не скрыл: быки заревели про вора,
Гнев сокрушил без следа вора угрюмый притон.
15 Пал под менальским суком, все три головы раздробившим,
Как и промолвил Алкид: «Ну же, ступайте, быки!
Вы — Геркулеса быки, моей палицы подвиг последний,
Дважды искал вас, быки, дважды вы прибыль моя.

Поле воловье своим освятите протяжным мычаньем:
20 Пастбищу вашему честь — форум воздвигнет здесь Рим».
Молвил, а жажда ему пересохшее небо терзает,
Но ни единой струи не предлагает земля.
Но вот услышал он смех: смеются, спрятавшись в чаще,
Девы под тенью густой где-то поодаль в лесу.
25 Женской богини тайник там был, заповедный источник, —
Роща, куда ни один муж не посмел бы войти.
Пурпур повязок скрывал порог, от дороги далекий,
В хижине ветхой сиял благоуханный огонь.
Тополь тот храм украшал своею могучей листвою,
30 Тенью скрывая густой стаю крылатых певцов.
Быстро бежит он туда с бородою, посыпанной пылью,
И начинает молить, божеский сан свой забыв:
«Девы, вас я молю, что резвитесь в роще священной,
Мужу усталому вы дайте радушный приют.
35 Всюду ищу я родник, а у вас тут источники плещут,
Дайте вы мне зачерпнуть пригоршню свежей воды.
Вы не слышали о том, кто спиною поддерживал небо?
Вот я — Алкид: на земле все прославляют меня.
Кто не слышал о делах Геркулесовой мощной дубины,
40 Или о стрелах его, грозных для диких зверей?
Что из людей одному мне открылись Стигийские недра?
Дайте приют: я устал, здесь неприютна земля.
Если бы жертву теперь принесли вы хоть гневной Юноне,
Мачеха даже и та мне бы напиться дала.
45 Если же вас устрашает мой вид и львиная грива,
Волосы, что спалены солнцем Ливийской земли,
Знайте, бывал я одет и в сидонское платье рабыни,
Лидии веретенем свой выполняя урок:
Я волосатую грудь прикрывал себе мягкой повязкой,
50 С этой же грубой рукой ловкой служанкою был».

Так говорил Геркулес, но так ему жрица благая,
В алой повязке поверх снежных волос, прорекла:
«Странник, глаза отврати, сокройся из рощи заветной:

Прочь уходи поскорей, цел, от порога беги!

55 Входа мужчинам здесь нет под угрозою кары жестокой:

Уединенный алтарь в хижине мстит за себя.

Вещий Тиресий узрел дорогою ценою Палладу

В час, когда мылась она, щит свой с Горгоною сняв.

Влаги другой да пошлют тебе боги: лишь девам доступный

60 В сих потаенных местах скрытый источник бежит».

Старица так изрекла: но потряс косяки он плечами,

И не смогла уже дверь гневную жажду сдержать.

Он же, ручей исчерпав и пламенный жар утоливши,

Не осушив даже уст, строгий запрет положил:

65 «Сей уголок земли влекущего ныне свой жребий

Принял меня: я устал, но неприютна земля.

Этот высокий алтарь, освященный разысканным стадом,

Рук этих силой, — он рек, — стал высочайшим теперь.

Пусть же он впредь ни одной из женщин не будет доступен,

70 Чтоб неотмщенной не быть жажде твоей, Геркулес».

Славься, отец всеблагой, ты любезен и гневной Юноце:

Славься и днесь осени ты песнопенья мои!

Мир он земной освятил, очистив своими руками,

В Татия Курах ему — Санку воздвигнут алтарь.

Х

Ныне открою, как стал Феретрием зваться Юпитер,
Вспомню тройной доспех, снятый с трех славных вождей,
Путь мне крутой предстоит, но слава меня вдохновляет:
Много ли чести стяжать лавр на отлогих холмах?
5 Сам ты нам подал пример такой победы, о Ромул,
С поля вернувшийся к нам в полном доспехе врага
В день, когда бравшего град Акронта Ценинского сверг ты,
Острым копьем поразив всадника вместе с конем.
Был геркулесов Акронт, властитель Ценинской твердыни,
10 Страшной грозой, о Рим, древних твоих рубежей.
Он, возомнивши сорвать оружие с плеч у Квирина,
Собственный отдал доспех, кровью его обагрив.
Видит врага в тот миг, как пред башней копье он подьмлет,
Ромул, заклätьем своим предупреждает его:
15 «Жертвой да ляжет Акронт пред тобою, Юпитер, сегодня!»
Молит он жарко — и враг жертвой Юпитеру лег.
Града и брани отец, он крепко с победою свыкса,
Жар он и холод сносил, не укрываясь в шатер.

Он и скакал на коне, и плугом владел он искусно,
20 Волчий взъерошенный шлем на голове он носил.
Щит не расписанным был, не украшен был золотом с медью,
Перевязь он заменил жесткою кожей быка...
Следом явился и Косс, убивший вейента Толумна:
Встарь, когда Вейи сломить стоило много труда.
25 Битвы за Тибром еще не гремели, и самой далекой
Был им добычей Номент, сломленной Кору поля.
Древние Вейи, в те дни и вы назывались царством,
Гордо на форуме там трон золоченый стоял.
Ныне поет среди стен лишь унылая дудка пастушья,
30 Зреют на ваших костях в поле широком хлеба.
В башне над створом ворот стоял предводитель вейентов,
И к неприятелю речь дерзкую он обращал.
Но, пока бил таран рогами медными стену
И под навесами шел там непрерывный подкоп,
35 Косс закричал: «Смельчаку веселее на поле сражаться!»
И, не замешкав, они шиблись в открытом бою.
Боги латинским рукам помогли: и шея Толумна
Срублена, крови струей римских омыла коней...
Клавдий затем покори́л врагов, через Рейн перешедших,
40 Отнял бельгийский щит мощного их вожака —
Щит Вирдомара: свой род тот вел от самого Рейна
И с колесниц на бегу страшные копыя метал.
Но, когда бился в строю в полосатых своих шароварах,
С шеи обрубленной цепь в руки упала врагу.
45 Ныне во храме лежат три добычи: Феретрием стал он,
Ибо, ударив мечом, вождь опрокинул вождя;
Иль потому, что сюда побежденных сносили оружие,
Ныне Феретрию сей гордый алтарь посвящен.

XI

Павел, брось отягчать мою гробницу слезами:

Нет, никакою мольбой черных дверей не раскрыть!

Помни, едва попадет погребенный в подземное царство,

Сталь непреклонных ворот путь перережет назад.

⁵ Если мольбу твою бог и услышит в угрюмом чертоге,

Все-таки слезы твои берег поглотит глухой.

Вышних волнует мольба: но лишь деньги возьмет перевозчик,

Бледные двери замкнут тень под травой гробовой.

Сея печаль, звучала труба, и факел враждебный,

¹⁰ Снизу подложенный, прочь голову с ложа мне сбил.

С Павлом мне чем помогло супружество, иль колесницы

Предков, иль славы моей столь драгоценный залог?

Не пощадили меня, Корнелию, злые Парки!

Вот превратилась я в то, что и шепоткой возьмешь.

¹⁵ Ночи проклятые, вы, болота с ленивым теченьем,

Ты, о волва, что кругом ноги объемлешь мои,—

Ах, я попала сюда слишком рано, хоть я и невинна:

Пусть моей тени Отец суд несуровый воздаст.

Если ж над урной Эак восседает судьбою, да судит
20   Бренные кости мои — как ему жребий велит.
Пусть тут и братья сидят, а вблизи от трона Миноса
      Молча внимают суду строгих толпа Евменид.
Брось свою тяжесть, Сизиф, уймись, колесо Иксиона,
      Тантал да ловит в уста влагу обманчивых струй!
25   Ныне пусть бледных теней не травит Цербер жестокий,
      Пусть, соскользнувши, лежит цепь с онемевшим замком
Буду себя защищать: а если солгу, в наказанье
      Пусть мои плечи томит скорбная урна сестер.
Если кто-нибудь был трофеями предков известен,—
30   Дед Нумантинский, тебя Африка здесь назовет.
С ним сравнится еще толпа материнских Либонов:
      Каждый из этих домов блеском поддержан своим.
С дней, как претекста моя заменилась одеждою брачной,
      С дней, когда лентой иной волосы я собрала,
35   Павел, на ложе твоём была я до смертного часа:
      Пусть этот камень гласит — лишь одному я жена!
Предков я пеплом клянусь, которых ты, Рим, почитаешь
      И перед кеми легла Африка с бритой главой.
Мужем клянусь, кто сломил и дом и геройство Персея,
40   Хоть тому был образцом предок далекий Ахилл,—
Что не смягчала ничем для себя я законов цензуры
      И ни единым пятном не осквернила сей дом.
Не повредила, о нет, Корнелия пышным трофеям,
      Ибо и в знатной семье всем подавала пример.
45   Жизнь не менялась моя: она до конца безупречна,
      Честно с тобой мы прошли между двух факелов путь.
Я от природы храню законы, мне данные кровью,—
      И пред судилищем страх сделать бы больше не смог.
Как бы сурово меня ни винули таблички из урны,
50   Хуже не станет никто от приближенья ко мне,

Даже чистойшая всех слуга башненосной Кибелы
Клавдия, ты, чей канат с места богиню совлек,
Даже и та, чей покров очаги оживил белоснежный,
В час, когда вновь призвала Веста священный огонь.
Милой твоей головы я, Скрибония-мать, не срамила:

Что же во мне изменить мнила б ты, кроме судьбы?
Славят теперь слезами меня, и мать, и весь город.

Будет защитой мне Цезаря горестный вздох.

60 «Да,— он молвит,— она была достойной сестрою
Дочери нашей»,— и вот слезы у бога текут.

Все же почетную я себе заслужила одежду,
Не из бесплодной семьи вырвана ныне судьбой.

Лепид и Павел, вы оба мое утешенье за гробом,—
Тихо на вашей груди очи смежились мои.

65 Дважды видеть пришлось мне брата на кресле курульном,
Только он консулом стал — смерть похищает сестру.

Дочь, ты с рожденья была образцом для отцовской цензуры,
Мне подражая, всегда мужа имей одного

И поддержи потомством свой род; я отвязывать рада

70 Лодку,— ведь дети мои мне возвеличат судьбу.

Высшая в том состоит награда женских триумфов,
Что добровольно молва хвалит достойный костер.

Ныне тебе я детей как общий залог поручаю:

Эта забота о них дышит и в пепле моем.

75 Матери долг выполняй, отец: я знаю, придется
Шее твоей выносить стаю питомцев моих.

Плачущих станешь ли ты целовать, поцелуй и за мать;
Помни, отныне весь дом бременем лег на тебя.

Если взгрустнется — грусти, когда поблизости нет их;

80 Как подойдут, обмани: вытерев слезы, целуй.

Хватит с тебя и ночей, о Павел, по мне сокрушаться,
Видеть порою во сне лик мой, врученный тебе.

Если отважишься впредь говорить с моей статуей тайно,
Ты, спросивши, смолкай: буду тебе отвечать.

85 Если же в спальне твоей изменится брачное ложе,
Если на ложе мое мачеха робко взойдет,—
Дети, терпите тогда и брак отца восхваляйте:
Кротостью вашей пленясь, вам подчинится она.

90 Не славословьте меня чересчур: коль со мною сравните,
Примет в обиду она вольные ваши слова.
Если же будет он жить, лишь тень мою вспоминая,
Ежели дорог ему пепел останется мой,
То научитесь тогда облегчать грядущую старость,
Чтоб у забот не нашлось новых путей ко вдовцу.

95 День, у меня отнятой, пусть к вашим прибавится годам;
Павел утешится, став дедом для внуков моих.
Что ж, я довольна теперь; как мать я не знала утраты:
Все мои дети пришли на погребенье мое.

100 Вот и защита моя. Свидетели слезные, встаньте:
Мне в благодарность за жизнь плату земля воздает.
Ввысь открывает пути добродетель; да стану достойной,
Чтобы вознесся мой прах к предкам почтенным своим.

КОММЕНТАРИИ

КАТУЛЛ

I

² ...*жесткой пемзой*...— Книга во времена Катулла представляла собой свиток папируса, край которого прикреплялся к палочке и наматывался на нее. Обе стороны свитка аккуратно срезывались и сглаживались пемзой.

³ ...*тебе, Корнелий!*— Стихотворение посвящено известному писателю историку Корнелию Непоту, земляку Катулла.

⁶⁻⁷ Имеется в виду большой труд Корнелия Непота «Хроника», где он пытался изложить всемирную историю, начиная с самых отдаленных времен.

IV

Благополучно вернувшись из вифинского путешествия (56 г. до н. э.), Катулл, по обычаю, посвящает богам изображение корабля и в сделанной надписи рассказывает о пройденном им пути.

⁸⁻⁹ *Пропонгида* — Мраморное море. *Понт* — Черное море.

²⁷ *Кастор с братом*.— Близнецы Кастор и Поллукс считались покровителями мореплавания.

VII

⁴ *Кирена* — город и область на северном побережье Африки (Ливии).

⁵ *Оракул Аммона*.— Здесь Юпитер отождествляется с египетским богом Аммоном.

⁶ *Битт* — легендарный основатель Кирены.

IX

О возвращении домой Верания (одного из близких друзей Катутла), отравившегося в Испанию в свите претора Пизона.

⁶ *Иберы* — жители Испании.

X

¹ *Вар*.— Вар из Кремоны — земляк Катутла, поэт его кружка.

⁶ *Вифиния* — страна в Малой Азии, превращенная после 74 г. до н. э. в римскую провинцию.

¹¹⁻¹² Имеется в виду пропретор Гай Меммий, в свите которого находился Катутл во время пребывания в Вифинии.

¹⁴⁻¹⁶ В Вифинии было принято пользоваться носилками с семью носильщиками.

²⁶ *Храм Сераписа*.— Храм египетского бога Сераписа находился за пределами города Рима и пользовался большой популярностью.

²⁹ *Цинна Гай*.— Гай Гельвий Цинна — земляк Катутла и спутник его в Вифинии. Цинна — автор известного в древности поэтического произведения «Смирна».

XII

¹ *Марруцинец Асиний*.— Асинии были родом из Марруцин, глухого места на восточном побережье Средней Италии.

⁶ *Поллион*.— Асиний Поллион, брат Асиния, был известным ученым и политическим деятелем.

¹⁴⁻¹⁵ *Фабулл и Вераний* — приятели Катутла, отправившиеся в поисках богатства в Испанию в свите претора Пизона.

XIV

² *Лициний Кальв* — ближайший друг Катутла, поэт и известный оратор, соперник Цицерона.

³ *Ватильева злоба*.— Политический деятель Ватиний обвинялся Кальвом в том, что он получил должность претора с помощью подкупа.

¹⁵ *Сатурналии* — древнеиталийский зимний веселый праздник в память о «золотом веке». В этот день было принято обмениваться подарками.

¹⁸⁻¹⁹ *Цесий, Аквин, Суффен* — бездарные поэты, современники Катутла (очевидно, имена нарицательные).

XVII

⁶ *...в пляске салийской!* — Салли — жрецы бога Марса. На празднествах в честь этого божества (в начале марта меслца) жрецы исполняли священную пляску.

XXII

²¹ *Но за своей спиной не видать сумки*.— Поговорочное выражение. В баснях Эзопа рассказывается, что Юпитер дал человеку две сумки: одна с собственными пороками висит у человека за спиной, другая — с чужими недостатками — на груди.

XXVI

Австр, Евр, Фавон (Зефир) — названия различных ветров.

XXVII

³ *Постумия* — лицо неизвестное.

⁷ *Сын Тионы*.— Мать Вакха Семела, перенесенная после смерти на Олимп, получила имя Тиона.

XXVIII

¹ *Злополучные спутники Пизона...*— Луций Кальпурний Пизон — претор провинции Испании (65 г. до н. э.). За ним, в надежде обогатиться, отправились Вераний и Фабулл.

⁷ *...за моим гоняясь...*— имеется в виду Гай Меммий (см. стнх. X, 12—13).

XXIX

³ *Мамурра* — римский всадник из Формий. Он пользовался особым покровительством Цезаря: скопив огромные богатства в Испании и Галии, вернулся в Рим.

⁵ *Ромул*.— Имеется в виду Гай Юлий Цезарь.

¹² *Далекий остров Запада* — Британия.

¹⁹ *...ограбил Понт...*— намек на добычу, данную Мамурре Помпеем, победителем Митридата Понтийского (64—63 до н. э.).

²⁰ *Иберия* — Испания. Намек на Лузитанскую войну в 61 г. до н. э.

²¹ *Теперь дрожат и Галльский и Британский край* — боясь, что Мамурра будет назначен претором в эти провинции.

²⁵ *Тесть и зять* — Цезарь и Помпей.

XXXI

² *Сирмион* — полуостров на Бенакском озере (ныне озеро Гарда), где находился дом Катулла.

⁹ *Лары* — божества домашнего очага, охраняющие дом.

XXXIV

В гимне Диане упоминаются культовые имена этой богини: Латония, Тривия, Луна и др.

¹⁴ *Люцина* — римское прозвание Юноны, как помощницы при родах.

XXXV

² *Цецилий* — эпический поэт, друг Катутла, уроженец Нового Кома (ныне Комо) на берегу Ларийского озера.

¹⁸ *«Диндимена»*. — «Владычица Диндима» — поэма Цецилия, посвященная великой матери богов — богине Кибеле. Диндим — гора во Фригии, где был особенно распространен культ этой богини.

XXXVI

¹ *Волюзий* — какой-то бездарный эпический поэт, высмеиваемый Катутлом.

¹¹⁻¹⁵ Перечисляются места, связанные с культом Венеры: *Идалий* — город на Кипре. *Урии и Анкона* — города в Южной Италии, *Книд* — город в Малой Азии, *Амафунт и Голли* — селения на Кипре; *Диррахий* — приморский город Илирии, «базар Адриатики», отличался крайней свободой нравов.

XXXVII

² ...от *«Близнецов в шапке»*... — возле храма божественных близнецов Кастора и Поллукса, которых обычно изображали в мягких шапочках.

¹⁸⁻¹⁹ ...*кроличье отродье, кельтибер*... — Кельтибер — уроженец Кельтской Испании, слышавшей родинной кроликов.

XXXVIII

¹ *Корнифиций*. — Квинт Корнифиций, оратор и поэт-неотеорик, связанный дружбой с Катутлом. Погиб в гражданской войне против Октавиана (I в. н. э.).

⁸ *Симонид* — Симонид Кеосский, древнегреческий лирик, автор «Плачей» — печальных элегий.

XXXIX

⁴ ...*у костра печального*... — При погребении римляне клали тело умершего на высокий костер и сжигали.

¹⁰⁻¹³ Перечисляются жители различных областей Италии: *сабинец, тибурец, умбр, этруск, ланувиец, транспаданец*.

XLI

⁴ *Казнокрад формийский* — Мамурра.

XLIV

¹ *...сабинский ли, тибурский ли...*— Шутка построена на том, что поместье Катутла находилось, видимо, на границе между плодородной Тибурской равниной, застроенной вилами богачей, и горным, покрытым лесом Сабинским краем, где были дачи менее состоятельных римлян.

¹⁰ *...у Сестия.*— Публий Сестий — народный трибун, оратор и друг Цицерона. Он был плохим писателем, лишенным вкуса.

XLVI

⁴⁻⁵ Катутла, находившийся в свите Меммия, оставляет его в *Никее*, столице Вифинии и направляется к себе на родину, посещая по дороге знаменитые старинные города Малой Азии.

XLVII

¹ *Порций и Сократий* — неизвестные лица, приближенные влиятельного Луция Кальпурния Пизона, близкого к Цезарю.

XLIX

Стихотворение обращено к Марку Туллию Цицерону. Ученые не могут решить, серьезна или иронична благодарность Катутла. Прежде считали, что Катутла благодарит Цицерона за нелестную характеристику Лесбии-Клодии в речи «В защиту Целия». В настоящее время возобладало мнение, что стихотворение носит иронический характер и вызвано нападка ми Цицерона на новое литературное течение, к которому примыкала Катутла.

LI

² *Ноний*.— По-видимому, это Ноний Аспренат — проконсул 46 г. до н. э., легат Цезаря в Африканской и Испанской войнах. ...*в кресло сел курульное* — стал сенатором.

³ *Фаски* — пучки прутьев с воткнутыми в них секирами, которые несли за консулом охранявшие его ликторы.

LV

⁶ ...*под портиком Помпея*...— Колоннада, украшенная деревьями и фонтанами, была построена к первому в Риме каменному театру. Этот театр был воздвигнут в консульство Помпея (55 г. до н. э.).

¹⁴ *Критский страж*.— Зевс (или Гефест) подарил царю Миносу великана Тала для охраны Крита. Он трижды в день обегал остров.

LXI

Этот свадебный гимн-эпиталамий посвящен земляку Катутла Манлию Торквату и его невесте Винии Аврункулее, девушке знатного рода. Сохранился с пропусками, помеченными точками.

¹⁷⁻¹⁸ Упоминание о суде Париса.

²⁷ ...*Брось утесы Теспийские*...— Теспии — город в Беотии у подножия Геликона, где особенно чтлись Музы и Амур.

²⁸ *Аония* — Беотия.

³⁰ *Аганиппа* — нимфа священного источника на вершине Геликона.

¹²⁶⁻¹²⁷ *Фесценинские шутки*...— традиционные песни и шутки, часто нескромного содержания.

¹³⁴ *Таласий* — Гименей.

LXII

Вторая свадебная песнь — эпиталамий представляет собой как бы состязание хора девушек и юношей, друзей жениха и подруг невесты.

¹ *Веспер* — вечерняя звезда, Венера.

⁷ *Эта* — гора в Фессалии.

³⁵ ...*под названьем другим*... — Утром Венера восходит под именем «Люцифер» (Светоносец).

LXIII

² ...*фригийских лесов*... — Гористая Фригия считалась обиталищем богини Кибелы (Кивевы).

⁶ *Гулкий тимпан* — музыкальный инструмент типа бубна с погремушками и колокольчиками. Тимпан употреблялся при оргиях в честь Кибелы.

¹³ ...*В горы, галлы! Диндимены-госпожи покорная тварь!* — Галлами называются жрецы Кибелы, оскотившие себя.

²³ ...*там менад*... — Менады — вакханки. Культ Кибелы часто смешивался с культом Вакха.

²⁹ *По тробтам зеленой Иды*... — Ида — гора в Троаде, где был широко распространен культ Кибелы («Идейская мать»).

³⁵ ...*не вкусив Цереры даров* — хлеба и вообще пищи.

⁴⁰ ...*огненосных коней полет*... — коней, везущих колесницу солнца.

⁴² *Пасифей* — супруга бога Сна, одна из Харит.

⁶⁹ ...*не увижу я гимнасий... палестр*... — Гимнасии и палестры — специальные школы гимнастических упражнений для юношей.

⁷⁶ *Тотчас львов своих*... — Львы были священными животными Кибелы.

LXIV

¹ *Пелион* — лесистая горная цепь в Фессалии.

³ *Фасис* — река на Кавказе, ныне Риони.

⁶ ...*богиня сама*... — Афина Паллада, покровительствующая аргонавтам.

²¹ ...*отец*... — Юпитер.

²⁶⁻²⁷ ...*Юпитер... уступил любимую деву*... — Юпитер домогался любви Фетиды, но ему было предсказано, что сын Фетиды будет могущественнее своего отца, и он отдал богиню Фетиду смертному Пелею.

³⁵⁻³⁷ Перечисляются места и города в Греции, жители которых собираются в Фарсальском доме — у Пелея.

⁵² *Дия* — древнее название острова Наксоса, посвященного Вакху.

⁶⁰ *Миноида* — дочь Миноса — Ариадна.

⁷¹ *Эрицина* — эпитет Венеры, от имени горы Эрикс в Сицилии, где был ее храм.

⁷⁵ *...гортинские кровли*. — Гортина — город в центре Крита, где жил Минос. Там же находился Лабиринт.

⁸⁹ *Эврот* — главная река в Спарте.

¹¹³⁻¹¹⁵ Упоминание о нити Ариадны, с помощью которой Тезей вышел из Лабиринта.

¹⁵⁰ *...потерять... брата...* — Минотавра.

¹⁷⁸ *Идейские горы* — горы в центре острова Крита.

²¹¹ *Порт Эрехтейский* — афинский.

²¹⁶ *...возвращенный едва...* — Тезей воспитывался в доме деда, отца своей матери Этры, откуда он и вернулся к отцу.

²²⁸ *Иток* — город в Беотии с храмом Афины.

²⁵¹ *Накх* — культовый эпитет Вакха.

²⁵² *Сатиры и силены* — спутники Вакха. *Ниса* — гора, где, по преданию, был воспитан нимфами Вакх.

²⁸⁵ *Пеней* — божество реки, протекающей через Темнейскую долину.

²⁹⁰ *...сестру Фазтона* — тополь. Сестры, оплакивающие смерть Фазтона, были превращены в тополя.

³⁰⁰ *Сестра...* — Диана.

³²³ *Гематия* — древнее название Македонии, в поэзии так называется и Фессалия.

³⁴⁴ *Тевкрская кровь* — кровь троянцев.

³⁵⁷ *Скамандра волна...* Скамандр — река в Троаде, впадающая в Геллеспонт.

³⁶²⁻³⁷⁰ После взятия Трои Поликсена, пленная дочь Приама, невеста Ахилла, была, по его завещанию, принесена в жертву на его могиле.

³⁷⁷ *...вчерашней ниткой...* — Древние считали, что после брака шея у молодой женщины делалась полнее.

³⁹⁰ *Либер* — Вакх.

³⁹¹ *Тиады* — вакханки.

³⁹⁵ *Дева Рамкунта* — богиня возмездия Немесида.

LXV

Это стихотворение служит как бы вступлением к последующей поэме о волосах Береники.

² *Гортал*.— Квинт Гортензий Гортал — поэт и известный оратор, соперник Цицерона.

...в честь величавых сестер...— муз.

⁵ *Брата бледнеющий призрак*...— побледневшего от смерти.

⁷ *Взморье Ретейское*...— мыс и город в Троаде на Геллеспонте.

¹³⁻¹⁴ Упоминается миф об Итисе и Прокне.

¹⁹⁻²⁰ Влюбленные часто дарили друг другу яблоко как символ любви.

LXVI

Стихотворение написано как бы от лица косы, ставшей созвездием.

⁵⁻⁶ Намек на миф о Селене и Эндимионе. *Латм* — гора в Кари.

⁷ *Конон*.— Конов Самосский, известный александрийский астроном и математик, друг Каллимаха и современник ученого Архимеда.

Береника — жена Птолемея Эвергета, египетского царя.

²² ...*брат*...— Береника приходилась двоюродной сестрой своему мужу.

²⁷⁻²⁸ Береника была просватана отцом за Птолемея Эвергета. Но после смерти отца мачеха Береники Арсиноя решила выдать ее за Деметрия Полиоркета, царя Македонии. Деметрий же, вступив в любовную связь с Арсиноей, навлек всеобщую ненависть. Береника искусно использовала возмущение народа: Деметрий был убит, Арсиноя осталась в живых, а Береника вышла замуж за Птолемея.

⁴⁴ *Сын Фии* — солнце.

⁴⁶ Во время похода Ксеркса на Грецию персы (мидяне) прорыли канал через узкий перешеек, отделявший гору и мыс Афон от материка.

⁴⁸ *Халибы* — народность, обитавшая на южном побережье Черного моря; считались изобретателями рудного дела и славилась своими стальными изделиями.

⁵²⁻⁵³ *Брат Мемнона* — ветер Зефир.

⁵⁴ *Арсиноя*.— Сестра и жена царя Птолемея Филадельфа после смерти была признана божеством. На мысе Зефиринопе возле Александрии ей, как Афродите, был воздвигнут храм, откуда произошло название Венера Зефиритида.

⁵⁵ *Венера*.— Здесь имеется в виду Арсиноя.

⁵⁸ *Каноп* — город в Египте.

⁵⁹ ...у *Ариадны с чела снятый венец золотой*...— Свадебный венец Ариадны был перенесен на небо в виде созвездия «Короны».

⁶⁵⁻⁶⁷ Перечисляются созвездия Девы, Льва, Медведицы, Волоса.

LXIX

¹ *Руф*.— Предполагается, что это М. Целий Руф, оратор, ученик Цицерона и соперник Катуллы в любви к Клодии-Лесбии.

⁶ *Козел* — игра слов: *сарег* — «запах пота» и «козел».

LXXIX

¹ *Лесбий*.— По-видимому, стихотворение относится к трибуну Клодии Пульхру, которого Цицерон уличал в преступной связи с сестрой Клодией (Лесбией у Катуллы). Прозвище Клодия «Пульхр» обозначает «красивый».

XCV

¹ *«Смирну» Цинна издал*...— Поэт Цинна (см. стих. X, 29) написал мифологическую поэму «Смирна» в духе александрийских поэтов о преступной любви кипрской царевны Смирны к ее родному отцу.

⁵ *Сатрах* — река на Кипре.

XCVI

⁶ *Квинтилия* — жена Кальвы.

CI

² *Брат мой*...— Катулл, возвращаясь из Вифинии, посетил могилу любимого брата, похороненного в Троаде (область Малой Азии) на берегу Мраморного моря.

СII

³ *Корнелий* — возможно, историк Корнелий Непот.

⁴ *Гарпократ* — египетский бог молчания.

СV

¹⁻² ...*Ментула прет на Парнас*...— намек на попытки Мамурры (см. стих. XXIX, 3) стать поэтом.

СXIII

¹ *Муцилла*.— Муция, третья жена Помпея. Ее любовниками называли Цезаря и Мамурру.

СXV

¹ ...*на склонах Фирманских* — возле Фирма, города в Италии (современной Фермо).

Т И Б У Л Л

К Н И Г А П Е Р В А Я

I

² *Югер* — мера земельной площади, около 25 кв. м.

¹¹⁻¹² ...*пень заброшенный*... *камень, обвитый венком*.— Одинокий пень в поле и камни на перекрестках дорог украшались венками и служили предметом почитания у сельских жителей.

²⁷ *От восходящего Пса*...— Пес — название звезды Сириус; с появлением ее наступало самое жаркое время года.

³⁵⁻³⁶ *Палес* — богиня, покровительница пастухов и стад. На праздниках в ее честь (в апреле месяце) приносились бескровные жертвы, а пастухи совершали обряд очищения, прыгая через горящий костер.

⁴⁷ *...Австр проливает студеную воду...*— Ветер, приносящий зимой ледяные дожди.

⁵³ *Мессала* — Валерий Мессала Корвин, полководец и оратор, друг и покровитель Тибулла. В 31—30 г. до н. э. был послан Октавианом на восток для ведения войны в Киликии, Сирии, Финикии, Египте.

⁵⁴ *Доспехи врага* — трофеи, добытые на войне, часто вешались на двери.

⁶⁸ *Пряди волос пощади...*— У римлян был обычай при погребении вырывать у себя волосы и царапать щеки в знак горя.

II

⁶⁻¹⁴ Дверь изображается в виде живого существа. К ней влюбленный обращается с просьбами и мольбами.

¹⁴ *...твой оплетал косяк...*— Влюбленные часто украшали цветами дверь любимой.

³⁹⁻⁴⁰ Венера возникла из морской пены и каплей крови бога Урана, изувеченного его сыном Кроносом (Сатурном).

⁵² *...лютых Гекаты собак...*— Собаки были священными животными Гекаты — богини волшебства и заклинаний и повелительницы теней в подземном царстве.

⁶¹ *Черная жертва легла...*— Жертва, приносимая подземным богам, должна быть черного цвета.

⁶⁷ *...тмы киликийцев...*— Киликия — горячая страна в Малой Азии, где Мессала вел войну.

III

¹ *Двинетесь вы без мепл... по волнам эгейским...*— Отправившись в Египет вместе с Мессалой, Тибулл, заболев, остался на острове Коркире.

³ *Феакия* — Коркира.

¹¹ *Жребий священный...*— У римлян были распространены специальные таблички, покрытые таинственными изречениями, — жребии, предсказывающие судьбу. Многочисленные предсказатели, сидевшие на перекрестках и у дверей храмов, предлагали их прохожим для гадания.

¹⁷ ...на птичий полет...— Предсказатели, гадая по полету птиц, предвещали счастливый или несчастливый исход задуманного дела.

¹⁸ ...праздник Сатурна святой...— день Сатурна (суббота) считался неблагоприятным для начала путешествия.

²³ Что мне Изиды твоя...— Культ египетской богини Изиды со времен Суллы был широко распространен в Риме, особенно среди женщин.

²⁴ Систра чужая медь...— Систра — металлический музыкальный инструмент типа погремушки, употреблялся при богослужении в честь Изиды.

²⁸ ...множество ярких картин...— При выздоровлении или избавлении от опасности римляне вешали в храмах богов картины соответствующего содержания.

²⁹⁻³² Описывается один из обрядов, посвященных богине Изиде.

³² ...перед фарийской толпой...— Фарос — небольшой остров близ Александрии. Фарийская толпа — жрецы и почитатели Изиды.

³⁵ ...под властью Сатурна...— При Сатурне, предшественнике Юпитера, царя золотой век.

⁶⁹ Тисифона — одна из фурий.

V

¹⁶ Тривии... девять обетов вознес...— Тривия (Геката) включала в себя три божества. Ее изображения ставились на перекрестках. Числа три и девять считались священными и употреблялись при волшебстве.

³⁵ ...по Армении благоуханной...— Армения, Сирия и Аравия славилась своими пряностями и благоуханиями.

³⁵ Эвр и Нот — юго-восточный и южный ветер.

VI

²¹⁻²⁴ На празднества Доброй Богини (богини плодородия) мужчины не допускались. Мужчин, подглядывавших танства, богиня поражала слепотой.

⁴⁵ *Беллона* — восточная богиня. Культ ее носил оргиастический характер.

⁶⁸ *...длинною стблюю...* — Стола — длинная широкая туника — была одеждой римских матрон.

VII

¹ *День этот...* — день рождения Мессалы.

³⁻⁴ Говорится о Мессале, в начале 30 г. до н. э. покорившем аквитанцев. Аквитания — область в южной Галлии.

Атак — река в Галлии.

⁶ *...новый встречаю триумф.* — Триумф Мессалы после победы над Аквитанией.

⁸ *...на белоснежных конях.* — Колесницу триумфатора везла четверка белых коней.

⁹ *Пиренеев тарбельских...* — Тарбелла — часть Пиренеев, где жили аквитанцы.

¹⁰ *...моря Сантонского берег...* — Сантоны — племя, жившее к северу от Гаропны.

¹¹ *Арап, Родан.* — *Арап* — река Саона; *Родан* — Рона.

¹² *Лигер* — река Луара.

¹³ *Но воспою ли я Кидн...* — Кидн, река в Киликии. Тибулл намекает на экспедицию Мессалы в Киликию.

¹⁵ *Тавр ледяной.* — Тавр — хребет в Малой Азии.

¹⁸ *Голубь порхает святой...* — Голубь в Сирии считался птицей, посвященной богине Астарте.

¹⁹ *Тир* — торговый город и гавань в Финикии.

²³ *...описать я сумею ль истоки...* — Истоки Нила в древности не были известны.

²⁷ *...и Озириса славят...* — Озирис, супруг Изиды, бог земледелия, покровитель Египта, был убит злым Тифоном. Поиск его тела и дальнейшее его воскресение составляют суть культового праздника.

²⁸ *...вознося плач над мемфисским быком.* — Апис — священный бык Мемфиса, пользовался божескими почестями.

⁴⁶ *Паллы шафранный покров...* — Палла — верхнее парадное женское платье. Желтый, шафранный, цвет символизирует веселье.

⁴⁸ *...легкий ларец...* — В ларце находились символические атрибуты вакхического культа.

⁴⁹⁻⁵⁰ *...Гения слава игроу и пляской...*— По верованиям древних, у каждого человека имеется Гений-покровитель. День рождения рассматривался как праздник в честь Гения.

⁵¹ *...сладкий пирог на мопсопийском меду.*— Пироги делали из муки, меда и масла. Мопсопийский мед — аттический. Мопсопа считали древним царем Аттики, которую называли «Мопсопией».

⁵⁷ *Память дороги твоей не угаснет...*— Мессала построил дорогу, идущую от Рима через Тускулу и Альбу Лонгу.

VIII

²² *...если б не гулкая медь.*— Древние верили, что с помощью шума, производимого всякими инструментами, можно было помешать волшебнику свести Луну с неба (во время лунного затмения).

⁴³⁻⁴⁴ *...скорлупою зеленых орехов... лета скрывая свои.*— Чтобы придать волосам темный цвет, римляне красили их оболочкой грецких орехов.

⁷² *Мстительный бог* — Амур.

КНИГА ВТОРАЯ

I

¹ *...освящаем поля мы и жатву...*— В элегии описывается праздник освящения полей или Амбарвалии.

³ *...с рожек твоих...*— Бог Вакх часто изображается с золотыми рогами — символом силы и плодородия. Плющ и виноградная лоза считались принадлежностью культа Вакха, так же, как колосья — Цереры.

²⁶ *В жертвенных недрах...*— Речь идет о гадании по внутренностям жертвенных животных.

²⁷ *...с окуренным старым фалерном...*— Вино для крепости окуривали дымом, кувшины закрывались пробками и заливались смолой. Горьковатое фалерпское вино и сладкое хиосское считались лучшими винами.

⁸³ ...*знаменит твой триумф*...— триумф Мессалы после победы над аквитанцами в 27 г. до н. э.

³⁴ ...*слава косматых отцов*— то есть предков, не подстригавших волос и бороды. Обычай стричь бороду появился в Риме после 300 г. до н. э.

⁶³ ...*и на сухом тростнике*...— пастушья свирель.

⁶⁵⁻⁶⁸ В этих строках Тибулл высказывает мысль о происхождении трагедии и комедии. Во время празднеств Вакха крестьяне раскрашивали лица винной гущей или краской, чтобы быть похожими на сатиров, спутников бога, и пели хороводные песни. Предводитель хора за лучшее исполнение получал в награду козла.

⁶⁵ ...*неустанной Минерве*...— Мицерна — богиня, покровительница рукоделий и ремесел.

⁸⁷ ...*колесницы Матери*...— Ночь называется матерью звезд.

III

¹¹ и след. Излагается миф об Аполлоне, служившем пастухом у Адмета, правителя Фер.

²² *Родная сестра* — Диана.

²⁸ ...*мачехи*...— Юноны.

³¹ ...*твой Делос, о Феб*...— Остров Делос считался местом рождения Аполлона; *Лифо* — название области, где находился храм дельфийского Оракула.

⁴⁴ *Острый клюв боевой*...— военные корабли снабжались железным изогнутым клювом.

⁴⁹⁻⁵⁰ Здесь говорится о морских садках для рыбы.

⁵¹ ...*с простою самосской посудой*...— Самос и Кумы славилась своими дешевыми гончарными изделиями.

⁵⁷ ...*что сотканы женщиной Коса*...— На острове Косе изготовлялись роскошные тонкие прозрачные ткани.

⁶³⁻⁶⁴ ...*царит у нас варвар недавний*... с белой от мела ногой...— Тибулл называет своего соперника недавним рабом. Рабам при продаже белили ноги гипсом или мелом, чтобы привлечь внимание покупателей.

⁶² ...*то и не впрок ширина!*— Широкая одежда считалась признаком эlegantности.

IV

⁵⁶ ...на фессалийской земле...— Фессалия считалась страной колдуний и волшебства.

V

Элегия написана в честь сына Мессалы — Мессалина, который вступил в коллегию пятнадцати мужей, ведавших пророческими сивилиными книгами. Эти книги хранились в храме Феба Аполлона на Палатине.

¹⁵ ...не обманет гекзаметр Сивиллы...— Сивилины книги написаны гекзаметром. К этим книгам римские власти часто обращались, чтобы узнать об исходе того или иного важного предприятия.

¹⁹ и след. Эпей, легендарный предок рода Юлиев; об его спасении из горящей Трои и путешествии к берегам Италии подробно рассказывает Вергилий в своей поэме «Энеида».

²² Роковой Илион — Троя.

²⁴ ...поселиться не смог вместе с ним...— Рем в ссоре был убит Ромулом.

²⁵ На Палатине...— Один из холмов Рима, где со времен Августа находились дворцы и храмы.

²⁷ Пан, окроплен молоком...— Пану, покровителю пастухов, приносили в жертву молоко.

³⁰ Богу лесному...— Пану.

³³⁻³⁴ Равнина Велабра, находившаяся между Палатином, Капитолием и Тибром, часто затоплялась водой и тогда по ней могли плавать на лодках.

³⁹ и след. В этих стихах приводятся слова Сивиллы, сказанные Энею.

Неутомимый Эней...— Эней, сын Венеры, брат Амура, скитался десять лет, пока не достиг Италии.

⁴¹ ...Лаврентские земли...— Эней высадился на берег у древнего города Лаврента в Лациуме.

⁴³⁻⁴⁴ ...Нумиция волны, как Индигета...— Эней во время битвы при Нумиции утонул в реке и после смерти вознесся на небо, был принят в число богов под именем Индигета.

⁴⁸ Турн — предводитель племени рутулов, враг Энея.

⁴⁹ ...Лавиния стены...— город, основанный Энеем в честь его жены Лавинии, дочери царя Латина,

...Долгую Альбу... оплот Аскания...— Город Альба Лонга был основан Асканием, сыном Энея.

⁵¹ *Илия*.— Упоминание о весталке Илии (Рем Сильвии), нарушившей обет девственности и родившей от Марса Ромула и Рема.

⁵⁵ ...на всем семигорье...— Рим расположен на семи холмах.

⁶¹ *Троя тогда на себя подвигится*...— Троя как бы вновь возродилась в Риме.

⁶³⁻⁶⁴ Лавровое дерево посвящалось Аполлону: предсказательница, жуя листья лавра, как бы впадала в пророческий экстаз, но это нисколько не вредило ее здоровью.

⁶⁷⁻⁶⁸ *Амальфел, Герофила Марпесская, Фито* — имена сивилл.

⁶⁹ ...реки Аниена...— притока Тибра.

⁷⁰ ...тибуртинка несла...— Тибуртинская сивилла.

⁷¹ и след. Здесь перечисляются дурные предзнаменования в связи со смертью Юлия Цезаря и гражданской войной.

⁶⁷ *Праздник Палилий*.— Сельский пастушеский праздник в честь богини Палес.

¹¹⁶ ...взятые им города...— Перед триумфатором несли символические изображения взятых им на войне городов и рек.

¹²¹ ...чистую девой сестра!— богиня Диана.

VI

¹ *Макр* — поэт Эмилий Макр из Вероны, старший современник Тибулла.

³⁷ *Маны* — обожествленные души умерших.

⁴⁰ ...в область подземных болот...— в царство мертвых.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Элегии Лигдама

I

¹⁻⁴ *Марта календы пришли*...— В древности римский год начинался с 1 марта. Календы марта — первое марта; в этот день было принято делать подарки друзьям и родным.

⁵ *Пиериды* — музы.

⁹⁻¹⁴ Здесь описывается процесс оформления книги, предназначенной для подарка.

¹⁶ *Тенью кастальской... пиерийской струей...*— Касталия, источник у подножия Парнаса. Пиерия — область в Македонии, местопребывание муз.

²⁸ *Дит* — одно из имен бога подземного царства.

II

¹⁹ *Лиэй* — одно из имен Вакха. Здесь Лиэй употребляется в значении «вино».

²³ *Панхея* — сказочный остров на Востоке.

III

¹⁴ *Тенар и Карист* — местности, где добывали мрамор для дворцов римской знати.

¹⁷ *...с берегов эритрейских...*— с берегов Красного моря.

¹⁸ *...пурпур сидонских пучин...*— города Тир и Сидон славились своими пурпурными раковинами и окрашенными их соком тканями.

³³ *Сатурния* — Юнона.

³⁵ *...суровые сестры...*— Парки.

³⁸ *Орк, Дит* — бог подземного царства, само подземное царство.

IV

⁵ *...по слову этрусков...*— Гадания по внутренностям жертвенных животных римляне заимствовали от этрусков.

¹⁰ *Полбой святою спешит, солью грескучей смирить.*— Перечисляются средства предотвращения зловещие предсказания.

¹⁸ *...и в лазурной реке...*— в Океане.

²³ *...целомудренным лавром...*— Намек на миф о Дафне, бегавшей от преследующего ее Аполлона и превратившейся в лавр.

²⁹ *...как Луна, дитя Латонь...*— богиня Диана.

³⁹ *Плектр* — палочка, которой ударяли по струнам лиры.

⁴⁷ *Отец* — Юпитер.

⁵⁰ ...у Кинфия...— Кинф — гора на Делосе, место рождения Аполлона. Отсюда Аполлона называют «Кинфий».

⁸⁷ И не собака из бездн...— Цербер.

⁹¹ ...не на Сирте коварном...— Большой и Малый Сирт — два залива на северном побережье Африки, изобиловали меллими, опасными для плавания.

V

⁴ Байским священным струям...— Этрусские источники сравниваются с знаменитыми Байскими целебными водами на берегу Неаполитанского залива.

¹⁸ ...обоих сразил консулов день роковой.— В 43 г. до н. э. оба консула, Гирций и Панса, погибли в битве против Антония при Мутине.

²² ...вручен третьего царства престол! — Третье царство — подземное; земля, море и преисподняя были поделены между Юпитером, Нептуном и Плутоном (Дитом).

²⁴ ...Киммерии пруды...— Киммерийцы, легендарный народ, погруженный в вечный мрак. В их владениях находился вход в подземное царство.

VI

²⁴ Учит кадмейская мать...— Намек на миф об Агаве, дочери Кадма, растерзавшей в припадке вакхического безумия своего сына.

³⁹ Критянка — Ариадна, дочь Миноса.

⁵⁸ ...Марция влагой разбавь! — Водопровод в Риме был впервые проведен царем Анком Марцием.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Панегирик Мессале

Неизвестного автора

⁹⁻¹¹ Упоминается миф об Икарии, обучившем виноделию жителей Аттики.

¹² Алкид — Геракл.

¹³ ...в жилище Молорга.— Молорх — бедный виноградарь

в Клеонах (близ Немей), радушно принявший Геракла во время его охоты на Немейского льва.

²⁴ *Камены — Музы.*

²⁸ и след. Род Валериев, к которому принадлежал Мессала, был одним из старейших, и в нем было много известных лиц.

³⁰ *Под изваяньями их...*— В домах знатных римлян выставлялись изображения предков. Под ними делались надписи, рассказывающие об их заслугах и о занимаемых ими государственных должностях.

⁴⁸⁻⁵⁰ Нестор, проживший «три человеческих века», родился в Пилосе, Улисс-Одиссей — на Итаке.

⁵¹ *...Титан пробежал по кругу...*— солнце.

⁵⁶⁻⁵⁷ *Сын Нептуна...*— Циклоп Полифем, ослепленный Одисеем.

⁷⁶ *Пастбища он осквернил...*— Слутники Одиссея убили священных быков Гелиоса.

¹¹⁰ *...в полях Арупийских.*— Арупий — город в Истрии, населенный нападками.

¹²⁰ *Меламп Амифаонов* — мифический предсказатель.

¹²¹ *...надел ты одежду ткани тирийской...*— Мессала, выбранный в 31 г. до н. э. консулом, надел вышитую пурпуром тогу в первый день года.

¹⁴⁰ *Хоапс* — река в Персии, известная своей чистой и светлой водой.

¹⁴¹⁻¹⁴² *...стремительный Гинд... безумие Кира...*— Гинд, приток Тигра. Кир, разгневавшись, что его конь утонул в Гинде, приказал разделить его устье на множество ручьев.

¹⁴³ *Томирии власть...*— Томирия (Томирис) — скифская царица.

¹⁴⁴⁻¹⁴⁵ *...падеец пиры совершает свирепо...*— Падейцы — один из народов Индии. Историк Геродот рассказывает, что они убивали больных и старых и пожирали их трупы.

¹⁴⁶ *Танаид и Гебр* — реки, протекающие через сарматские и фракийские земли.

¹⁸⁰ *Валгий* — писатель эпохи Августа, друг Горадия.

¹⁹⁹ *...над стихом мелетейским победа* — над стихами Гомера.

²⁰⁶ и след. Имеется в виду учение Пифагора о переселении душ.

Элегии Тибулла

II

¹⁹ *...на береге красном...*— Древние называли все восточные моря «красными», то есть окрашенными восходящей зарей.

V

¹⁹ *Ты же, рождения бог...*— Гений — бог, покровитель мужчин.

VI

¹ *В день рождения прими, о Юнона...*— В день своего рождения каждая женщина приносила дары богине Юноне, считающейся покровительницей женщин.

ПРОПЕРЦИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

I

⁹ *Тулл* — друг Проперция, племянник консула Люция Волкатия Тулла (33 г. до н. э.).

⁹⁻¹⁸ Упоминается миф об Аталанте, дочери Иаса.

Злобный Гилей — кентавр Гилей, соперник Миланиона.

¹⁹⁻²⁵ Поэт обращается к волшебницам, способным свести Луну с неба, с просьбою приворожить ему любимую женщину.

II

³ *...мирры оронтской...*— Оронт — главная река Сирии.

¹⁵⁻²⁰ Упоминаются мифы: о дочерях Левкиппа — Фебе и Гилаире; о дочери Эвена — Марпессе и о Гипподамии.

²⁰ Мужа фригийца...— Пелопса.

²² Апеллес — знаменитый греческий живописец, современник Александра Македонского.

III

¹⁻² Упоминание об Ариадне.

⁵ Эдониды — вакханка.

...Апидановых вод...— Апидан — река в Фессалии.

²⁰ ...Инахиды рога.— Ио, дочь Инаха, была превращена ревнивой Юноной в корову.

⁴² ...звуком Орфеевых струн...— звуком лиры.

IV

¹ Басс — известный ямбический поэт, современник Проперция и Овидия.

VI

³⁻⁴ Рипейские горы — скифские горы и Мемноновы страны, то есть Эфиопия. Противопоставляются здесь как отдаленнейшие места на севере и на юге от Рима.

¹⁹ Дяде, о Тулл, своему...— см. прим. к стиху 9 элегии I.

VII

¹ Понтик — автор знаменитой в свое время поэмы «Фиваида». Поэма до нас не дошла.

VIII

¹⁰ Пусть же восхода Плеяд...— появление Плеяд свидетельствует о времени, благоприятном для начала навигации.

¹⁹ ...когда обогнешь ты... Керавны...— Керавны — скалистые горы на побережье Эпира (до мыса Акрокеравний).

²⁰ Орик — приморский город в Эпире.

²⁵ ...в краях Атракийских...— в Фессалии.

IX

⁵ *Хаония* — область в Эпире, где находился город Додона со священным дубом и оракулом Юпитера.

¹⁰ *...вкруг Амфионовых стен* — города Фив.

¹¹ *Мимнерм* — древнегреческий поэт, создатель любовных алегий (VII в. до н. э.).

²⁰ *...пытку подземных колес...* — Намек на миф об Иксионе.

XI

¹ *...в Байях приморских...* — Байи — модный приморский курорт между Мизеном и Путеолами.

³ *...царство Феспрога...* — приморская область в юго-западном Эпире.

¹⁰ *...в водах Лукринских...* — Лукринское озеро недалеко от Бай.

¹¹ *...тевтрантские мелкие воды...* — Тевтрант — речка в Кампании.

XII

⁴ *Гипан* — река в Сарматии (ныне Буг).

Эридан — современная река По.

⁹ *Иль с Прометеевых гор... трива?* — упоминается Кавказ, родина волшебницы Медузы.

XIV

² *Ментора кубок...* — Ментор — известный скульптор — чеканщик по серебру (IV в. до н. э.).

¹¹ *...вливаются воды Пактола...* — Пактола — золотоносная река в Лидии.

²⁴ *...Алкиной дары.* — Царь феаков Алкиной щедро одарил Одиссея.

XV

⁹ *...когда уходил итакиец...* — Одиссей.

¹⁶⁻¹⁸ *...Эсонид... гемонийский пришлец...* — Ясон.

¹⁹ *Алфесибия* — дочь аркадского царя Фагея, жена Алкмеона.

XVII

¹⁸ *Тиндарида* — созвездие Близнецов — Кастора и Поллукса.

XVIII

²⁰ *...аркадскому богу...* — богу Пану.

XIX

⁶ *...легкомысленный мальчик...* — Амур.

⁷ *...герой Филакид...* — Протесилай.

XX

Стихотворение содержит поэтический пересказ мифа о Гиласе, любимце Геракла.

⁴ *Миниям страшный... Асканий...* — *Минии* — аргонавты; *Асканий* — река в Мисии.

⁵ *Фиодамантов сын* — Гилас.

⁸ *...Акиена волной...* — река Аниен впадает в Тибр.

¹² *...авзонийски...* — италийских.

¹⁷ *...из Пагасской гавани...* — Пагасы — фессалийский портовый город, где был сооружен корабль Арго.

¹⁹ *...милова Афамантиды волны...* — Имеется в виду Геллес-понт. Афамант — отец Геллы (Афамантиды).

²⁵⁻³¹ Упоминание о Боре и Бореадах.

³² *...к гамадридам...* — к лесным нимфам.

XXI

⁷⁻⁸ Здесь говорится о смерти Галла, сражавшегося во время гражданской войны на стороне противников Августа.

XXII

³ *...в земле Перузинской могилы...* — Перузия — город в Этрурии, был разрушен во время гражданской войны. Большинство жителей его погибло.

КНИГА ВТОРАЯ

I

¹⁷ *Меценат* — римский всадник из знатного этрусского рода, друг Августа, покровитель поэтов Вергилия, Горация и др.

²⁴ *Мария доблестных дел...* — Гай Марий — известный римский полководец. *Кимеры* — побежденное им германское племя.

²⁵ *Цезаря я твоего...* — Октавиана.

²⁷ *Мутина* — современный город Модена. Местопребывание Децима Брута, вождя республиканских войск, одного из убийц Юлия Цезаря. Мутина была осаждена войсками Антония и освобождена Октавианом (43 г. до н. э.).

Филиппы — город в Македонии. В битве при Филиппах Август и Антоний разгромили республиканские войска (42 г. до н. э.).

²⁸ *...сицилийских судов бегство...* — Имеется в виду бегство Секста Помпея, разбитого в 36 г. до н. э. Агриппой, полководцем Августа.

^{30—35} Упоминание о победе Октавиана при Акции и покорении им Египта (31—30 гг. до н. э.).

³⁸ *Иксионид* — сын Иксиона — Пирифой, друг Тезея; *Менетид* — сын Менетия — Патрокл, друг Ахилла.

³⁹ *...на флегрейских полях с Энкеладом...* — место, где Юпитер сразил небесными молниями восставших гигантов. Энкелад — один из сторуких гигантов.

⁴² *...предков фригийских...* — по официальной версии, Юлий Цезарь и Август были потомками Энея, беглеца из Трои (во Фригии).

⁵⁴ *...жгут на иолакском огне...* — Медея, желая якобы вернуть молодость Пелию, сварила его в котле.

^{63—65} Миф о Телефе.

II

^{9—10} *...Исхомаха она...* — Миф об Гипподамии (Исхомахе).

¹¹ *...подобно Бримо...* — эпитет Гекаты («гневная»).

¹² *Возле бабейской волны...* — Бебеида — озеро в восточной Фессалии.

^{13—14} Миф о суде Париса.

III

²⁰ ...мира тогда аганиппейской равна...— то есть лире муз.

²¹ ...с древней Коринной...— известная беотийская портесса.

IV

⁷ Ночная Китя — Медея.

⁸ Перимеда — волшебница.

VI

¹⁻⁵ Знаменитые куртизанки древности: Лаида, Таида, Фрина.

⁴ Эрхитонийский — афинский.

¹⁷⁻¹⁸ Упоминание о битве кентавров и лапифов.

²³ Адмета жена — Алкестида.

²⁵ ...воздвигать Целомудрию храмы...— В Риме было два храма Целомудрию: плебейскому и патрицианскому.

VII

...отмене закона...— Август выдвинул проект закона об обязательном браке всех холостых мужчин сенаторского и всаднического сословия. Закон этот был временно отклонен, и Проперций радуется, что он не должен жениться на какой-либо женщине, более подходящей ему по положению, нежели Кинфия.

¹³ ...до борисфенских снегов — до скифской реки Борисфен (Днепр).

VIII

²⁹ ...подруги лишенный...— Брисенды.

IX

⁴⁶⁻⁵⁰ О смерти Этеокла и Полиника.

X

...всегда моего — Августа.

...о затвате двоих Крассов...— Богач Марк Лициний Красс, один из триумвиров, был убит вместе со своим сыном Публием

Крассом во время похода против парфян в битве при Каррах в 53 г. до н. э.

²⁵⁻²⁶ Поэты эпические черпали вдохновение из источников Аскры. Проперций же — поэт-элегик довольствовался водой из Пермесса, реки, посвященной Музам.

XIII

¹ В *Бактрах*...— столице Бактрии, азиатской страны, расположенной по реке Оксу (ныне Аму-Дарья).

...*ахеменовых стрел*...— персидских стрел. Ахемен — древнейший персидский царь.

⁵⁻⁶ Проперций не стремится достичь славы Орфея, покорявшего талантом не только диких зверей, но и деревья.

²² ...*на аттальском одре* — то есть покрытом драгоценной тканью. Агтал II, царь Пергама, владел несметными богатствами, которые он после своей смерти завещал Риму.

³⁸ ...*курган война Фгийской страны*.— Фтия — город в Фессалии, родина Ахилла.

⁴³ ...*из трех сестер*...— Парок.

XIV

¹ *Атрид* — Агамемнон.

Дарданский — троянский.

² *Лаомедонтова мощь*...— Лаомедонт, царь Трои, отец Приама.

⁸ ...*по Дедалийским путям*...— по Лабиринту, выстроенному Дедалом.

XV

¹³ ...*нагою спартанкой*...— Еленой.

⁴⁵⁻⁴⁶ Намек на гражданскую войну.

XVI

³⁷⁻⁴² Речь идет об Антонии, потерпевшем поражение в битве при Акции.

XIX

²⁵ ...*поток Клитумн*...— небольшая река в Умбрии. Древние считали, что вода этой реки способствует тому, что шерсть рогатого скота, который разводили на ее берегах, становилась белой.

XX

⁵⁻⁶ Намек на миф о Филомеле. ...*листьяв Кекроповых шум*...— Кекроп — основатель Афин, древнейший царь Аттики.

⁷ *Сипил* — гора на границе Лидии и Фригии.

XXII

⁹⁻¹⁰ ...*с камнем индийским игла*.— Волосы, собранные узлом, закреплялись лентой или заколкой с драгоценным камнем.

¹⁵ ...*ранят священным кипжалом*...— жрецы богини Беллоны и Кибелы.

XXIII

¹⁵ *Священная Дорога* — главная улица древнего Рима.

XXIVa

¹² ...*прохладительный шар*...— Богатые римлянки в жаркую погоду брали в руки хрустальные шары, чтобы вызвать ощущение прохлады.

XXIVb

²⁵⁻²⁶ Упоминание о подвигах Геракла (Алкида).

XXV

¹² ...*в быке ...злойный Перилл?* — Литейщик Перилл изготовил для агригентского тирана Фаларида медного быка, в ко-

тором сжигали приговоренных к смерти. Этой казни первым подвергли самого Перилла.

¹⁴ ...*клов птицы кавказской*...— имеется в виду орел, терзающий Прометея.

²⁶ ...*в круге седьмом столб обойдет колесо?*— то есть по окончании состязания, во время которого колесница должна была круто повернуть вокруг столба в конце дистанции и не задеть его.

XXVI

⁶⁻⁸ Упоминается миф о Фриксе и Гелле.

¹⁵ *Кимофоня, Неся* — Нереиды.

³⁸ ...*подле Евбейских берегов*...— Евбея, остров у побережья Аттики и Беотии.

XXVIIIa

...*леласгийской Юноны*...— греческой Юноны.

...*героинь меонийских*...— гомеровских героинь (Меонией называлась Лидия).

XXVIIIc

² *Персефоны супруг* — Плутон.

⁵ *Иола* — дочь Эола, бога ветров.

¹⁵ ...*Изиде* — бывшей *телице*...— В эллинистическое время Ио, возлюбленную Зевса, превращенную в корову, отождествляли с египетской богиней Изидой.

XXXa

² *Танаис* — река Доу.

XXXb

⁵⁻⁶ Паллада, играя на флейте, увидела, что ее щеки безобразно надулись, и бросила флейту в реку Меандр.

⁸ *Гирканское море* — Каспийское море.

¹⁵ ...*увидишь сестер*...— Муз.

²² ...*одна*... в объятьях любовных *Эагра*...— Муза Каллиопа вступила в брак с сыном речного бога Эагром, от которого у нее было два сына: Орфей и Лин.

XXXI

² *Феба дворец золотой...*— описание портика при храме, выстроенном в 28 г. до н. э. Августом на Палатине в честь Аполлона.

⁴ *...дочерей старца Даная толпа.*— статуи пятидесяти дочерей Даная.

⁷ *...из Миронова стада...*— быки — скульптуры знаменитого греческого ваятеля V в. до н. э. Мирона.

¹⁰ *Ортигия* — древнее поэтическое название острова Делоса, родины Аполлона.

¹³ *...с Парнаса низвергнуты, галлы...*— О спасении дельфийского святилища от нападения на него галлов в 278 г. до н. э.

¹⁴ *Тангала дочь...*— Ниоба.

XXXII

³ *...смутных искать в Пренесте... жребьев...*— Пренест — древний город в Лациуме с знаменитым древним храмом Фортуны. При храме производилось гадание: вынимались деревянные дощечки с написанными на них предсказаниями.

⁵ *...в Геркулесов Тибур...*— В городе Тибуре (ныне Тиволи) находился храм Геркулесу-победителю.

⁶ *...Аппиев путь...*— Этот путь от Рима до Капуи был проложен консулом Аппием Клавдием Слепым в 312 г. до н. э.

¹⁴⁻¹⁶ По-видимому, имеется в виду фонтан или бассейн, украшенный фигурами Тритона.

³¹ *Тиндара дочь* — Елена, бежавшая из Спарты с Парисом.

³⁸ *Вождь хоровода* — Вакх.

⁴⁷ *...Татиев... иль суровых ищет Сабинов...*— древние обитатели Италии, отличавшиеся простотой и строгостью нравов.

⁵⁷⁻⁵⁸ Миф о жене Миноса — Пасифае.

XXXIII

⁸ *Инахида* — Ио, дочь Инаха, здесь отождествляется с Исидой, требующей целомудрия и воздержания в дни своих праздников.

²⁴ *Звездный Икар*...— созвездие Волопаса.

²⁹ Миф об Икаре, обучившем жителей Аттики виноделию.

³¹ *Кентавр Эвритион*...— был убит на пиру в схватке с лапифами.

XXXIV

⁸ *Колхидянка* — Медея.

⁹ *Линкей* — друг Проперция, поэт.

³¹ *Филет* — родом с о-ва Коса, греческий грамматик и элегический поэт (IV в. до н. э.).

³⁵ *Меандровы волны* — Меандр — чрезвычайно извилистая река в Карии.

³⁸ *Архемор* — сын немейского царя Ликурга, был укушен змеей. На его могиле устраивались истмийские игры, где победителем оказался Арион.

⁶¹⁻⁷⁶ Речь идет о творчестве Вергилия. *Тирсис, Дафнис, Коридон, Алексид* — имена действующих лиц из его «Буколик». Хвалебные стихи 65—66 относятся к «Энеиде» Вергилия.

⁷⁷ *...седого поэта аскрейца*...— поэта Гесиода — уроженца Аскры, автора поэм «Труды и дни» и «Теогония» (IX в. до н. э.). Намек на поэму Вергилия «Георгики», в которой он, подобно Гесиоду в «Трудах и днях», дает наставления земледельцам.

⁸⁵ *пел и Варрон, закончив Язона*...— Теренций Варрон Атадинский (I в. до н. э.), написавший поэму об Аргонавтах, вместе с тем воспевал в любовных стихах свою возлюбленную под именем Левкадии.

⁹¹ *Галл* — элегический поэт Корнелий Галл посвящая свои элегии прекрасной танцовщице Кифериде (Ликориде).

КНИГА ТРЕТЬЯ

I

¹⁹ *Милкие дайте венки... Пегасиды!* — Проперций просит Муз украсить его венком из плюща как элегического поэта.

²⁵ *...о стенах... еловым конем сокрушенных*...— о взятии Трои с помощью деревянного коня.

²⁸⁻³⁰ Упоминаются имена сыновей Приама и других защитников Трои.

³² ...*богом Эгейской горы* — Гераклом.

⁸⁸ *Ликии бог*...— Аполлон.

II

⁸⁻⁴ Намек на миф об Амфионе.

¹¹ ...*ле сравнится с лесами феаков*...— легендарный народ феаки, известные по «Одиссее» Гомера.

¹⁸ ...*Юпитера храм... подобье небес*...— храм Зевса Олимпийского в Элиде, украшенный звездами.

¹⁹ *Склеп Мавзола*.— Мавзол — царь Карии (ок. 360 г. до н. э.), в память которого его жена Артемисия соорудила пышную гробницу «Мавзолей», считавшуюся одним из «семи чудес света», как и названные раньше пирамиды и храм Зевса.

III

⁸ *Альба* — Альба-Лонга, древнейший город Лация, построенный Асканием.

⁶ *Энний-отец*...— Энний — создатель римского национального эпоса «Анналы» (III—II в. до н. э.).

⁷ ...*лел Куриациев и... Горациев*...— С Альбой-Лонгой связана легенда о трех римских братьях-близнецах Горациях, победивших трех альбавских братьев Куриациев.

⁸ ...*Эмилия флот*...— О победе Павла Эмилия над Персеем, царем Македонским (168 г. до н. э.).

⁹⁻¹¹ Упоминание о событиях Второй Пунической войны (218—201 г. до н. э.).

¹² ...*Юпитера холм, криком гусиным спасен*.— Согласно легенде, когда галлы, захватившие Рим, ночью шли на приступ Капитолия, римских стражей разбудили своим криком гуси.

¹² ...*в Горгонском ключе*.— Пегас, родившийся из крови Горгоны, ударом своего копыта вызвал к жизни источник Гиппокрону, имевший свойство вдохновлять поэтов.

⁸³ и след. О девяти музах.

⁴³⁻⁴⁶ О победах известного полководца Мария, разбившего племена кимвров и тевтонов, вторгшиеся в Италию.

⁴⁵⁻⁴⁶ О победе Юлия Цезаря над Ариовистом, вождем германского племени свевов.

⁵² *Филета струей...*— водой источника, вдохновлявшего эгегического поэта.

IV

¹⁻¹⁴ Речь идет о походах римлян на Восток — в Аравию, Индию, Парфию.

¹⁹ *...любимого внука...*— Августа.

V

⁶ *Бронзы... не ищут в бедах твоих, о Коринф!*— Греческий город Коринф славился своими изящными бронзовыми изделиями, которые после его разрушения в изобилии привозились в Рим.

¹⁶ *Пленный Югурта*— нумидийский царь Югурта, взятый в плен Марием.

¹⁷ *Ир дулихийский...*— В царстве мертвых упоминаемый в «Одиссее» нищий Ир равен богачу Крезу.

³³ *...перребского Пинда...*— Область перребов — Фессалия.

⁴² Намек на Сизифа, Иксиона и Тантала.

VI

²⁵⁻³⁰ Упоминаются предметы, связанные с заговорами и волшебством.

VII

⁵ *Пет*— один из друзей Проперция, погибший во время кораблекрушения.

²² *Аргинн*— юноша, любимый Агамемноном.

³⁹ *...кафарейские камни...*— Кафарей— юго-восточный мыс на Эвбее.

IX

⁹ *Лисипп*— знаменитый ваятель и скульптор из Сикиона, современник Александра Македонского.

¹⁰ *Каламид*— афинский ваятель, современник Перикла, славился изваяниями коней.

¹² *Паррасий* — живописец, уроженец Ефеса (IV в. до н. э.).

¹³ *Менгор* — см. прим. к стихотворению 14, книги 1, стиху 2.

¹⁴ *Мий* — скульптор-резчик в Афинах, помощник знаменитого Фидия, славился тонкой и изящной отделкой бронзовых и серебряных изделий.

¹⁵⁻¹⁶ *Фидий и Пракситель* — знаменитые греческие скульпторы, резчики по мрамору и слоновой кости. Фидий создал статую Зевса Олимпийского и Афины Паллады, Пракситель — статую Венеры Книдской и Амура Теспийского.

²¹⁻³⁴ *Меценат* — ближайший сподвижник Августа, не стремился занимать высшие государственные должности, хотя пользовался большим влиянием.

²³ *...на форуме ставить секиры...* — то есть мог бы в качестве претора или консула иметь при себе специальных лиц, так называемых ликторов, несущих секиры.

³¹ *...с великим Камиллом...* — Марк Фурий Камилл, освободивший Рим от галлов (390 г. до н. э.), упоминается как образец скромности и строгости нравов.

³⁹ *Скейские ворота* — ворота в Трое.

⁴⁴ *Косский поэт* — Филет.

⁴⁸ *Кей с флегрейских вершин...* — Кей — гигант, отец Латоны. Флегрейские вершины — возле города Флегры, где некогда гиганты сражались с богами.

⁵¹ *...царей-близнецов...* — Ромула и Рема.

⁵⁵⁻⁵⁶ О поражении и гибели Антония. *Пелусий* — город в Египте.

XI

¹³ *...меотидская Пентесилея...* — царица амазонок, союзница троянцев, жившая возле Азовского моря (Меотиды).

¹⁵ *...победитель* — имеется в виду Ахилл.

¹⁹ *Успокоитель земли* — Геракл.

²¹ *Семирамида* — царица Ассирии, прославившаяся своими завоеваниями и украсившая Вавилон грандиозными постройками и садами.

²⁹ и след. Речь идет о Клеопатре, царице Египта.

⁸⁵ *Где под песками погиб Помпей...* — Помпей, разбитый Цезарем при Фарсале (48 г. до н. э.), бежал в Египет, где был предательски убит по приказанию царя Птолемея.

³⁸ ...*тесть игом тебе угрожал.*— Тесть — Цезарь, дочь его была замужем за Помпеем.

⁴⁰ ...*славном Филиппа роду*...— Клеопатра происходила из рода Филиппа и Александра Македонских.

⁴⁷ ...*свергать секиры Тарквиния*...— то есть установить республику. Тарквиний Гордый — последний римский царь.

⁵⁵ *с гражданином таким*...— с Августом.

⁶⁸ ...*вождя*...— Антония.

⁶⁹ *Сифакс* — царь Нумидии, побежденный Сципионом Африканским во время Второй Пунической войны.

⁶⁰ *Пиррова слава*...— Пирр, царь Эпира, разбитый Курнем Дентатом (275 г. до н. э.).

⁶¹⁻⁶² *Курий и Деций* — пожертвовали своей жизнью для спасения отечества.

⁶³ *Гораций Коклес* — сражался с этрусками, защищал деревянный мост, в то время как римские воины этот мост разбирали.

⁶⁴ ...*кто хранит ворона имя досель*...— Имеется в виду полководец Валерий Мессала Корвин, современник Августа (согнус — по-латыни означает «ворон»).

⁶⁹ *Аполлон Левкадийский*...— На острове Левкаде находился храм Аполлона.

XII

²³ и след. О приключениях Одиссея (Улисса) во время его возвращения домой после Троянской войны.

²⁶ *Исмары* — горная цепь и приморский город во Фракии (в области киконов).

³¹ ...*от эвэйской рыдающей девы* — Кирки (или Цирцеи).

XIII

⁵ *Золото ...муравей добывает индийский*...— Древние считали, что огромные индийские муравьи достают золото из подземных пещер.

⁸ *Киннамон* — корица.

¹⁰ *Икарія дочь* — Пенелопа.

⁵¹⁻⁵⁴ *Брени* — предводитель галлов, разбивший римлян в 390 г. при Алли; безуспешно пытался овладеть сокровищами дельфийского храма.

⁶² *...менаде своей...* — Кассандре.

XIV

¹⁴ *Термодонт* — река в Понте, впадающая в Черное море, возле которой, по преданию, жили амазонки.

¹⁷ *Эврот* — река в Спарте.

XV

¹¹ и след. Рассказывается миф об Антиопе.

²⁷ *Асол* — река в Беотии, недалеко от Фив.

⁴² *...на Аракинтской скале.* — Аракинт — горная цепь в Южной Этолии.

XVI

¹² *Скирон* — легендарный разбойник, живший между Мегарой и Афинами и убитый Тезеем.

XVII

³⁰ *...на бассарейских кудрях...* — Бассарейский — эпитет Вакха.

³³ *Диркейские Фивы.* — Фивы названы диркейскими по имени Дирки, превращенной в ручей, протекающий в городе.

³⁵ *...Кибела с главой башненой...* — Кибела иногда изображалась в короне с башнями.

³⁹ *...с высокого петься котурна...* — то есть возвышенными стихами.

XVIII

⁸ *Трубоч Мизен* — спутник Энея.

⁴ *...Геркулеса...славится путь...* — Имеется в виду дорога мимо Бай, которую будто бы проложил Геркулес.

⁷ и след. О смерти Марцелла, племянника и приемного сына Октавиана, скоропостижно умершего в Байях в 23 г. до н. э. Смерть его вызвала всеобщее сожаление, так как богато одаренный от природы юноша пользовался большой популярностью.

¹³ *...трепет завес...*— Марцелл, будучи эдилом, покрыл театр широкими занавесами от солнца и дождя.

²³ *...пса умолять...*— адского пса Цербера.

²⁴ *...хмурого старца...*— Харона.

²⁷ *Нирей* — один из сражавшихся под Троей греческих царей, отличавшийся необычайной красотой.

³⁰ *Цену большую Атрид новой любви заплатил.*— Намек на его любовь к Хрисеиде.

³³ *...как Клавдий ушел...*— Имеется в виду Клавдий Марцелл, после длительной осады овладевший в 212 г. до н. э. Сиракузами и всей Сицилией.

XIX

⁸ *Злая Малел*— мыс в Лаконии, опасный для мореплавателей.

¹¹⁻¹² Упоминание мифа о Пасифае.

¹³ *Салмониды* — Тиро, дочь Салмоней.

²¹⁻²⁴ Миф о *Скилле* — дочери мегарского царя Ниса, предавшей отца и родной город из-за любви к Критскому царю Миносу. Скилла была богами превращена в морскую птицу.

XXI

²⁰ *Лехей* — порт в Коринфском заливе.

²³ *Пирей* — гавань в Аттике.

XXII

¹ *Кизик* — город и полуостров во Фригии, на южном берегу Пропонтиды (ныне Мраморное море).

⁸ *Форкида* — Горгона Медузы.

¹¹ Упоминание о походе аргонавтов.

¹³⁻¹⁴ *...за голубкой... вид восприяв корабля...*— Корабль Арго, следуя за голубем, посланным богами, благополучно проплыл меж опасных скал.

¹⁵ *Ортигия* — древнее название Ефеса. *Каистр* — река, протекающая возле Ефеса.

¹⁶ Подразумевается Нил.

³⁰ *...от авзонских пиров...* — Намек на миф о Тieste и Атрее.

^{31–32} Намек на миф о Мелеагре.

³⁴ Миф об Ифигении.

^{35–36} Миф об Ио.

³⁷ *Синис* — разбойник, живший на Коринфском перешейке и разрывавший людей, привязывая их к пригнутым к земле соснам. Синис был убит Тезеем.

XXIII

²⁴ *Эсквилин* — один из холмов Рима.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I

³ *...Феба морского...* — Храм Аполлона был построен в честь победы Августа в морском сражении при Акциуме, на что и указывает эпитет «морской».

¹⁶ *Не орошал в старину сцену душистый шафран.* — Для освежения воздуха сцену часто обрызгивали раствором шафрана.

²¹ *...венчанному ослику рада...* — Осленка украшали цветами и увешивали корзинками с хлебом в память того, что он своим криком предупредил целомудренную Весту о покушении на нее распутного Приапа.

^{25–26} Речь идет об обрядах праздника Луперкалий. *Луперки* — жрецы древнейшего храма Луперкала. Луперки выбирались из членов двух римских фамилий: Фабиев и Квинтиев.

²⁹ *Лукмон* (Лукумон) — легендарный этрусский царь.

³⁰ *Тит Татий* — древний сабинский царь.

³¹ *Титии, Луцеры, Рамны.* — Древнейшее население Рима делось на три подразделения (трибы): Титии, Луцеры и Рамны.

³² *...белых коней четверню Ромул...* — Ромулу приписывается обычай въезда триумфатора на четверке белых коней.

³³ *Бовиллы* — древний городок на Аппиевой дороге.

³⁴ *Габии* — город в Лациуме.

³⁵ *Имя по белой свинье получившая...* *Альба*.— *Альба-Лонга* — древний город в Лациуме. Легенда рассказывает, что Эней, прибывший в Лациум, увидел белую свинью с тридцатью поросятами, и впоследствии на этом месте через тридцать лет сын Энея Асканий возвел город Альбу-Лонгу (*alba* — значит «белая»).

³⁶ *Фидены* — сабинский город в Лациуме, к северу от Рима.

³⁷⁻³⁸ *О Ромуле*.

³⁹⁻⁴⁴ Об Энее, спасшем из горящей Трои отчих богов и вынесшем на своих плечах отца.

⁴⁵ *...Деция дуг... Брута секиры...*— Деций Мус героически погиб, сражаясь с врагами. Юний Брут — полубогендарный первый римский консул, приговоривший к смерти собственных сыновей за измену отечеству.

⁴⁶ *Юл* (Асканий) — сын Энея, родоначальник рода Юлиев.

⁵¹ *...пергамской пророчицы...*— Кассандры.

⁵³⁻⁵⁶ Об основании Рима.

⁶¹⁻⁶² *...Энний колючим венком...*— Энний — эпический поэт, будет украшен лавровым колючим венком, а Проперций — элгик — просит у Вакха листья плюща.

⁶³ *Умбрия* — родина Проперция, именующего себя римским Калламахом.

⁷⁶ *...звезды по медным кругам...*— то есть предсказать по звездному глобусу.

⁷⁷ *...авиловский Ороп...*— Какой-то астролог. Вавилоняне славились как астрологи и звездочеты.

¹⁰⁴⁻¹⁰⁸ О способах гадания: по внутренностям жертвенных животных, по полету птиц, по движению звезд и т. д.

¹¹⁷ *...вещую деву — Кассандру... Олимп победитель...*— Аякс — сын Ойлея.

¹²³ *Мевания* — город в Южной Умбрии.

¹³⁰ *...мрачный земли передел.*— По-видимому, имеется в виду уменьшение земельного участка Проперция в связи с наделением земель ветеранов Августа.

¹³¹ *...ладанку снял...*— Дети римских свободных граждан носили на шее так называемую буллу, предохраняющую от дурного глаза.

II

⁴ *Волсинский очаг.*— Волсинии — город в Этрурии.

⁷ *Тибери́н* — бог реки Тибр.

¹⁰ *Зваться Вертумном я стал от повернувшей реки.*— Имя Вертумн связывается с латинским глаголом «verto» — «поворачиваю».

III

⁸ *Невры* — скифское племя.

IV

¹ *...могилу Тарпеи презренной...*— По легенде, весталка Тарпея, дочь начальника римской крепости на Капитолийском холме, влюбившись в сабинского вождя Татия, открыла врагам ворота крепости. Убитая после самими же сабинянами, она была похоронена на месте, названном впоследствии Тарпейской скалой.

¹⁰ *Курет* — трубач из древнего сабинского города Куры.

³⁹⁻⁴⁰ Здесь Проперций соединяет воедино два мифа о Скилле: один — о Скилле, дочери царя Ниса, срезавшей у отца волшебный волос и этим лишившей его силы. Благодаря ее предательству, критский царь Минос, в которого она влюбилась, занял город; второй миф — о Скилле, превращенной волшебницей Цирцеей в морское чудовище.

⁴¹ *...брат с головой рогатого зверя.*— Минотавр.

⁴² *Долгая нить* — нить Ариадны.

⁴⁵ *...перед Палладой...*— В храме Весты находилось изображение Паллады, так называемый палладиум.

⁶³ *...уж четвертый рожок...*— Под звуки рожка каждую четвертую часть ночи сменялся ночной караул.

⁷¹⁻⁷³ *Стримонка* — амазонка. Стримон — река во Фракии.

V

¹¹ *Коллинские травы* — травы, растущие возле Квиринальского холма на месте старого кладбища. Эти травы часто использовались волшебницами для заклинаний.

²¹ *...восток золотой доризантов...*— какая-то малоизвестная страна на востоке, богатая золотом.

²³ *Эврипильская ткань*.— Эврипил — мифический царь острова Коса.

³⁵ *Иола, Амикла* — служанки или подруги продажной красавицы.

³⁶ *Майские Иды* — 15 мая.

⁵¹⁻⁵² *...Или же тот... прыгал толпе напоказ...*— то есть разбогатевший вольноотпущенник, бывший раб.

VI

⁴ *...киренейской струей...*— Кирена — родина Каллимаха.

⁵ *Кост* — восточное растение, из которого приготавливали до рогуку мазь.

⁸ *Мигдонский* — фригийский.

¹¹ и след. О морском сражении при Акцииуме и победе Августа с помощью Аполлона над Антонием и Клеопатрой.

¹⁵ *Брег афаманский* — эпирский.

¹⁷ *Юлий* — Август.

²¹ *...и другой здесь флот...*— флот Антония.

²² *...копья... взятые женской рукой...*— Клеопатрой.

²⁷⁻²⁸ Миф о рождении Аполлона на острове Делосе.

⁵⁹ *...с идалийской звезды...*— Идалия — город и родча, посвященные Венере, прародительнице рода Юлиев.

⁷⁷ *Сигамбры* — германское племя.

⁷⁸ *Мероя* — город и область в Эфиопии.

VII

¹⁵ *Субура* — людный и шумный район Рима, где, видимо, жила Кинфия.

³⁵ *Лигдам* — слуга Проперция или Кинфии, подозреваемый в ее отравлении. Рабов, подозреваемых в убийстве хозяина, подвергали пытке.

³⁷ *Номада* — служанка Кинфии, соучастница Лигдама.

⁴³⁻⁴⁵ *Петала, Лалага* — рабыни, преданные Кинфии.

⁵⁸ *...критянку несут...*— Пасифаю.

⁸¹⁻⁸² *Тибурская земля* — Тиволи, место погребения Кинфии, была посвящена Гераклу.

VIII

¹ *Эсквилин многоводный.*— Эсквилин — один из семи холмов Рима, считается одним из самых сырых и нездоровых районов города.

³⁻¹⁴ *...старинный дракон... охраняет Ланувий...*— Ланувий — старолатинский город недалеко от Аппиевой дороги с храмом Юноны, где, по преданию, раз в год происходила церемония кормления священного дракона, считавшегося покровителем этого места.

³⁸ *...метимским вином.*— Метимн — город на Лесбосе.

⁴⁵⁻⁴⁶ *Венера* — удачный бросок костей, когда все кости падали разными померами вверх. Неудачно выпавшие номера назывались «собаками».

⁶⁶ *Серным коснулись огнем...*— Сера считалась очистительным средством.

IX

¹ *Амфигриониад* — Геркулес.

² *Эритейя* — небольшой остров у берегов Испании, родина трехголового Герiona.

⁵ *Велабры* — название двух площадей и улиц в древнем Риме. При разливе Тибра они затоплялись водой.

¹⁶ *...пал под менальским сужом...*— Менал — гора и город в Аркадии. Палица Геркулеса была сделана из дерева с горы Менал.

¹⁹⁻²⁰ О происхождении Римского форума (древнее название — *forum boarium* — коровий рынок).

²⁴⁻²⁹ Описывается древнее святилище Доброй Богини, находившееся на Авестинском холме. Мужчинам строго запрещалось присутствовать на празднествах этой богини, которая их могла наказывать слепотой за подглядывание.

³⁷⁻⁵⁰ Рассказ о подвигах Геркулеса.

⁴⁸ *Лидий встретеном...*— Имеется в виду служба Геркулеса у лидийской царицы Омфалы.

⁶⁵⁻⁷⁰ Объясняется происхождение священного жертвенника в Риме, в связи с культом Геркулеса.

⁷¹ *Отец всеблагий* — обращение к Геркулесу.

X

О происхождении имени храма Юпитера Феретрия.

² *Вспомню тройной доспех ...с трех славных вождей.*— Воинские доспехи, снятые с врагов, трижды в истории Рима приносились в храм Юпитера Феретрия.

⁷ *...Акронта Ценинского сверг ты...*— Ромул победил царя Акронта, потомка Геркулеса, царя города Ценины.

²³ *...Косс, убивший Вейента Толумна...*— Консул Корнелий Косс убил Толумна, царя вейентов в 428 г. до н. э.

²⁶ *Номент, Кора* — названия двух небольших городов в Лациуме.

³⁹ *...Клавдий затем покорил...*— Консул Клавдий Марцелл в 222 г. до н. э. разбил галлов, вторгшихся в Италию, и убил их вождя Вирдомара.

⁴³ *...в полосатых своих шароварах...*— Одежда галлов отличалась от римской: галлы носили шаровары.

⁴⁵ *Феретрий* (то есть «податель добычи», «несущий добычу») — эпитет Юпитера, которому полководец-победитель приносил в дар на носилках (*feretrum*) лучшую часть добычи.

XI

Эта элегия представляет собою обращение рано умершей Корнелии (дочери Скрибонии и Корнелия Сципиона) к ее мужу и детям, к судьям загробного царства. По своим поэтическим достоинствам и глубине содержания она считалась одной из лучших элегий древности и называлась «царицей элегий».

¹ *Павел* — Эмилий Павел Лепид — муж умершей Корнелии.

⁵ *Бог* — Плутон.

⁷ *Перевозчик* — Харон.

²⁸ *...скорбная урна сестер* — дочерей Даная.

³⁰ *Дед Нумантский.*— Сципион Африканский Младший, разрушивший испанский город Нумантию в 133 г. до н. э. и Карфаген в Африке, был одним из предков Корнелии.

³¹ *...материнских Либонов...*— Либоны — фамильное имя, данное роду Скрибониев, откуда происходила мать Корнелии.

³³ *Претекста моя.*— Знатные римские девушки до замужества носили тогу с пурпуровой каймою, так называемую претексту.

³⁸ *Африка с бритой головой.*— Африка на античных монетах и барельефах часто изображалась в виде женщины с бритой головой.

³⁹⁻⁴⁰ *Муж, кто сломил... героизм Персея* — Эмилий Павел, покоривший Македонию, предок мужа Корнелии. Персей, царь Македонский, считавший Ахилла своим предком, был побежден Эмилием Павлом.

⁴⁶ *...между двух факелов путь* — путь от брака до могилы.

⁵² *Клавдия* — весталка Клавдия Квинта — внучка Аппия Клавдия Слепого, подозревалась в нарушении обета целомудрия. Она доказала свою невиновность тем, что смогла привести к берегу корабль, доставивший из Фригии статую Кибелы. Этот корабль никто до нее не мог даже сдвинуть с места.

⁵³⁻⁵⁴ *...даже и та...*— Весталка Эмилия, родственница Корнелии, допустила, что огонь Весты погас. Она бросила на алтарь богини свое покрывало, и пламя снова вспыхнуло.

⁵⁹⁻⁶⁰ *...сестрою дочери нашей.*— Скрибония — мать Корнелии была второй женой Августа.

⁶³ *Лепид, Павел* — сыновья Корнелии.

⁶⁵ *...на кресле курульном...*— Курульное кресло, украшенное резьбой из слоновой кости, было принадлежностью консула, претора и эдила, то есть трех высших должностных лиц.

⁹⁹ *...свидетели слезные, встаньте...*— При произнесении приговора присутствующие на суде вставали.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ф. Петровский. Предисловие	5
--------------------------------------	---

ВА Л Е Р И И К А Т У Л Л

I. «Эту новую маленькую книгу...». Перевод Адриана Пиотровского	19
II. «Милый птвичик...». Перевод Адриана Пиотровского	20
III. «Плачь, Венера...». Перевод Адриана Пиотровского	21
IV. «Кораблик этот...». Перевод Адриана Пиотровского	22
V. «Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!..». Перевод С. Шервинского	24
VI. «Флавий милый!..». Перевод Адриана Пиотровского	25
VII. «Спросишь, Лесбия...». Перевод Адриана Пиотровского	26
VIII. «Катулл измученный...». Перевод И. Сельвинского	27
IX. «О Вераний...». Перевод С. Шервинского	28
X. «Вар мой с площади раз...». Перевод С. Шервинского	29
XI. «Фурий, ты готов...». Перевод Адриана Пиотровского	31

XII. «Маррудинец Асвий!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	33
XIII. «Мой Фабулд!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	34
XIV. «Если б глаз моих ты милей мне не был...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	35
XVI. «Растяну вас и двину, негодяи!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	37
XVII. «Городок мой!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	38
XXII. «Мой Вар! Суффена ты наверняка знаешь!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	40
XXIII. «Фурий! Нет у тебя ларя...». <i>Перевод С. Ошерова</i>	41
XXV. «Распутный Талл...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	43
XXVI. «Не под северным ветром расположен...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	44
XXVII. «Ну-ка, мальчик-слуга, налея полнее...». <i>Перевод С. Ошерова</i>	45
XXVIII. «Злополучные спутники Пизона...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	46
XXIX. «Кто видеть это может...». <i>Перевод С. Алта</i>	47
XXX. «Ты жесток, мой Алфен...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	49
XXXI. «Всех полуостровов...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	50
XXXII. «Я прошу, моя радость Ипситилла...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	51
XXXIV. «В посвященье Диане мы...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	52
XXXV. «Задушевному другу и поэту...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	54
XXXVI. «Хлам негодный, Волюзия анналы!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	55
XXXVII. «Кабак презренный...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	56
XXXVIII. «Плохо стало Катуллу, Корнифиций...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	57
XXXIX. «Эгнатий, чтоб хвастнуть зубами белыми...». <i>Перевод С. Алта</i>	58
XL. «Что за чернал желчь, злосчастный Равид...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	60

XLI. «Амеана, потрепанная девка...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	61
XLII. «Все сюда, мои ямбы, поспешите!...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	62
XLIII. «Добрый день, долгоногая девчонка...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	64
XLIV. «Мой хуторок...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	65
XLV. «Акму нежно обняв...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	67
XLVI. «Вот повеяло вновь теплом весенним...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	69
XLVII. «Эй вы, Порций с Сократием...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	70
XLIX. «О Марк Туллий!..». <i>Перевод З. Морозкиной</i>	71
L. «Друг Лициний!..». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	72
LI. «Кажется мне тот богоравным...». <i>Перевод С. Ошерова</i>	74
LII. «Увы, Катулл, что ж умереть ты мешкаешь?..». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	75
LIII. «Я вчера рассмеялся на собрание...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	76
LIV. «Как орешек головка у Отона...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	77
LV. «Если только я тебе не в тягость...». <i>Перевод С. Ошерова</i>	78
LVI. «Как забавно, Катон мой...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	80
LVII. «В чудной дружбе два подлых негодяя...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	81
LVIII. «Целий, Лесбия наша...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	82
LX. «Как! Иль страшилище ливийских скал...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	83
LXI. «О, холма Геликонского...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	84
LXII. «Юноши! Вesper взошел...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	93
LXIII. «По морям промчался Атгис...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	96
LXIV. «Некогда челя из сосны...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	100

I.XV. «Черное горе, вседневные беды...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	114
LXVI. «Тот, кто все рассмотрел...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	116
LXVIII. «То, что стесненный...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	120
LXIX. «Зря удивляешься, Руф...». <i>Перевод С. Апта</i>	126
LXX. «Милая мне говорит...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	127
LXXI. «Запах козлий ужасен...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	123
LXXII. «Лесбия, ты говорила...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	129
LXXIII. «Нет, не надейся приятнь заслужить...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	130
LXXXVII—LXXV. «Нет, ни одна среди женщин...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	131
LXXXVI. «Если о добрых делах...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	132
LXXXVII. «Руф! Я когда-то напрасно...» <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	134
LXXXIX. «Лесбий красив?...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	135
LXXXII. «Если желаешь ты...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	136
LXXXIII. «Лесбия вечно меня при муже бранит...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	137
LXXXV. «И ненавижу ее и люблю...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	138
LXXXVI. «Квинтию славят красивой...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	139
LXXXVIII. «Геллий, скажи...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	140
XCII. «Лесбия вечно ругает меня...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	141
XCIII. «Нет, чтоб тебе угодить...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	142
XCIV. «Смирну» Цинна издал...». <i>Перевод С. Ошерова</i>	143
XCVI. «Если печаль о потере...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	144
XCVIII. «Ветгий-подлец...». <i>Перевод С. Апта</i>	145

СІ. «Много морей переплыв...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	146
СІІ. «Если когда-либо другу...». <i>Перевод С. Анта</i>	147
СІІІ. «Если десять сестерциев...». <i>Перевод С. Анта</i>	148
СІV. «Как, неужели ты веришь...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	149
СV. «Ментула прет на Парнас...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	150
СVІІ. «Если желанье сбывается...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	151
СVІІІ. «В час, когда воля народа свершится...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	152
СІХ. «Жизнь моя! Будет счастливой...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	153
СХІІІ. «Консулом выбран Помпей...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	154
СХV. «Ментула славным поместьем владеет...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	155
СХVІ. «Геллий! Давно и прилежно искал я...». <i>Перевод Адриана Пиотровского</i>	156

А Л Ь Б И Й Т И В У Л Л

Элегии

Перевод Льва Остроумова

К н и г а п е р в а я

I. «Желтое золото пусть другой собирает...»	159
II. «Крепкого лей...»	162
III. «Двинетесь вы без меня...»	166
V. «Был я суров...»	170
VI. «Вечно, желая завлечь...»	173
VII. «День этот так предрекли нам Парки...»	177
VIII. «Не утаить от меня...»	180
X. «Кто же тот первый, скажи...»	183

К н и г а в т о р а я

I. «Стойте в молчанье кругом...»	186
II. «Гений Рожденья идет...»	190
III. «Милой моею, Корнут...»	192

IV. «Вижу я, быть мне рабом...»	195
V. «Смилуйся, Феб...»	198
VI. «В лагерь собирается Макр...»	203

Книга третья

Элегии Лигдама

I. «Марта календы пришли...»	206
II. «С сердцем железным был тот...»	208
III. «Много ли проку...»	210
IV. «Лучшего жду от богов!...»	212
V. «Вас полонили, друзья...»	216
VI. «Либер пресветлый, приди...»	218

Книга четвертая

Неизвестного автора

I. Панегирик Мессале	221
--------------------------------	-----

Элегии Тибуллы

II. «Мартс, на календы твои...»	228
III. «Юношу ты моего...»	230
IV. «К нам снизойди...»	232
V. «День, что тебя мне послал...»	234
VI. «В день рожденья прими...»	235

Элегии Сульпиции

VII. «Вот и любовь наконец...»	236
VIII. «Близок рождения день...»	237
IX. «Знаешь, поездка тепер уже не грозит...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	238
X. «Мило, что ты так уверен в себе...»	239
XI. «Нежное есть ли, Керинф...».	240
XII. «Пусть не буду, мой свет...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	241

Элегии Тибуллы

XIII. «Нет, не разделит со мной...»	242
XIV. «Сплетня идет...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	244

С Е К С Т П Р О П Е Р Ц И Й

Э л л и н и

Перевод Льва Остроумова

К н и г а п е р в а я

I. «Кинфии глазки меня...»	247
II. «Жизнь моя, что за нужда...»	249
III. «Как на пустом берегу...»	251
IV. «Что восхваляешь ты, Басс...»	253
V. «Желчный завистник ты мой...»	255
VI. «Адриатический вал...»	257
VII. «Понтик, в то время когда ты пишешь...»	259
VIII. «Ты не с ума ли сошла?...»	261
IX. «Я ведь тебе говорил...»	263
X. «О, благодатная ночь...»	265
XI. «Кинфия, помнишь ли ты...»	267
XII. «Ты мне все время твердишь...»	269
XIII. «Галл, ты, наверно, опять над горем моим по- смеешься...»	270
XIV. «Пусть ты у тибровых волн...»	272
XV. «Горестей от твоего легкомыслия я опасался...»	274
XVI. «Встарь отворялася я...»	276
XVII. «Да, поделом...»	278
XVIII. «Эти пустыни молчат...»	280
XIX. «Нет, не боюсь...»	282
XX. «Ради любви нашей, Галл...»	284
XXI. «Ты, что стремишься спастись...»	286
XXII. «Кто я, откуда мой род...»	287

К н и г а в т о р а я

I. «Знать вы хотите...»	288
II. «Стал я свободен...»	291
III. «Хвастался ты...»	292
IV. «Часто твоя госпожа...»	295
V. «Правда ли, Кинфия...»	297
VI. «Нет, не толпилися так...»	299
VII. «Кинфия, рада теперь ты...»	301
VIII. «Ту, что давно я люблю...»	302
IX. «Тем, кем он стал...»	304

X. «На Геликоне пора...»	306
XI. «Будь ты воспета другим...»	308
XII. «Кто бы впервые ни дал...»	309
XIII. «В Бактрах...»	311
XIV. «Не был в восторге таком Атрид...»	314
XV. «О, я счастливец!..»	316
XVI. «Вот из Иллирии...»	318
XVII. «Клятвой влюбленному лгать...»	321
XVIIa. «Ненависть часто рождает...»	322
XVIIb. «Что ты, в безумье пустом...»	324
XIX. «Хоть против воли моей...»	325
XX. «Что же ты плачешь сильней...»	327
XXI. «Как же меня этот Панф оболгал...»	329
XXII. «Знаешь, вчера у меня...»	330
XXIII. «Мне, кто старался бежать...»	332
XXIV. «Ты ль это все говоришь?..»	334
XXIVb. «Этим ли должен был я...»	335
XXV. «Мне появилась одна...»	337
XXVI. «Видел я сон...»	339
XXVII. «Тайну хотите узнать...»	342
XXVIIa. «Сжался же ты наконец...»	343
XXVIIb. «Вот и волчок перестал...»	345
XXVIIc. «Пусть, Персефона...»	346
XXIXa. «Свет мой, когда я бродил...»	347
XXIXb. «Близилось утро...»	349
XXXa. «Что ты, безумец, бежишь?..»	350
XXXb. «Пусть ворчуны-старики...»	351
XXXI. «Хочешь ты знать...»	353
XXXII. «Тот, кто увидел, погиб...»	354
XXXIII. «Праздники сиова пришли...»	357
XXXIV. «Кто же доверит теперь...»	359

Книга третья

I. «Ты, Калимахова тень...»	363
II. «Некогда, молвят, Орфей...»	365
III. «Снилось мне, будто лежу...»	367
IV. «Цезарь, сей бог...»	369
V. «Знаем, бог мира — Амур...»	371
VI. «Мне о любимой моей поведай...»	373

VII. «Так-то, о деньги...»	375
VIII. «Сладкой мне ссора была...»	378
IX. «Отпрыск царей, Меценат...»	380
X. «Я удивлялся...»	383
XI. «О, не дивись...»	385
XII. «Как это мог ты...»	388
XIII. «Спросите вы...»	390
XIV. «Многим палестры твоей...»	393
XV. «Нет, не хочу я терпеть...»	395
XVI. «Полночь — и вот получил...»	397
XVII. «Ныне покорно...»	399
XVIII. «Там, где играет залив...»	401
XIX. «Сколько уж раз...»	403
XX. «Ты полагаешь...»	405
XXI. «В дальний собираюсь я путь...»	407
XXII. «Что же так долго...»	409
XXIII. «Значит, пропали они...»	411
XXIV. «Милая, на красоту твою напрасна надежда...»	413
XXV. «Общий я смех возбуждал...»	414

Книга четвертая

I. «Странник, смотри...»	415
II. «В теле едином моем...»	421
III. «Это письмо своему Ликоту...»	424
IV. «Буду гарпейскую сень...»	427
V. «Пусть зарастет вся могила твоя...»	431
VI. «Жертву призоит певец...»	434
VII. «Маны не выдумка...»	438
VIII. «Слушай, что в прошлую ночь...»	442
IX. «Некогда, стадо тельцов...»	446
X. «Ныне открою...»	449
XI. «Павел, брось отягчать...»	451
 КОММЕНТАРИИ <i>Е. Берковой</i>	 457

ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ,
АЛЬБИЙ ТИБУЛЛ,
СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

Редактор С. О ш е р о в
Художеств. редактор Л. К а л и т о в с к а я
Технический редактор В. Г р и н е н к о
Корректор М. М у р о м ц е в а

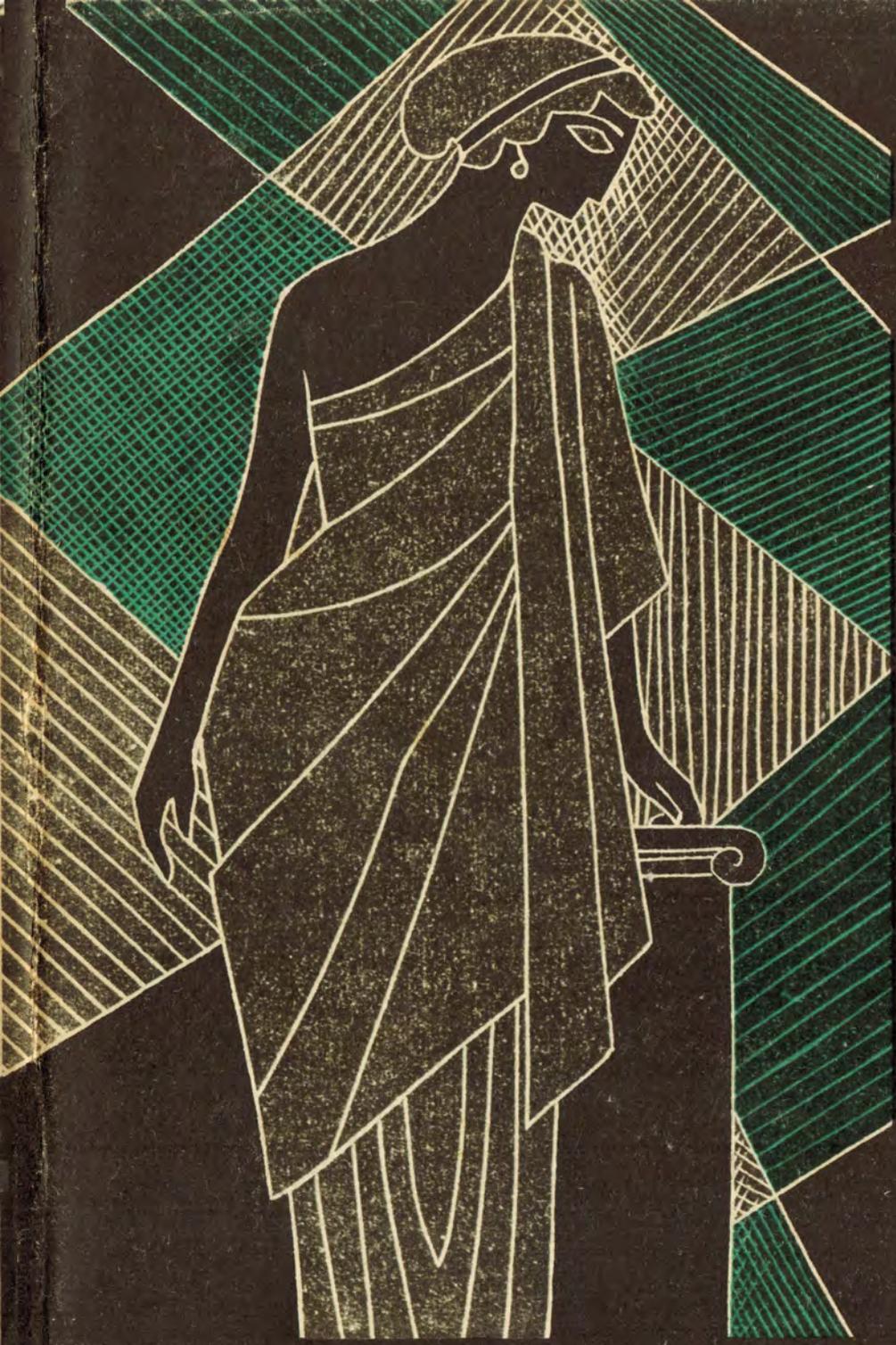
•

Сдано в набор 14/VII 1962 г.
Подписано в печать 7/1 1963 г.
Бумага 60×84¹/₁₆—32 печ.л.—20,1 усл.
печ. л. 15,31 уч.-изд. л. Тираж 50 000
Цена 69 коп. Заказ 3175

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

•

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валуван, 28

□ КАТУМ • ТИБУМ • ПРОГЕРЦІЙ